

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1898

Оглавленіе.

СТРАН.

Отдѣлъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Сольвычегодскій крестьянинъ, его обстановка, жизнь и дѣятельность. *Н. Ивашицаго* 3— 74
2. О Сибирскихъ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ. *С. В. Максимова* 75— 79

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Мариичельская крестьянская свадьба. (Бытовой очеркъ). *М. Успенскаго* 80—104
2. Нѣсколько параллелей Финскихъ сказокъ съ Русскими и прочими Славянскими. *А. Аарне* 105—110
3. Галицко-русскій авгурій XVIII-го вѣка. *Ю. Яворскаго* 111

Отдѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Теогонія Гезіода и Прометей. (Разборъ сказаній). Георгія Властова. *Д. Кудрявскаго* 112—116

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1898

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

Сольвычегодскій крестьянинъ, его обстановка, жизнь и дѣятельность.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій очеркъ можетъ служить дополненіемъ къ труду моему „Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи“, напечатанному въ „Извѣстіяхъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи“ въ 1890 г. Въ предисловіи къ названному труду я высказалъ, что собранныя мною свѣдѣнія относятся главнымъ образомъ къ уѣздамъ Кадниковскому и Вологодскому, какъ болѣе мнѣ знакомымъ и близкимъ. Сольвычегодскаго уѣзда, именно той окраины его, которая прилегаетъ къ р. Двинѣ, я касался лишь слегка, насколько окраина эта была мнѣ знакома по короткимъ посѣщеніямъ во время поѣздокъ въ Архангельскъ и по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, какія попадались мнѣ въ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

Я зналъ, что жизнь сольвычегодчанъ отличается многими интересными особенностями и теперь, когда случай свелъ меня съ крестьяниномъ Сольвычегодскаго уѣзда, мѣстожителемъ котораго Метлинская волость, расположенная на низменности, гдѣ сливаются двѣ большихъ рѣки—Двина и Вычегда, родина котораго деревня Марково, стоящая всего въ десяти верстахъ отъ Котласа—конечнаго пункта строящейся Пермь—Котласской желѣзной дороги, я сталъ записывать отъ него свѣдѣнія, касающіяся жизни, обстановки и дѣятельности мѣстнаго населенія.

Развивающееся съ каждымъ годомъ судоходство по Двинѣ и Вычегдѣ, проведеніе Вологодско-Архангельской желѣзной дороги, а въ особенности Пермь—Котласской, стали уже замѣтно вліять на нравы и образъ жизни крестьянъ, населяющихъ берега Двины и ея притоковъ. Поэтому мнѣ кажется, записи, подобныя той, какую я теперь представляю вниманію читателя, интересующагося народной жизнью, не только нужны, но и очень важны, потому что недалеко то время, когда многое, что мною теперь записано, явится не такимъ, какимъ оно есть, а иное и совсѣмъ исчезнетъ подъ наплывомъ новыхъ условій жизни.

Очеркъ мой не можетъ притязать на совершенную полноту, потому что все мною записанное, рассказывалъ мнѣ одинъ человѣкъ; но за то все,

что рассказано и записано, заслуживаетъ полного довѣрія, такъ какъ рассказчикъ самъ хозяинъ и строитель и семейный человѣкъ, рыболовъ и охотникъ. Въ отношеніи хозяйства и вообще практической жизни полнота очерка мнѣ кажется достаточною, пробѣль же представляютъ вѣрованія, суевѣрія и сопряженные съ послѣдними обряды. Въ этомъ отношеніи всѣ мои вопросы, обращавшіеся къ рассказчику, за немногими исключеніями, не привели ни къ чему.

— „Я такъ думаю, что все это бабьи запуги“ (т. е. вздоръ), или: „объ этомъ надо старухъ спрашивать“—вотъ были отвѣты на мои вопросы изъ области суевѣрій и демонологіи. Впрочемъ, область эта, мнѣ кажется, достаточно полно выяснена въ прежнемъ трудѣ моемъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ настоящаго предисловія.

I.

Общій обзоръ.

Деревня Марково (или, по мѣстному названію, Дресвенецъ), Метлинской волости, Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи, лежитъ подъ $61\frac{1}{4}^{\circ}$ с. ш. и 16° вост. долготы (отъ Пулкова). Она занимаетъ мѣсто недалеко отъ центра низменнаго, заливаемаго весеннею водою острова, около 10 верстъ длиною и 6 шириною, омываемаго съ запада р. Сѣвѣрною Двиною, а съ юга, востока и сѣвера протокомъ той же Двины, называемымъ Курьею. Нѣсколько верстъ южнѣе, т. е. выше по теченію Двины, въ послѣднюю съ востока вливается Вычегда, отдѣляя отъ себя неширокій протокъ и образуя, такимъ образомъ, островъ, называемый Толубенскимъ (отъ деревни Толубьева, лежащей на этомъ островѣ). Два упомянутыхъ большихъ острова и полуостровъ между ними, образуемый съ одной стороны Курьею, съ другой Двиною и съ третьей протокомъ Вычегды, представляютъ обширную низменность съ песчаною почвою, заливаемую въ весеннее время водами Двины и Вычегды, такъ что почта, идущая во время половодья изъ Устюга въ Сольвычегодскъ и прибывшая въ Ускорье, деревню, расположенную на лѣвомъ высокомъ берегу Двины, провозится 9 верстъ на карбасахъ до дер. Кузнецова, куда весеннія воды уже не достигаютъ. Мысъ, образуемый лѣвымъ берегомъ Вычегды и правымъ Двины, составляетъ продолженіе той же низменности, но не столь широкой.

Въ $\frac{1}{2}$ вер. отъ Двины и въ 1 вер. отъ Вычегды берегъ поднимается террасой, и на краю этой террасы расположена деревня Котласъ (по мѣстному названію Котдласъ), имѣющая въ близкомъ будущемъ обратиться въ городъ, такъ какъ близъ самой этой деревни строится теперь вокзалъ Пермь-Котласской желѣзной дороги. Лѣвый берегъ Двины противъ Котласскаго мыса тоже представляетъ низменное мѣсто, такъ что деревня Вондокурье, лежащая здѣсь,

заливается водою, но близъ Ускоря терраса лѣваго Двинскаго берега подходитъ къ рѣкѣ и самое Ускорье (сокращенное изъ Усть-Курья) стоитъ уже на горѣ; далѣе къ сѣверу этотъ берегъ Двины не представляетъ заливныхъ луговъ на довольно далекомъ протяженіи.

Пространство между лѣвымъ берегомъ Двины и высокою террасою праваго берега, на которой расположились деревни Грѣгорово, Загорка, Семидѣиха. Грива, Мостова, Кузнецово и Пѣршино, ежегодно заливается водою, такъ что деревни Марково, Крутецъ, Грихнево, Толубьево и Падзеро страдаютъ отъ наводненія. Вода уносить амбары и другія служебныя постройки, скотъ приходится поднимать изъ стай на повѣти; бываютъ годы, что вода заходитъ въ печи и оставляетъ за собою повсюду толстый слой илу. Но этотъ самый илъ, отлагаемый на лугахъ, принадлежащихъ всѣмъ перечисленнымъ мною деревнямъ, и даетъ роскошные урожаи сѣна и хлѣба, даетъ возможность имѣть хорошій скотъ и лошадей. Крестьяне могли бы существовать безбѣдно на этихъ лугахъ, если бы только не ощущалось недостатка въ землѣ.

„Плодородіе этихъ луговъ, говоритъ докторъ Снятковъ ¹⁾, зависитъ вполне отъ рѣчныхъ заносовъ, такъ что въ общемъ можно сказать, что травы тѣмъ лучше, чѣмъ выше и долѣе на данномъ лугѣ стоитъ весенній разливъ и чѣмъ болѣе, слѣдовательно, садится осадковъ. Только изрѣдка такіе луга, удаленные отъ рѣки, являются менѣе плодородными. Это объясняется опять таки тѣмъ, что на эти дальніе луга воды рѣки приносятъ только сравнительно мало осадковъ, оставляя ихъ ранѣе на лугахъ и въ кустахъ, лежащихъ ближе къ рѣкѣ. Слонъ весеннихъ осадковъ бываютъ такъ толсты, что нужно двѣ или три недѣли на спаденіе воды, чтобы показались ростки травъ, корни которыхъ глубоко занесены наносомъ, а на голыхъ пескахъ иногда въ одну весну наносятся слои толщиною въ цѣлый аршинъ и болѣе“.

„Густота травъ на этихъ лугахъ измѣнчива, но большею частью кажется очень значительною, между тѣмъ, на скошенныхъ мѣстахъ трава оказывается растущей довольно рѣдко. Это кажущееся противорѣчіе легко объясняется тѣмъ, что густота травы на этихъ лугахъ зависитъ не столько отъ густого произрастанія этихъ травъ, сколько отъ роскошнаго развитія отдѣльныхъ экземпляровъ“.

„Мѣстами ходить по этимъ лугамъ можно только съ значительнымъ усиліемъ, такъ много даетъ себя чувствовать густота травъ, особенно въ мѣстахъ, сплошь заросшихъ клеверомъ, горошками, чиною и астрагаломъ, стебли которыхъ, перепутываясь между собою, связываютъ ноги пѣшеходу“.

Лѣсъ въ описываемой мною низменности совершенно отсутствуетъ; онъ начинается въ верстахъ 4 къ востоку отъ Маркова, но тутъ идетъ уже

¹⁾ „Ботаническое изслѣдованіе заливныхъ луговъ въ долинахъ Сѣв. Двины и Вычегды“. Вологда. 1889 г.

сплошною зарослью. Преобладающею породою въ немъ является сосна, за нею идетъ ель; пихта попадаетъ рѣдко; за елью лиственница (по здѣшнему лѣсвенъ) и можжевельникъ (вересь); ведръ, какъ извѣстно, не растетъ дико до Тиманскаго хребта, но, будучи посаженъ, образуетъ цѣлыя рощи; такъ и здѣсь отдѣльныя деревья растутъ прекрасно и приносятъ плоды.

Изъ лиственныхъ породъ преобладающею является береза; за нею слѣдуютъ осина и ольха (двухъ сортовъ), рябина, черемуха, ява древесная, липа и вязъ въ лѣсахъ и на лугахъ и, наконецъ, осокорь, вырастающій огромными деревьями на заливныхъ островахъ Двины и Вычегды ¹⁾. Осокорь произрастаетъ настолько обильно, что древесина его идетъ на топлины въ овинны и употребляется охотно потому именно, что при горѣніи не даетъ искръ. Изъ этой же древесины выдѣлываютъ и „наплавки“ къ неводамъ.

Кустарныя породы тоже довольно разнообразны въ описываемой мною мѣстности. Здѣсь произрастаютъ: калина, жимолость двухъ видовъ, таволжникъ (*Spiraea*), росинникъ (*Cotoneaster*), шиповникъ двухъ видовъ, смородина красная и черная, малина и крушина, не говоря уже о мелкихъ сортахъ кустарныхъ ивъ, изъ которыхъ иныя имѣютъ въ народномъ хозяйствѣ большое значеніе.

Изъ ягодныхъ травъ по берегамъ Двины и Вычегды произрастаютъ брусника, черника, голубика, паленика, морошка и отчасти ежевика.

Садыковъ при домахъ нигдѣ не разводятъ, въ деревнѣ же Марковѣ нѣтъ даже ни одного дерева. Огороды есть (они зовутся огородцами) и тутъ разводятъ капусту, картофель, лукъ, морковь, бобы, свеклу, рѣдьку и хрѣнъ. Чеснокъ не сажаютъ, потому что на заливныхъ лугахъ въ обиліи произрастаетъ дикій чеснокъ (*Allium angulosum*), который собираютъ, толкутъ, обливаютъ квасомъ и въ это кушанье „мачутъ кусокъ“, т. е. обмакиваютъ черный хлѣбъ и ѣдятъ.

Петрушку, укропъ и т. п. никогда не сѣютъ, тыквъ и огурцовъ не разводятъ. Иноземные плоды, напр. лимоны, не только не въ употребленіи, но многіе о нихъ и не знаютъ, кромѣ тѣхъ, которые бывали въ Вологдѣ и Архангельскѣ. По этому поводу рассказчикъ привелъ довольно курьезный фактъ. Одинъ изъ его односельчанъ, пріѣхавшій въ первый разъ въ Архангельскъ и зайдя въ трактиръ, спросилъ себѣ чаю съ лимономъ, о которомъ

¹⁾ Я подчеркиваю это названіе, такъ какъ ботаники проводили сѣверную границу осокоря (*Populus nigra*) на нѣсколько градусовъ южнѣе. Впервые осокорь встрѣченъ былъ мною въ низовьяхъ р. Юга, затѣмъ, я нашелъ его на Двинѣ въ Устюжскомъ уѣздѣ, а докторъ Святковъ даже въ Яренскомъ по р. Вымѣ. Но имѣются несомнѣныя свѣдѣнія о произрастаніи осокоря въ Вологодской губ. въ давнія времена. Такъ, въ сочиненіи А. Соскина „Исторія города Соли-Вычегодской“, изд. 1789 г., въ жизнеописаніи Іоанна Юрдовикаго (стр. 143) сказано: „Вѣгаше же блаженный Іоаннъ и въ другую страну веси, глаголемѣй Пачезерской, отстоящую отъ града 15 верстъ или поприщъ, до великихъ древъ осокорей“.

онъ слыхивалъ. Возвратясь же домой, сталъ смѣяться надъ тѣми, которые находятъ вкусъ въ чаю съ лимономъ, причемъ далъ понять, что лимонъ этотъ былъ соленый. Когда его спросили подробнѣе, оказалось, что онъ смѣшалъ два незнакомыхъ ему плода и, вмѣсто лимона, спросилъ огурца, который ему и подали. Мужикъ этотъ былъ долго общимъ посмѣшищемъ въ деревнѣ.

Въ лавкахъ покупаютъ приправы: „стручковый“, „гороспчатой“ и молотый перецъ и горчицу, но болѣе ничего. Пьютъ покупной чай, но никакихъ травъ, какъ суррогатъ чая (напр., звѣробой, земляничныи) не употребляютъ. Кофе настоящаго не пьютъ, а покупаютъ подъ названіемъ „кофею“ какія то сушенныя ягоды въ коробкахъ. Чай пьютъ съ сахаромъ, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ, вслѣдствіе дороговизны этого продукта; изюмомъ сахаръ не замѣняютъ, тоже потому, что эта прикуска дорога. Сахаристыя вещества, необходимыя для организма, особенно дѣтскаго, получаютъ поѣданіемъ въ сыромъ или вареномъ видѣ многихъ дикорастущихъ мѣстныхъ растений; напр. зонтичныхъ *Angelica silvestris*, *Heracleum sibiricum*, а также крестоцвѣтнаго *Bunias orientalis*, хвощей (*Equisetum*), которые идутъ въ пищу въ видѣ плодоносныхъ стеблей, пестовъ „вороньихъ“ и чешенныхъ“ (последніе считаются болѣе вкусными) и въ видѣ орѣшковъ (подземныхъ клубней), развивающихся на корняхъ полевого хвоща, такихъ же клубней зонтичнаго *Chaerophyllum bulbosum*, варятъ цвѣточные стебли („стобики“) щавеля (*Rumex Acetosa*), а въ особенности лакомятся повсемѣстно сосновымъ и березовымъ сокомъ, добываемымъ весной, наконецъ, ѣдятъ кисель изъ солоду, въ которомъ развариваются ягоды калины.

Куренье табаку, конечно, махорки, очень распространено, но въ послѣдніе годы, со вздорожаніемъ этого наркотика, иные стали переходить къ нюханью. „Какъ табакъ подорожалъ, народъ сталъ отыкаться (останавливаться), другой и курить совсѣмъ ошабанилъ“. Хотя нюхательный табакъ дѣлается изъ той же махорки, но въ него прибавляютъ чуть не на половину высушенныхъ и смолотыхъ еловыхъ иголъ и печной золы.

Деревня Марково отстоитъ отъ Двины въ 2 вер. и имѣетъ 34 дома; расположена она, какъ здѣсь говорится, „камницей“, т. е. дома стоятъ не въ двѣ линіи по дорогѣ, какъ это обыкновенно бываетъ, а вразсыпную и глядятъ своими фасадами куда попало; между домами и прилегающими къ нимъ „огородами“ дороги извиваются такъ прихотливо, что нищіе, забравшись въ деревню, не скоро находятъ изъ нея выходъ. Жителей въ деревнѣ 183 человека мужчинъ, женщинъ и дѣтей, кромѣ младенцевъ, изъ нихъ грамотныхъ 30, т. е. 16⁰/. Грамотными я считаю, не какъ принято обыкновенно, даже такихъ, которые умѣютъ лишь подписать свою фа-

милію, но дѣйствительно читающихъ и пишущихъ, хотя, надо сказать, что въ деревнѣ Марково пишутъ и читаютъ лишь изрѣдка письма, книгъ же никто не читаетъ, такъ какъ ихъ нѣтъ и достать негдѣ. Ближайшая къ Маркову школа—министерская—въ 3 верстахъ, въ селѣ Григоровѣ (по мѣстному Писѣница); затѣмъ, въ 10 верстахъ на Коморицѣ—земская и въ 6 вер. на Вешкурѣ—тоже земская. По выходѣ изъ этихъ школъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки прерываютъ съ ними всякія отношенія; бібліотечекъ при школахъ нѣтъ, а если и есть, то книги изъ нихъ не выдаются для чтенія „постороннимъ“ лицамъ. Что касается духовнаго просвѣщенія народа, то здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ изумительнымъ фактомъ, что мой рассказчикъ, уроженецъ дер. Маркова, совершенный изычникъ. О Богѣ онъ только слыхивалъ отъ родителей, объ Христѣ же никогда ни отъ кого не слышалъ¹⁾, Евангелія не читывалъ, едва умѣетъ перекреститься и не знаетъ не только важнѣйшихъ молитвъ, но даже и той, которую произносятъ толстовскіе старцы: „трое васъ, трое насъ, помилуй насъ“.

И этотъ крестьянинъ, имѣющій 28 лѣтъ отъ роду, домохозяинъ и женатый человѣкъ, конечно, не представляетъ исключенія среди обитателей верхней Двины и устьевъ Вычегды. Между тѣмъ, если мы взглянемъ на карту, то увидимъ, что въ названномъ краю „грудно“ расположились семь приходскихъ церквей (въ Вондокурѣ, Туровцѣ, Комарицѣ, Вешкурѣ, Григоровѣ, Падзерѣ и Котласѣ), затѣмъ, въ 27 верстахъ отъ Маркова стоитъ городъ древняго благочестія Сольвычегодскъ, въ которомъ 12 церквей, и въ 70 верстахъ еще болѣе древній Устюгъ Великій, гдѣ 25 церквей и мѣсто-жительство архіерея. Мѣстный причтъ посѣщаетъ деревни своего прихода для того только, чтобы собрать хлѣбъ и дары о праздникахъ и, конечно, ни въ какія духовно-нравственныя бесѣды со своими прихожанами не вступаетъ. „Досугъ ли ему рассказывать? а проповѣдь въ церкви читаетъ“²⁾.

Медицинская помощь въ волости почти не существуетъ. Земскій врачъ живетъ въ Сольвычегодскѣ и участка своего не объѣзжаетъ; фельдшеръ тамъ же, и если его вызовутъ, то является. Лечь въ больницу крестьянинъ рѣшается

¹⁾ Не слыхалъ никогда и „Христось съ тобой“ и „Христа ради“ и „Христомъ побирается“ и „Христось воскресъ—вонистину воскресъ“? Не слыхалъ ничего ни о Рождествѣ, ни о Богородицѣ, ни о Вознесеніи, ни о Воскресеніи Христовомъ, не слыхалъ духовныхъ стиховъ, распѣваемыхъ нищими, не видалъ иконъ, никогда не бывалъ въ церкви, однако женатъ?—Въ этомъ показаніи нельзя не усумниться. Крестьянинъ, какъ видно, очень толковый, напустилъ эту дурь на себя, желая щегольнуть передъ ученымъ баринномъ своимъ позитивизмомъ (см. на стр. 4—„бабы запуги“). И ему повѣрили, значить совралъ не напрасно. *Ред.*

²⁾ И все это повальное осужденіе Сольвычегодскаго духовенства, безъ сомнѣнія несправедливое, какъ всѣ такого рода огульныя осужденія, вновь убѣждаетъ насъ въ невѣрности показанія Марковскаго крестьянина и въ нѣкоторой въ этомъ случаѣ легковѣрности нашего почтеннаго автора. Самъ же онъ говоритъ, что съ Сольвычегодскимъ уѣдомъ лично онъ мало знакомъ, не имѣлъ значить случая и близко узнать тамошнее духовенство: не состоитъ же оно поголовно изъ дурныхъ, недоброкачественныхъ людей. *Ред.*

только въ послѣдней крайности. Лѣчатся домашними средствами и у „нѣм-туновъ“, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется хирургическая помощь. Народъ, вообще, отличается въ тѣхъ мѣстахъ здоровьемъ, однако, лихорадки, поспадѣ водѣ, даютъ себя знать.

Скота въ деревнѣ крупнаго около сотни головъ, но скоть не холмогорской породы. Попытки развести эту породу дѣлались не разъ, но не удавались. Впрочемъ, скоть не дурной. Хорошая корова вѣситъ здѣсь, т. е. на Двинѣ, пудовъ 15 и даетъ бутылокъ 20 молока въ день, быкъ вѣситъ отъ 18 до 20 пудовъ. Масло копать и продавать въ города (Красноборскъ, Сольвычегодскъ, Устюгъ) отъ 14 до 19 коп. за фунтъ. Куръ держать много и яйца отдають скупщикамъ по 8—9 коп. за десятокъ; другой домашней птицы никакой не держать.

Куриныя яйца кладутъ въ вороньи гнѣзда съ цѣлью дать воронамъ высидѣть ихъ, потому что курица, „выпаренная“ вороной, бываетъ кладливѣе. Куриное яйцо „подводится“, т. е. подеранивается подъ воронье сажѣ. Одно воронье яйцо изъ гнѣзда выбрасывается и кладется взамѣнъ его куриное, но только одно, иначе ворона замѣтитъ обманъ. Подложивши яйцо, по временамъ лазать и наблюдаютъ, не вылупился ли птенецъ, чтобы тотчасъ же вынуть его вонъ, иначе ворона убьетъ его.

Не смотря на плодородіе почвы, неурожай случаются. Земство въ такихъ случаяхъ не помогаетъ. „Не связываются съ нимъ, потому что раньше натѣкало“, т. е. брали хлѣбную ссуду въ голодные годы и до сихъ поръ не могутъ съ этой ссудой раздѣлаться.

Кабака въ деревнѣ нѣтъ; онъ находится въ 3 вер., у церкви, „и у каждой церкви въ волости по кабаку“.

Земская почта въ уѣздѣ существуетъ, но денежные и заказныя письма, равно и посланки, можно получать только въ волостномъ правленіи, въ 27 вер. отъ деревни, простая же корреспонденція доставляется въ сельское общество, но и за той нужно идти 3 версты.

Изъ звѣрей въ краѣ водятся: волки, медвѣди, рыси, росомахи, куницы, лисицы, горностан, ласки, хорьки, бурундуки, бѣлки, зайцы. Оленей и лосей нѣтъ.

Изъ птицъ: тетерева, глухари, рябчики, утки, гуси, лебеди, журавли, гагары, галки, голуби, чайки, воробьи. Грачи въ деревнѣ и ея окрестностяхъ вовсе не селятся (потому что нѣтъ деревьевъ), но въ Сольвычегодскѣ они живутъ обильно. Изъ хищныхъ птицъ: коршуны, ястреба, филины, совы, сычи, вороны, вороны, сороки. Волки и медвѣди убиваются для шкуръ (волчья шкура цѣнится въ 3 руб.), тоже и бѣлки (отъ 5 до 10 коп.). Зайцевъ бьютъ для шкурки и для ѣды, но ѣдятъ только заднюю часть, шкурка про-

дается по три коп. Собацьи шкуры идутъ на шубницы (теплыя рукавицы шерстью внутрь) и на шапки, тоже и кошачьи.

Тетеревей и глухарей ѣдятъ жареными, но не варятъ, рябчиковъ варятъ и жарятъ, тоже утокъ и гусей. Лебедей не ѣдятъ (считаются погаными), бьютъ лишь ради шкурокъ, но не на продажу, а набиваютъ изъ нихъ „чу-чалки“ и ставятъ въ избахъ „гла басы“ (для украшенія). Журавлей ѣдятъ—варятъ и жарятъ, но куръ и пѣтуховъ не ѣдятъ вовсе.

Голубей не бьютъ, это считается грѣхомъ, также и „воробышковъ“. Сорокъ бьютъ для того, чтобы достать мозгъ, который считается превосходнымъ средствомъ для смазыванія „омороженныхъ“ частей тѣла. Съ тою же цѣлью употребляется и гусиное сало.

Къ птицамъ вообще относятся сочувственно: въ клѣткахъ ихъ не держатъ, нигдѣ и никогда; „птичу грѣхъ держать взапертѣ, въ засѣдкѣ. Иногда держатъ въ избахъ голубей, но они летаютъ свободно и вылетаютъ на улицу по желанію. Утокъ—селезней и острохвостокъ ловятъ руками и держатъ въ избахъ для того, чтобы потомъ съѣсть. „Хто убьетъ птичу зря, тово ругаютъ, потому што и ворона безприщипная птица“ (т. е. ни въ чемъ не повинна).

Утиныя яйца ѣдятъ вареными; найти утиное гнѣздо очень трудно, но инныя утки вьютъ себѣ гнѣзда въ „полунѣтрныхъ“ соснахъ довольно высоко отъ земли; такія гнѣзда разыскиваютъ и яйца изъ нихъ выбираютъ.

Собака считается животнымъ въ высшей степени поганымъ и сквернымъ. Въ избу ее пускаютъ и позволяютъ лежать на полу, но никогда не пустятъ на лавку и почевать она должна на повѣти. Черезъ нее не молятся. Иногда ее приласкаютъ, но на руки не берутъ. Если собака обнюхаетъ кушанье, его ни за что не тронуть, а отдадутъ ей. Собакѣ никогда не позволяютъ ѣсть изъ той посуды, изъ которой ѣдятъ люди, а если она полизала изъ чашки, чашку сожгутъ или бросятъ. Собакѣ, какъ и кошкѣ, дается особая посуда для ѣды; она зовется собачья, та же, изъ которой ѣстъ кошка, зовется „папѣрей“.

Кошка тоже считается поганой, черезъ нее не шагаютъ, а отопнуть, если она лежитъ на дорогѣ. Въ церковь ее не пускаютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, но, вообще, она пользуется большимъ расположеніемъ, чѣмъ собака, ее гладятъ и берутъ на руки.

Рыбы въ описываемыхъ мѣстахъ водятся слѣдующія: окунь, лещъ, язъ или язенокъ, подъязовъ, стерлядь, сорога (плотница) или сорожка, пескарь, бѣлашки (мелкая рыбка, но не снятки), ерши, караси, семга, хариузь, мулявка, семидырка (минога; ихъ ловятъ, но только для кошекъ).

Привозная рыба изъ Архангельска: треска, палтусъ, семга, пикша, сайда, навага, морской окунь, зубатка, морская налимна (?), сельди и камбала.

Раковъ ловятъ въ Двинѣ, но не варятъ, а пекутъ на угольяхъ и ѣдятъ одинъ клешни.

Постройка дома и службъ.

Домомъ вообще зовется постройка, въ которой находятся: жилое помѣщеніе, повѣтъ и стая; изба-же—одна только жилая комната.

Матеріаломъ для постройки дома служатъ исключительно сосновыя бревна; лиственничныя исполняютъ роль фундамента, еловыя же никогда не употребляются.

Лѣсъ ронится, т. е. рубится въ великого вѣнья—великимъ постомъ и тотчасъ же вывозится въ деревню. Если лѣсъ пролежитъ на улицѣ все лѣто до осени, онъ зовется виснодильнымъ; такой лѣсъ можно рубить, т. е. дѣлать изъ него домъ, когда угодно, потому что онъ сухой; сырой, стало быть, мерзлый, рубить трудно, такъ какъ онъ „отшибаетъ руки“.

Срубъ (по мѣстному стопѣ) рубится или на мѣстѣ, т. е. тамъ, гдѣ домъ будетъ стоять, или же гдѣ нибудь вдали и послѣ разбирается и перевозится на мѣсто. Въ такомъ случаѣ мохъ не кладется и пазы мшатся тогда уже, когда стопа сложена. Если же рубится на мѣстѣ, то прямо „на мохъ“, т. е. слой моху кладется на окладникъ (см. ниже), на него слѣдующій вѣнецъ, т. е. четырехугольникъ изъ бревенъ, опять мохъ, и т. д.

Выбравъ мѣсто для дома, крестьянинъ прежде всего кладетъ на землю окладники, т. е. четыре лиственныхъ бревна, соединенныхъ между собою въ вѣнецъ, при чемъ въ мѣстахъ соединенія въ рубыши кладется мохъ и таковой-же разстилается по всей поверхности четырехъ нижнихъ бревенъ, затѣмъ, на окладники кладется слѣдующій вѣнецъ, уже изъ сосновыхъ бревенъ.

Когда это сдѣлано, служатъ молебень, называемый на-подъѣмъ.

Два первыхъ вѣнца опредѣляютъ мѣсто для подстолбковъ. Подстолбки—это сосновыя или лиственничныя чурки, вкапываемыя въ землю подъ углы окладниковъ; на нихъ будетъ держаться весь домъ. На верхнихъ сръзахъ подстолбковъ вырубаютъ предварительно топоромъ фигуру креста. Камней-же подъ углы зданій никогда не кладутъ.

Подъ домомъ выкапывается яма, зовущаяся голбцемъ; въ нее опускается срубъ—рада два бревенъ, песокъ-же, вырытый изъ ямы, приваливается къ внутренней поверхности стѣнъ дома и зовется заваляной. Впоследствии изъ избы дѣлается въ голбецъ особый ходъ.

На окладники кладутся слѣдующіе ряды бревенъ съ мохомъ между ними. Мохъ берется или изъ рѣчекъ, такъ наз. зольнякъ, или на бору на сырыхъ мѣстахъ (*Sphagnum*) и его сушатъ дома.

Всѣхъ рядовъ, т. е. вѣнцовъ, въ срубѣ бываетъ обыкновенно 17, иногда 15.

На пятомъ ряду кладется полъ. Концы половыхъ тесинъ входятъ въ черепа—вырубки въ стѣнахъ избы; подъ полъ по срединѣ укладывается матица, круглое бревно, служащее для того, чтобы полъ не прогибался. Для матицы въ стѣнахъ вырубается гнѣзда, въ которыя она и входитъ своими концами.

Такъ какъ половицы не всегда одной толщины, то полъ можетъ выйти неровенъ. Чтобы выровнять его, на нижней поверхности половицъ вырубается лапы *а*, въ которыя и входитъ матица *б* (рис. 1). Для того-же, чтобы полъ не коробился, въ половицахъ выдалбливаются долотомъ гнѣзда и въ нихъ загоняются шипы *в* (рис. 2).

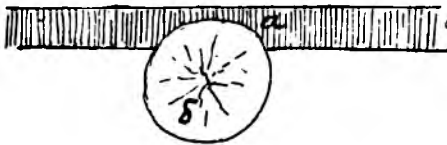

Рис. 1.

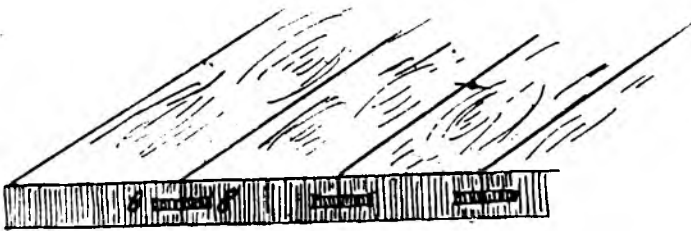

Рис. 2.

Полъ выравнивается стругомъ. Если въ половицѣ попадется сучекъ, который выскочить, то въ дырку заколачивается сосновая

палочка—шкѣдникъ.

На концы половицъ у стѣнъ, чтобы не попадала вода, когда станутъ мыть полъ, приколачиваются наличники—бруски, имѣющіе видъ трехгранныхъ призмъ. Ямки и неровности въ полу ничѣмъ не замазываются и полъ не красится.

На седьмомъ ряду начинаютъ вырубать окна, причемъ въ седьмомъ бревнѣ дѣлается вырубка, называемая подоконникомъ *а*, такая же вырубка въ верхнемъ бревнѣ (по высотѣ окна) зовется пролетомъ *б*; (рис. 3). У двери вырубка внизу зовется порогомъ, а верхняя тоже пролетъ.

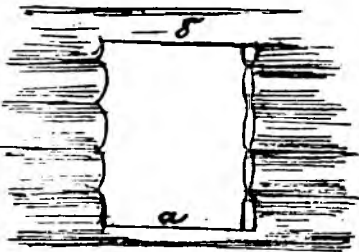

Рис. 3.

Въ углахъ бревна скрѣпляются обычнымъ способомъ, т. е. въ каждомъ деревѣ вырубается по два рубыша, вершковъ по 7 или 8, кромѣ того, вынимается пазъ для моху; концы бревенъ, торчащіе

на улицу, зовутся зауголками, они потомъ выравниваются пилою. Срубъ, доведенный до крыши, какъ уже было сказано, зовется стопою.

Въ прорубы, сдѣланные для оконъ, прежде всего вставляются колодины—косыки, двѣ вертикальныхъ и двѣ горизонтальныхъ. Въ вертикальныхъ колодинахъ со стороны стѣны дѣлаются выемки—выдры; въ эти выдры и входятъ бревна стѣны. Такія же колодины вставляются и въ двери. Въ дверныхъ колодинахъ вырубается кругомъ притворъ, т. е. прямоугольная выемка, въ которую должно входить плотно двери.

Полотно двери составляется изъ 4-хъ досокъ, въ которыхъ, когда онѣ сложены, дѣлаются двѣ косыхъ выемки; въ эти выемки вколачиваются нарвы (безъ клея и гвоздей); для укрѣпленія ихъ, въ концахъ вгоняются клинья. Въ колодину вколачиваются два желѣзныхъ крюка *а*, а на нихъ надѣвается загнутый въ кольцо конецъ желѣзной полосы *б*, затѣмъ, полоса приколачивается тремя гвоздями къ полотну двери. У свободного, вертикальнаго края двери приколачиваются съ одной и съ другой стороны по желѣзной скобѣ *в*. Къ верхнему пролету приколачивается на 4 гвоздя наличникъ, прикрывающій мохъ, который кладется на верхнюю колодину (рис. 4).

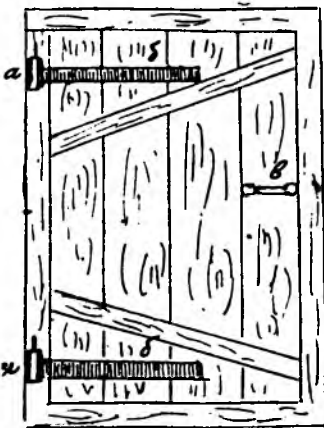

Рис. 4.

Съ наружной стороны двери, кромѣ скобы, приколачивается еще пробой для всякаго замка, которымъ изба запирается, когда всѣ обитатели ея уходятъ далеко (напр., на сѣнокосъ), если же оставляютъ избу пустою ненадолго, то, притворивъ дверь, просто приставляютъ къ ней лопату или помело, какъ знакъ того, что въ избѣ никого нѣтъ.

Околыницы, т. е. оконныя рамы, дѣлаетъ столяръ. Бруска, въ которые врѣзываются стекла, зовутся перечёньями. Рама просто приколачивается къ окну гвоздями. Большія окна зовутся колодными, меньшія не имѣютъ особыхъ названій.

На второмъ бревнѣ сверху стопы въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ вынимаются черепъ. Особо отъ череповъ въ бревнахъ вырубаются подматки, т. е. отверстія, въ которыя входятъ концы матицы *а*. Для большей прочности, кромѣ главной матицы, кладутся еще побочныя, называемыя тоже подматками, *б* (рис. 5).

Поперекъ матицъ укладывается потолокъ изъ круглыхъ бревенъ. Когда бревна накачены, ихъ прижимаютъ начерёпкомъ, т. е. самымъ верхнимъ вѣнцомъ бревенъ и конопатятъ мохомъ.

Затѣмъ, рубится повалъ *в*, т. е. рядъ бревенъ, скрѣпленныхъ другъ съ другомъ шипами. Нижнее бревно повала по длинѣ равно поперечной стѣнѣ

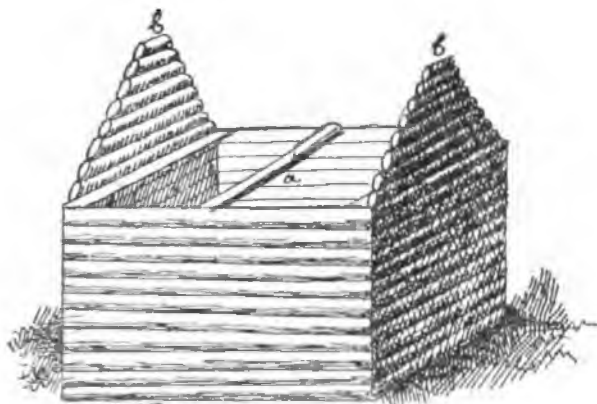

Рис. 5.

дома, слѣдующія постепенно сдѣлаются и образуютъ треугольникъ; боковые стѣны повала зовутся слезами.

Повалъ не всегда бываетъ бревенчатый, иногда его дѣлаютъ и тесовымъ. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто пары стропилъ, какъ это имѣетъ мѣ-

сто при бревенчатыхъ повалахъ, ихъ ставятъ три пары, какъ показано на рис. 6.

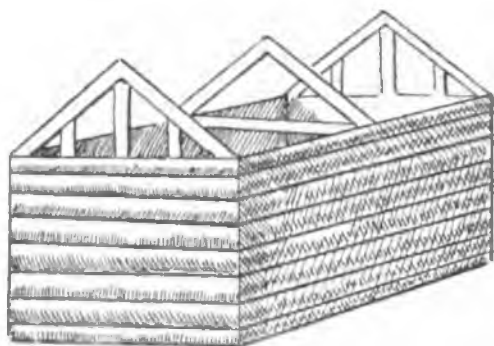

Рис. 6.

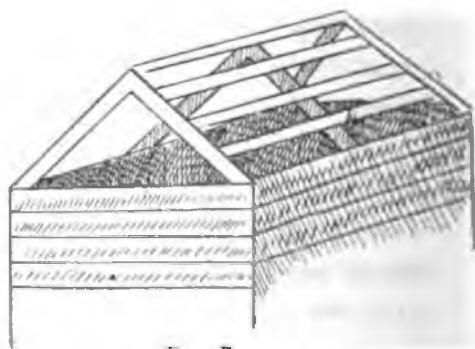

Рис. 7.

ныхъ въ стѣнѣ. Если бревенчатыхъ поваловъ не дѣлается, то въ крайнія стропилины вставляются стойки изъ отесанныхъ съ двухъ сторонъ нетолстыхъ бревенъ; стойки эти служатъ для обшивки повала: тесины приколачиваются къ нимъ гвоздями.

Когда это сдѣлано, поперекъ стропилъ, параллельно стѣнамъ, кладутся слеги изъ бревенъ вершка по 2 въ отрубъ; онѣ входятъ въ рубышки, выдолбленные въ стропилинахъ, и приколачиваются гвоздями (см. рис. 7). Слегъ всего 13 штукъ, по 6 на сторонѣ и 13-я на верху князѣвая. Для укрѣпленія, стропила связываются прибитыми къ нимъ крестъ-на-крестъ досками („крестовыя штуки“).

Затѣмъ, крыша кроется тесомъ. Тесины кладутся поперекъ слегъ; внизу онѣ входятъ въ водопуски *а*, а водопуски лежатъ на курочкахъ *б*—де-

ревянныхъ вѣрочкахъ, которые вкладываются въ нижнюю, лежащую на стѣнѣ, слегу. Верхніе концы тесницъ прижимаются обшпунемъ в. Это—выдолбленное жалобомъ бревно, вогнутою стороною оно кладется на князевую слегу (рис. 8).

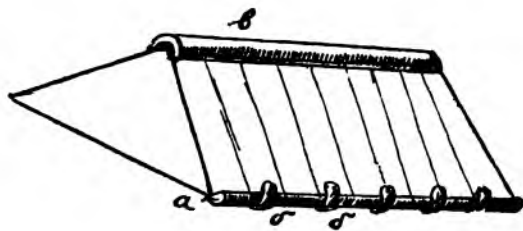

Рис. 8.

Чтобы снѣгъ не попадалъ подъ крышу и чтобы ее не сорвалъ вѣтеръ, къ слегамъ съ передней и задней стороны приколачивается подзоръ изъ досокъ; съ боковъ его нѣтъ.

Спереди подъ угломъ крыши прикрѣпляется дуга изъ тонкихъ досокъ, называемая кузовкомъ; она служитъ единственно для украшенія.

Подъ крышей (на чердакѣ) спереди на потолкѣ ставится небольшой срубъ о три стѣны (четвертая, передняя стѣна образуется поваломъ), представляющій комнатку; она имѣетъ отдѣльный потолокъ и полъ. Въ задней стѣнѣ прорубается дверь, спереди (въ повалѣ) — окно. Эта лѣтняя комнатка зовется изимнѣй (т. е. мезонинъ); лѣтомъ въ ней спать, а зимой она служитъ кладовою. Передъ окномъ изимина дѣлается балхонтъ; на него можно выходить изъ окна.

Рис. 9.

Къ передней стѣнѣ дома, но не вплотную, а лишь до зауголковъ, приваливается на землю бревно, такъ, что между нимъ и стѣною дома образуется какъ бы ящикъ; это пространство засыпается пескомъ, съ тою собственною цѣлью, чтобы холодъ не проникалъ съ улицы подъ полъ избы. Въмѣсто бревна ставятъ иногда „плетешокъ“ изъ виць и между нимъ и стѣною насыпаютъ льяную кистицу, перемѣшанную съ пескомъ.

Въ деревняхъ по Сухонѣ (въ Устюгскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ), вмѣсто описанныхъ заваленокъ передъ избой вколачиваются въ землю кольца и пространство между этими кольями и стѣною дома заваливается соломой до самыхъ оконъ, въ окна же вставляются снаружи подушки, набитыя кудедей, съ маленькимъ отверстіемъ по срединѣ для прохода свѣта. И то, и другое, конечно, весьма негигіенично и безобразно. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ этого нѣтъ. При наступленіи сильныхъ морозовъ здѣсь окна завѣшиваютъ иногда снаружи соломенными коврами, и только.

Конопатятъ домъ черезъ годъ или черезъ два по постройкѣ, но не мохомъ, а льянными отрѣсками, посредствомъ желѣзной лопатки, называемой конопаткой; по лопаткѣ ударяютъ кѣмъ.

Рис. 10.

Кіи—березовая чурка, обтянутая желѣзными кольцами. Сбоку вставляется ручка, которая зовется черенъ (см. рис. 10). Береза для кіи подыскивается особая, т. е. такая, слои которой заворачиваются спиралью (въ Никольскомъ у. цвиль, цвилеватая береза); она отличается большою крѣпостью и зовется здѣсь щеткой. Отрепи предварительно ссыкаются въ жгутъ, называемый конопатью, и эта конопать вколачивается въ пазъ кіемъ.

Конопатить умѣетъ не всякій, а только мастеръ, называемый конопатчикомъ.

Конопаченье избы длится съ недѣлю, если работаетъ одинъ и стоитъ рубля 3—4 на хозяйскихъ харчахъ.

Съ задней стороны къ избѣ примыкаетъ мостъ (т. е. мостъ). На шести столбахъ, вкопанныхъ въ землю, кладутся перекладины, а поперекъ ихъ настилается самый мостъ изъ тесу или изъ половиншика, т. е. распиленныхъ на-двое бревенъ, которые укладываются горбомъ книзу. Надъ мостомъ, на перекладинахъ, настилается тесовый потолокъ—подволока.

Къ мосту по ту или другую сторону избы пристраивается крыльцо. Это—площадка, обыкновенно съ крышею и перилами; съ нея спускается лѣстница на землю.

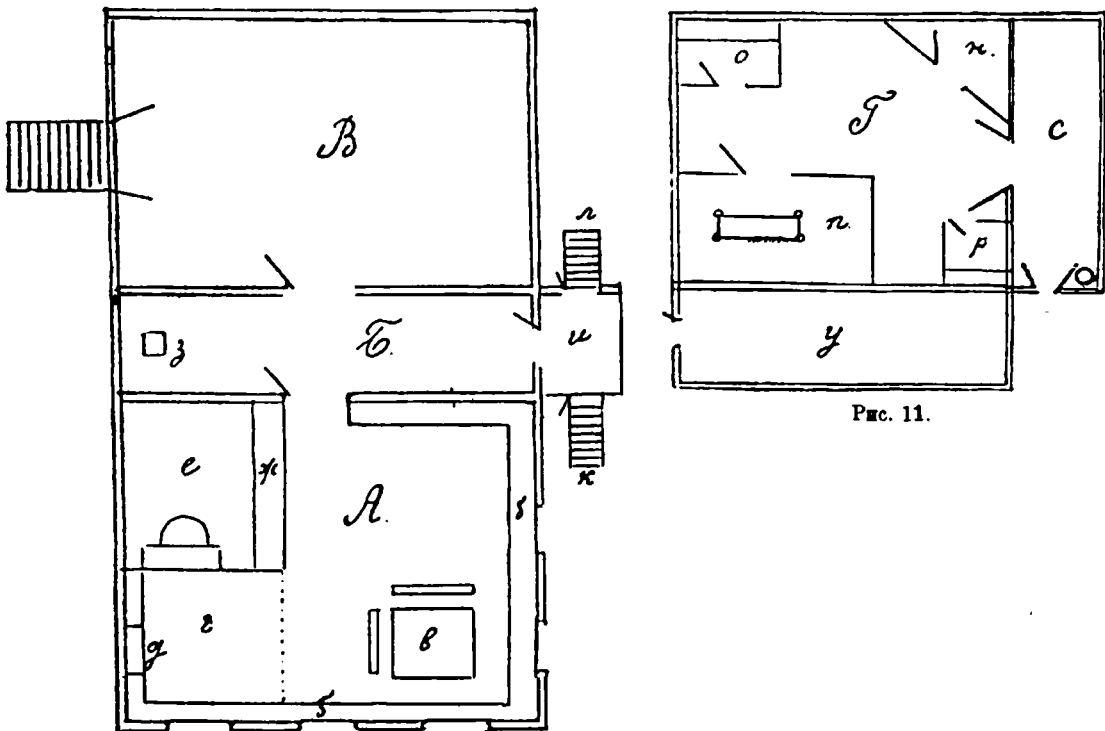

Рис. 11.

Непосредственно къ мосту примыкаетъ стая. Срубъ для стая дѣлается такъ же, какъ и для избы и крыша у избы, моста и стая общая. Внизу въ стаѣ, „на назымѣ“, помѣщается скотъ, вверху-же находится повѣть (повѣть); тутъ „мечется“ сѣно или солома, тутъ же хранятъ сани, тарантасы и т. п. Отъ моста повѣть отдѣляется стѣной, въ которой на мостъ прорублена дверь.

На той же (или на другой) сторонѣ, гдѣ находится крыльцо, въ стѣнѣ повѣти дѣлаются ворота въ два полотна и отъ нихъ спускъ внизъ—звозъ. Звозъ держится на перекладинахъ, положенныхъ на столбы; на перекладинахъ набираются звозины—бревна, по которымъ въѣзжаютъ на повѣть или спускаются съ нея.

Планъ избы, моста, повѣти и стая (рис. 11).

А—изба; б—лавки по стѣнамъ; в—столъ; г—мѣсто противъ печи, отдѣленное отъ избы занавѣской; д—посудный шкафъ; е—печь, ж—голбецъ.

Б—мостъ; з—дыра въ полу (отхожее мѣсто); и—площадка крыльца; к—лѣстница на улицу; л—лѣстница въ саникъ.

В—повѣть; м—звозъ.

Г—стая (помѣщается подъ повѣтью); н—помѣщеніе для свиней; о—помѣщеніе для овецъ; п—для коровъ; р—для лошадей; с—саникъ; т—коловезъ; у—помѣщеніе подъ мостомъ; тутъ лѣтомъ стоятъ овцы.

Въ скотской стаѣ устраиваются вѣсли (ясли) и отдѣляется помѣщеніе для лошади и свиней. Къ стаѣ пристраивается сбоку саникъ; въ него ведутъ ворота съ улицы, другія изъ него ведутъ въ стаю. Саникъ служитъ для защиты скотнаго двора отъ заноса снѣгомъ и для хранения соломы, дровней, саней, телѣгъ, какъ и повѣть.

Теперь о внутреннемъ устройствѣ избы.

Когда крыша кончена, внутри избы „обиваютъ коровки“, т. е. обтесываютъ топоромъ круглыя части бревенъ въ стѣнахъ, а потомъ стружатъ ихъ. Затѣмъ, около стѣнъ придѣлываются неподвижныя лавки, надъ ними подъ потолкомъ полѣвошники или полѣца.

Важнѣйшій-же предметъ въ избѣ есть печь. Устраивается она такимъ образомъ.

Такъ какъ въ томъ углу избы, который предназначенъ для постановки печи и голбца, пола нѣтъ¹⁾, то на края отверстія въ полу кладутся брусья

¹⁾ На первый взглядъ должно казаться страннымъ, почему не пропускаютъ половымъ теснѣмъ подъ печку и подъ голбецъ, тѣмъ болѣе, что толстыя половицы лучше, конечно, выдерживали бы давленіе тяжелой печи, чѣмъ тонкія доски, на которыхъ она устанавливается, но надо принять во вниманіе, что печь съ голбцомъ занимаютъ $\frac{1}{4}$ часть избы, и вмѣсто того, чтобы употребить на полъ 5 деревъ лѣсу,

а и *б* и концы ихъ вдавливаются въ стѣны. На брусъ накладываются поперечныя доски; на нихъ станетъ потомъ накладывать печная глина. На брусъ же ставятся ребромъ доски *в*, *г*, *д* и *е*, *ж*, *з*, скрѣпленные подъ прямымъ угломъ. Онѣ образуютъ двѣ стороны ящика; третью и четвертую стороны представлять уже стѣны избы. Этотъ ящикъ зовется опечекъ.

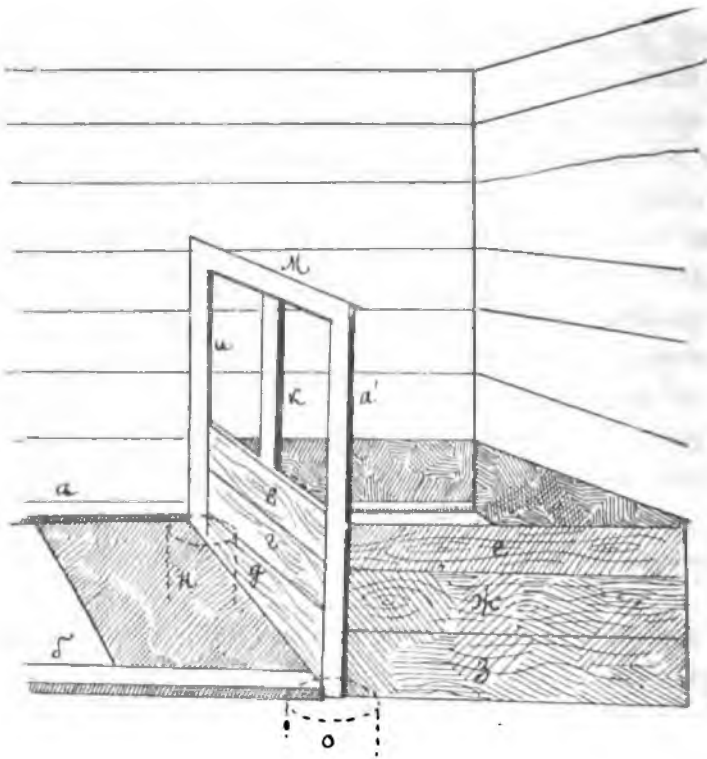

Рис. 12.

У стѣны на уголъ ящика привѣшивается брусъ *и*, по срединѣ другой брусъ *к* и на углу столбикъ *а'*, упирающійся нижнимъ своимъ концомъ въ брусъ *б*. Сверху эти брусъ и столбикъ соединяются перекладиной *м*. Подъ углы опечка подставляются столбы *н* и *о*, которые вкапываются въ землю (рис. 12).

Вотъ деревянныя части печи. Теперь о кладкѣ глиняныхъ частей.

Глина для печи берется луговая ¹⁾. На доски, лежащія на брусъахъ *а* и *б*, насыпается сперва песокъ, затѣмъ начинаютъ накладывать глину. Ее уколачиваютъ кіями, такими точно деревянными молотками, какіе употребляются

какъ это дѣлается, пришлось бы употребить 10 деревъ, именно 10, а не меньше, какъ опять-таки должно казаться, потому что на устройство пола въ той четвертой части избы, что находится между лицевой стороною печи и противолежащей ей стѣною избы, идутъ горбыли, отпиленные отъ тѣхъ тесницъ, которыя составляютъ полъ остальной половины избы.

¹⁾ Съ такихъ луговъ, которые затопляются водою, такъ что это, вѣроятно, не глина, а рѣчной илъ.

для конопатки избы. Когда глина уложена до края опечка, дѣлають свинку. Это два полуокруга изъ досокъ, связанныхъ поперечными дощечками, какъ показано на рисункѣ. Свинка ставится на глину, при чемъ поверхность глины будетъ подомъ печи, сама-же свинка отграничить чело и сводъ печи. Когда свинка установлена на своемъ мѣстѣ, ее начинаютъ обкладывать глиною; при этомъ, въ глину рядами вбивають булыжный камень, такъ что получается рядъ камней, на немъ слой глины, опять рядъ камней и новый слой глины. Камни въ этомъ случаѣ служатъ не столько для скрѣпленія глины, сколько для удержанія жара въ толщѣ печи. Для скрѣпленія же глины собственно служатъ растопленная смола, которая наливается послѣ каждаго ряда (или черезъ рядъ) камней.

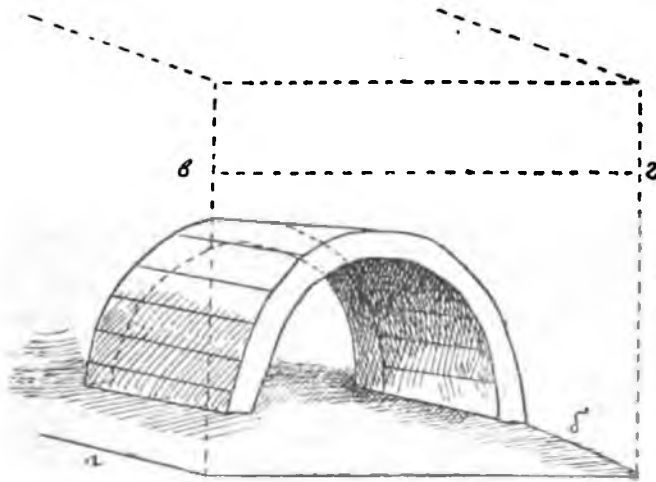

Рис. 13.

Когда кладка печи кончена, свинку вынимають вонъ, а иногда и оставляють; въ такомъ случаѣ, она, разумѣется, сгораетъ, когда стануть топить печь. По линіямъ *а* и *б* выводятъ глиняныя стѣнки, верхняя же часть печи выдается надъ устьемъ впередъ вровень съ шесткомъ и укрѣпляется поперечнымъ брусомъ или желѣзной полосой, идущей по линіи *в—г* (рис. 13).

Шестокъ дѣлается глиняный, но иногда и кирпичный. Въ боку печи оставляють полуокруглыя впадины—печурки, въ которыхъ потомъ сушатъ рукавицы или что иное.

Въ опечкѣ, на уровнѣ пола, дѣлается квадратное отверстіе, ведущее подъ печку; это помѣщеніе зовется засѣдкой; въ немъ держатъ куръ въ зимнее время.

Труба выводится всегда прямая, т. е. безъ колѣнъ, надъ печнымъ устьемъ—глиняная или кирпичная; зовется она трубкой. Пovyше печи въ трубкѣ дѣлается выемка, гдѣ вкладывается чугунное горло, закрываемое двумя

вьюшками. Выемка прикрывается приставной (а не на петляхъ) заслоночкой. Для трубки въ потолокъ и въ крышѣ прорубается дыра и труба сверху не защищается кровельной, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Въ заключеніе вся печь бѣлится мѣломъ, разболтаннымъ въ молокѣ.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ углового столба опечка укрѣпляется другой столбъ, и отъ него идутъ, параллельно полу и опечку съ одной стороны и параллельно стѣнѣ избы съ другой, тесинки, образующія стѣнки голбца; сверху голбецъ тоже забирается тесомъ, а съ лицевой стороны въ стѣнѣ дѣлается дверца, отъ которой лѣстница ведетъ въ подполье, т. е. въ пространство подъ избы, которое и есть собственно настоящій голбецъ. Съ другой стороны дѣлается приступочекъ изъ двухъ ступеней, по которымъ входятъ на голбецъ и съ него на печь и влѣзаютъ на полати.

Обстановка избы, какъ и повсюду въ Великороссіи: по стѣнамъ лавки надъ ними полавонникъ, въ углу образа, подъ ними обѣденный столъ и около него скамейки. Къ стѣнѣ около печи приколачивается полочка, называемая наблюдникомъ; на нее ставятся тарелки, блюда и ставцы, кладутся ножи и вилки. Иногда у той же стѣны шкапъ для посуды. Надъ входной дверью, между голбцомъ и стѣной находятся полати. Съ печи на полати кладется иногда доска (или двѣ), называемая ливницей, гдѣ бабы садятся пряхъ, когда внизу холодно и мужики вяжутъ столбы, т. е. сѣти для ловли рыбы.

Перехожу теперь къ описанію хозяйственныхъ построекъ: погреба, амбара, овина и бани.

Погребъ (рис. 14).

Въ землѣ выкапывается яма и въ нее спускается срубъ рядовъ въ 12 бревенъ. Образуется подземный ящикъ *а, б, в, г*. Надъ срубомъ дѣлается потолокъ изъ бревенъ *а, г*. На этотъ потолокъ насыпается толстый слой песку, а надъ нимъ накатывается другой рядъ бревенъ *д, е*, служащій поломъ для верхняго помѣщенія. Разстояніе между накатами *а, г* и *д, е* не болѣе четверти. На полъ *д, е* песку не насыпается.

Поверхъ земли на нижній срубъ ставится другой, *д, е, ж, з*, рядовъ въ 13 бревенъ; на него настиляется потолокъ *ж, з*, тоже засыпаемый пескомъ, а сверху крыша на два ската, безъ стропилъ; она держится лишь на двухъ повалахъ. Дверь *и* ведетъ съ улицы въ верхнее помѣщеніе. Въ полу *д, е* и въ потолокъ нижняго помѣщенія *а, г* прорубаются квадратныя отверстія, черезъ которыя по лѣсенкѣ *к* попадаютъ въ нижнее помѣщеніе. Въ

отверстіи потолка *а*, *г* вставляется ставень и на него обыкновенно наваливается сѣно, для того, чтобы тепло не проникало сверху въ нижній этажъ погреба. Подъ дверью *и* прорубается окошечко такой величины, чтобы въ него могла пролѣзть кошка, но вообще оконъ въ погребѣ нѣтъ.

Когда зданіе готово, въ нижнее помѣщеніе мечется сѣгъ (ледъ никогда не кладется) и утаптывается ногами. Сѣгу наметывается столько, что пространство

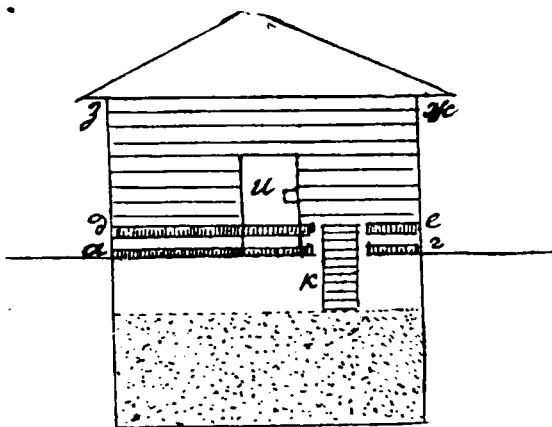

Рис. 14.

между нимъ и поломъ остается рада въ 4 бревенъ.

Въ „ямѣ“, т. е. на сѣгу, хранятъ картошку „и все ѣдобное“, въ верхнемъ же помѣщеніи муку и проч.

Амбаръ.

Амбарный срубъ въ 13 бревенъ устанавливается на подстоляхъ, крыша обыкновенная. Дверь въ амбаръ ординарная; оконъ не прорубаютъ. Внутри по стѣнамъ сусѣки съ крышками; въ нихъ хранятъ хлѣбъ въ зернѣ: рожь, ячмень, овесъ, пшеницу.

Овинъ (рис. 15).

Въ землѣ выкапывается яма и въ нее опускается срубъ рядовъ въ 13 бревенъ *а*, *б*, *в*, *г*, поверхъ-же земли на него ставится другой срубъ рядовъ въ 10. Срубъ этотъ перегороденъ поперекъ стѣною *д*, *е*. Потолокъ надъ нижнимъ срубомъ накатывается вровень съ землей лишь до стѣны *д*, *е* и на него наваливаютъ слой глины вершка въ два. Потолокъ не докладывается до стѣнъ *а*, *д* и *б*, *е*, такъ что образуются щели, называемыя пазухами *ж*, *з*. Поперекъ потолочныхъ бревенъ отъ стѣны до стѣны укрѣпляются концами въ стѣны два бревна *и* и *к*, на разстояніи отъ потолка въ 1 арш., называемыя колосниками. Въ одной стѣнѣ прорубается дверца *л*, такой величины, чтобы человекъ могъ войти въ нее согнувшись. Вдоль потолочныхъ бревенъ укладываются вплотную жерди; концами своими онѣ лежатъ на колосникахъ. Жерди эти зовутся перекладинами. Потолокъ надъ

верхнимъ помѣщеніемъ овина не дѣлають, а прямо крышу, которая держится на двухъ повалахъ.

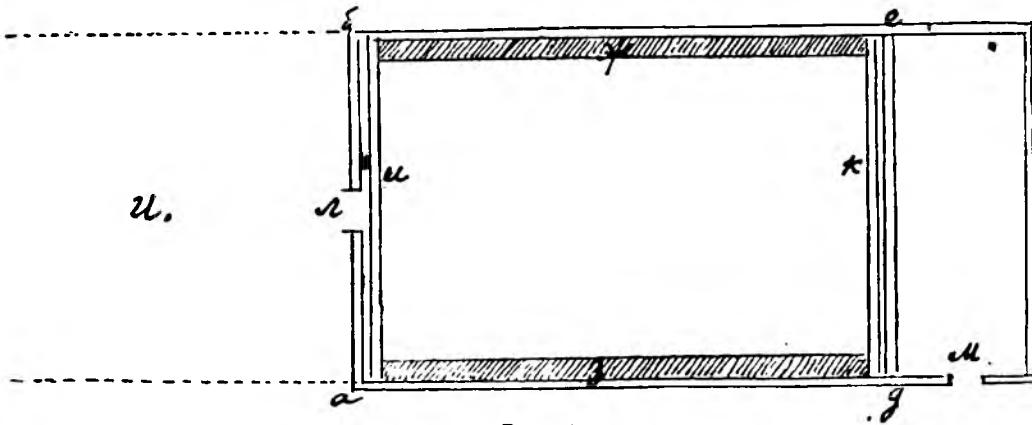

Рис. 15.

За стѣной *д, е* часть верхняго и нижняго срубовъ остается свободною, шириной она аршина полтора. Такъ какъ овинная яма подъ этимъ срубомъ продолжается до стѣны *г, в*, то стѣна *д, е*, такъ сказать, виситъ на воздухѣ надъ ямой. Помѣщеніе *д, е, в, г* называется подлазомъ и, чтобы изъ этого подлаза проникнуть въ самый овинъ, приходится пролѣзть подъ стѣною *д, е*. Съ одной стороны въ подлазѣ прорубается отверстіе *м*, въ которое и пролѣзаютъ съ улицы, а въ яму спускаются по жердочкамъ, называемымъ ступенями; концы ихъ упираются въ стѣну *г, в* съ одной стороны и въ стѣну *д, е* съ другой.

Проникнувъ изъ подлаза въ яму подъ овинномъ, человѣкъ разводитъ на днѣ этой ямы тѣплинку изъ дровъ, причѣмъ жаръ проникаетъ въ овинъ черезъ пазухи, а дымъ выходитъ на улицу просто сквозь крышу.

Снопы впахиваетъ въ овинъ черезъ отверстіе *л* одинъ человѣкъ, тогда какъ другой принимаетъ ихъ въ овинѣ и садитъ на жерди. Когда овинъ „насаженъ“, то снаружи черезъ отверстіе *л* запахивается въ снопы роженъ—тонкій шестикъ, и оставляется въ снопахъ. Выдергивая по временамъ роженъ, человѣкъ ощупываетъ его, холоденъ онъ, или тепелъ. Если холоденъ, это значитъ хлѣбъ еще не высохъ, если тепелъ, то снопы выбрасываются на гумно, которое помѣщается тутъ же, рядомъ съ овинномъ—*и*.

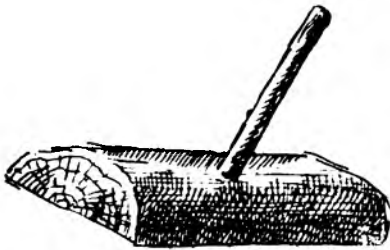

Рис. 16.

Гумно устраивается на открытомъ воздухѣ и дѣлается такъ: съ земли сдирается мурагъ, т. е. трава съ корнями, дернъ, и земля утрамбовывается трамбовкой, которая состоитъ изъ половины чурки; въ выпуклую часть чурки вставлена ручка

(см. рис. 16). Снопы разносятся по гумну и стелются посадомъ, т. е. въ два ряда, вершина въ вершинѣ. Затѣмъ ихъ начинаютъ молотить молотилами.

Молотило дѣлается такъ. Берутъ палку и въ одномъ концѣ просверливаютъ дыру *а* (см. рис. 17.) около четверти длины, а сбоку вкось другую, *б*, такъ что образуется каналъ *а б*. Палка эта зовется кадочкой; она аршина два длиною. Вершина кадочки, т. е. тотъ конецъ ея, гдѣ просверлена дыра, обтягивается бараньей мошной (мошонкой). Мошня натягивается сырою или когда высохнетъ, то обляжетъ кадочку столь плотно, что ее не снять ножомъ. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы кадочка не раскололась.

Въ каналъ пропускается пучѣ, т. е. кусокъ кожи, который высовывается изъ обоихъ отверстій канала. Часть кожи, выходящая наружу въ отверстіи *б*, протыкается ножомъ и въ нее продѣвается клѣчикъ, т. е. палочка, которая не позволяетъ кожѣ выдернуться. Часть кожи въ отверстіи *а* длиннѣе и въ нее тоже втыкается клѣчикъ.

Берется другая палка съ аршинѣ длиною и на концѣ ея дѣлается косой сръзъ (см. рис. 18). Къ этому сръзу прикладывается отъ кадочки кусокъ кожи *д* и привязывается крѣпко веревкой. Эта вторая палка зовется бадогъ. Кадочку берутъ въ руки, а бадогомъ ударяютъ по снопамъ.

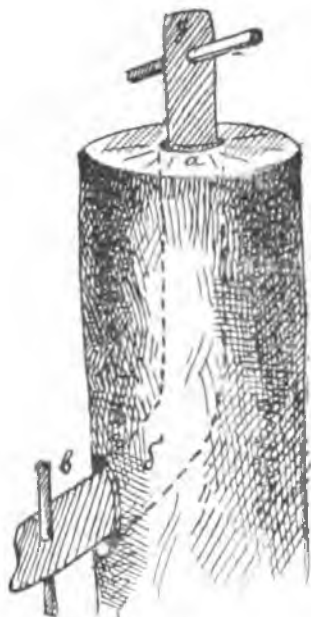

Рис. 17.

Рис. 18.

Баня.

Въ землѣ выкапывается яма и надъ ней ставится срубъ, такой же, какъ для амбара или погреба. Надъ ямой настилается полъ изъ тесу съ просверленными въ немъ дырками. Въ двухъ стѣнахъ прорубаются маленькія оконца безъ рамъ, они задвигаются ставенькой. У стѣнъ лавки и полѣкъ. Къ банѣ сбоку пристраиваются сѣнцы для раздѣванья. Печь складывается изъ дикихъ камней безъ цемента; трубы она не имѣетъ. Воду для мытья нагрѣваютъ въ шайкахъ калеными камнями. Моются мыломъ (щелокъ не употребляется) и парятся березовыми вѣниками. Послѣ мытья, тѣла ничѣмъ не вытираютъ.

Хлѣбопашество.

Если участокъ, предназначенный для воздѣлыванія на немъ хлѣба—лѣсной, то лѣсъ вырубать на дрова или на постройку, остающееся „пенье“ постоятъ лѣта два, затѣмъ его окапываютъ лопатою или копачемъ (см. рис. 19),

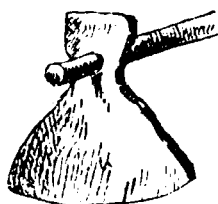

Рис. 19.

выворачиваютъ, складываютъ въ кучу и весной сжигаютъ. Послѣ этого орутъ землю сохой, потомъ боронятъ. Затѣмъ земля парится недѣли 2 — 3, послѣ чего ее снова орутъ и боронятъ и оставляютъ до осени. Осенью опять заорутъ и посѣютъ рожь.

Сѣютъ рожь изъ сита. Сѣющий беретъ зѣрна въ горсть и хлопаетъ обѣ обичку, зѣрна и разлетаются ровно.

Новъ не лѣсную, а полевою, открытую, орутъ въ концѣ мая, именно четыре раза, затѣмъ унаваживаютъ, снова орутъ, чтобы завалить навозъ, боронятъ и оставляютъ до весны. Весной разъ взорутъ, подождутъ дня три, четыре и сѣютъ всякій хлѣбъ, кромѣ ржи.

Если поле было уже засѣяно прошлымъ лѣтомъ, то весной „послѣ Микола“ (9 мая) землю взорутъ сохой и тотчасъ же сѣютъ ячмень или овесъ, смотря по грунту: если грунтъ глинистый, то ячмень, если песчаный, то овесъ. Сѣмена овса и ячменя сѣются или свои, или покупные—въ Устюгѣ, Красноборскѣ или Сольвычегодскѣ.

Проба сѣмянъ дѣлается въ избѣ: въ ольховомъ корытцѣ, называемомъ ростѣла, бородкой топора вырубятся ямочки и въ нихъ закладываются зѣрна, примѣрно по 10 штукъ овса, ячменя, пшеницы или льна. Земли въ ямочки не кладется. Зѣрна поливаются водою и прорастаютъ. Дѣлается это для того, собственно, чтобы узнать процентъ всхожести.

Ячмень вообще сѣется весной. Сперва землю заорутъ, потомъ посѣютъ, зоборонятъ и оставляютъ сутки на 2—3, наконецъ дѣлятъ, т. е. вторично боронятъ, и такъ поле остается до жатвы.

Овесъ, какъ уже сказано, не сѣютъ на глину, какъ прочіе хлѣба, а больше на песокъ и боронятъ одинъ разъ.

Пшеница—какъ и ячмень.

Ленъ. Землю заорутъ, заборонятъ и сѣютъ. Въ лукошко, изъ котораго сѣютъ, кладутъ вареное яйцо и его сѣждаетъ тотъ, кто сѣялъ. Боронятъ вторично, какъ и ячмень. Ленъ рвутъ, а не дергаютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Конопле. Землю заорутъ два раза, навозятъ навозъ, снова заорутъ и сѣютъ, потомъ боронятъ одинъ разъ. Когда созрѣетъ, рвутъ и ставятъ въ

кучи, изъ кучъ бруснутъ, т. е. обрываютъ куглину—вершинки съ сѣмечками, и бросаютъ въ кадки. Стебли вяжутъ въ снопы и опускаютъ въ озеро мочить. Когда вымокнетъ, развѣшиваютъ на огородѣ на колья, чтобы выветрило. Потомъ кладутъ сушить въ баню, затѣмъ мнутъ мялкой, какъ и ленъ, треплютъ трепаломъ и прадутъ.

Конопляное сѣмя изъ кадки вываливаютъ на печь сушить. Когда сѣмя выйдетъ изъ оболочки, его очищаютъ, куглину бросаютъ въ огонь, а сѣмя сыпаютъ въ лагунъ и ставятъ въ амбаръ. Сѣмя это частью продаютъ, частью ѣдятъ сами (льнаное-же, „хотя оно и сладкое, не ѣдятъ, единственно потому, что отъ него заводятся вши“): толкутъ въ ступкѣ, варятъ и наливаютъ на шаньги, также пекутъ съ нимъ пироги, наконецъ варятъ его въ горшкѣ съ сушеными грибами.

Горохъ, прежде чѣмъ сѣять, мочатъ сутки двои. Землю заорутъ и сѣютъ, боронятъ одинъ разъ. Когда поспѣетъ, рвутъ, везутъ на гумно и вѣсятъ на жерди сохнуть. Когда высохнетъ, досушиваютъ въ овинѣ и молотятъ; трава идетъ въ кормъ скоту.

Рѣпа. Землю заорутъ, черезъ мѣсяцъ навозятъ назъму и снова орутъ, заборонятъ, сѣютъ, перемѣшавъ сѣмя съ пескомъ, и послѣ посѣва землю боронятъ еще разъ.

Когда рѣпа поспѣла, ее обрѣзываютъ тутъ-же на рѣпницѣ, кладутъ въ мѣшки, увозятъ домой и прячутъ въ „яму“, т. е. въ погребъ.

Ячмень „опихиваютъ“ въ кадкахъ желѣзными лопатами (онѣ зовутся заступами), именно тычутъ въ зерно, отъ чего кожа съ него слѣзаетъ. Кожица эта зовется вопшиной и идетъ въ кормъ овцамъ, обваренная кипяткомъ. Зерно отъ вопшины отдѣляется просѣваніемъ черезъ рѣшето. Затѣмъ, его сыпаютъ въ мѣшокъ и везутъ на мельницу молотъ. Получается ясная мука. Изъ нея пекутъ ярушники, колобки, блины. Такъ же опихивается и овесъ.

Чтобы узнать, вызрѣла ли рожь, колосокъ (на корню) сжимаютъ въ пальцахъ и, если зернышки раздавливаются, то они не созрѣли, если же крѣпки, то готовы. Или же приносятъ колосъ въ избу и, давъ имъ полежать, наблюдаютъ, усохнетъ зерно, или нѣтъ. Если усохло и сморщилось—неготово, если остается, какъ есть—готово.

Время жатвы ржи зависитъ отъ того, каково было лѣто. Такъ, въ 1897 г. жатва началась вскорѣ послѣ Петрова дня, бываетъ же, что начинаютъ жатву и послѣ Ильина дня (т. е. разница почти въ мѣсяцъ). Ячмень всегда поспѣваетъ послѣ ржи, пшеница послѣ ячменя, овесъ же послѣднимъ; жатва его бываетъ въ сентябрѣ, иногда затягивается до Покрова.

Червобоя никогда не замѣчалось; мышей тоже нѣтъ; рожковъ (спорыньи) на хлѣбныхъ колосьяхъ не видали.

Жнутъ хлѣбъ черпачи. Черпы (серпы) дѣлаются дома, иногда покупаются готовыми въ городахъ. Черпъ „аглецкой“ стали стоитъ 60—65 к. Жнутъ всегда бабы; мужики никогда не жнутъ, такъ же точно, какъ бабы никогда не косятъ.

Хлѣбъ вяжется въ снопы, потомъ ставится въ суслоны, по 6 сноповъ въ каждомъ, т. е. пять въ кучу и шестой вллубу́къ—покровный снопъ.

Стоять снопы на мѣстѣ дня 3—4 и увозятся на гумно, гдѣ ставятся въ кладуху. Кладуха дѣлается такъ: на землю кладутся чурки, на нихъ жерди, а на жерди снопы, колосьями вмѣстѣ, а комлями врозь, третій же снопъ поперекъ, такъ что онъ прижимаетъ собою колосья нижнихъ сноповъ. Рядомъ кладутся другіе два снопа, на нихъ третій и т. д. Въ землю втыкаются остроги—еловыя жерди съ необрубленными сучьями. Снопы помещаются между острогами, тамъ что сучья не позволяютъ снопамъ ложиться вплотную, между снопами остаются продухи, гдѣ можетъ свободно циркулировать воздухъ.

Кладухи кроются соломой, которая прижимается жердями, съ боковъ же ставятся подпоры, какъ и въ копнамъ сѣна, но тутъ ихъ больше.

Въ кладухахъ снопы остаются до молоченья, но прежде чѣмъ молотить, ихъ сушатъ въ овинѣ, о чемъ уже было сказано.

Послѣ молоченья обыкновенно тотчасъ же и вѣютъ, т. е. просто, при боковомъ вѣтрѣ, подбрасываютъ зерно на лопатѣ, при чемъ вѣтеръ относитъ мякину и соръ въ сторону, а зерно падаетъ на землю. Когда все провѣяно, зерно сгребаютъ въ груды пѣхаломъ, которое состоитъ изъ головки, отпиленной отъ старыхъ дровней (см. ниже) со вставленной въ край ея палкой, служащей ручкой. Изъ груды зерно перекладывается лопатой въ мѣшокъ и убирается въ амбаръ.

Мелютъ хлѣбныя зерна исключительно на водяныхъ мельницахъ; вѣтряныя въ описываемой мною мѣстности вовсе не ставятся.

Уборка сѣна.

Сѣновосъ открывается въ періодъ съ Петрова дня до Ильина. Луга дѣлятся пополосно, сколько придется на душу саженой; для отми́товъ ставятся тѣчки, т. е. втыкаются въ землю палочки.

Косы употребляются исключительно горбуши; стойкой здѣсь косить нельзя, такъ какъ густота и высота травы этого не позволяютъ. Косы выковываются домашними кузнецами и стоимость одной штуки отъ 40—60 коп. Коса (см.

рис. 20) вколачивается въ ручку, называемую косьёмъ, при чемъ полоска листового желѣза, зовущаяся саргой, обвивается вокругъ косы въ томъ мѣстѣ, гдѣ она входитъ въ косьё. Кромѣ того, между саргой и ручкой вгоняется клинъ, для того, чтобы коса не расшатывалась.

Къ косѣ принадлежитъ лопатка—деревянная дощечка, покрытая смолой, на которую насыпанъ песокъ. На лопаткѣ лопатятъ косу, т. е. подвостряютъ, когда она затупится отъ работы. Если коса во время работы изогнется, то для выпрямленія ея употребляется правило, т. е. деревянная чурочка съ вставленной въ нее ручкой (см. рис. 21). Въ чурочкѣ выпиlena выемка, въ которую вкладывается коса и выпрямляется движеніемъ чурки.

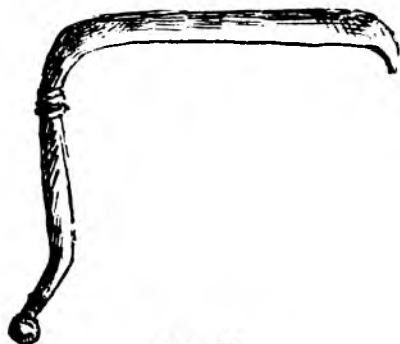

Рис. 20.

Рис. 21.

Когда опредѣленная полоса травы скошена, сѣно оставляется лежать для просушки. Затѣмъ, являются бабы и ворошатъ его граблями. Когда увидятъ, что сѣно достаточно просохло, его сгребаютъ въ видѣ вала вдоль по полосѣ, наконецъ, копнютъ въ копны. Черезъ нѣкоторое время копны отвозятся въ остожье, т. е. въ то мѣсто, гдѣ ихъ станутъ метать въ большую копну. Здѣсь предварительно въ землю втыкается жердь и вокругъ ея въ углы квадрата четыре кола. Эти жердь и колья зовутся стожарами. На землю между стожарами накидываются вицы, для того, чтобы сѣно не лежало на самой землѣ.

Маленькія копны везутъ съ лука не въ телѣгѣ, а охватываютъ веревкой, веревку эту привязываютъ къ хомуту или къ шлѣѣ лошади и лошадь волочетъ сѣно по землѣ до мѣста.

Здѣсь сѣно начинаютъ метать вилами на стожары. Когда копна достигла извѣстной высоты, съ боковъ къ ней подставляются подпоры, т. е. колья, аршина по полтора длиной. Подпоры эти служатъ не столько для укрѣпленія копны, сколько для того, чтобы немного приподнять сѣно, которое бываетъ въ это время нѣсколько въ-сырь, т. е. сыровато, и давать воздуху доступъ внутрь копны.

Когда одному человѣку станетъ высоко метать, то другой влѣзаетъ на копну и равняетъ ее сверху, нижній же подаетъ сѣно вилами и такъ, пока не завершатъ. Когда завершено, на макушку копны кладутся крестообразно паръ пять вицъ, вершины которыхъ связаны вмѣстѣ, а концы опускаются по копнѣ внизъ; это дѣлается для того, чтобы сѣно не обивало вѣтромъ. Затѣмъ,

человѣку, стоящему на копнѣ, бросается конецъ веревки и онъ спускается по этой веревкѣ съ копны на землю, тогда какъ другой конецъ веревки держитъ его товарищъ, стоящій у противоположной стороны копны. Надо замѣтить, что высота копны достигаетъ двухъ сажени.

Кромѣ копнѣ, сѣно мечется въ зароды. (рис. 22). Для зарода стожары ставятся по одной линіи до 10 штукъ, тоже подкладываются вицы, и сѣно

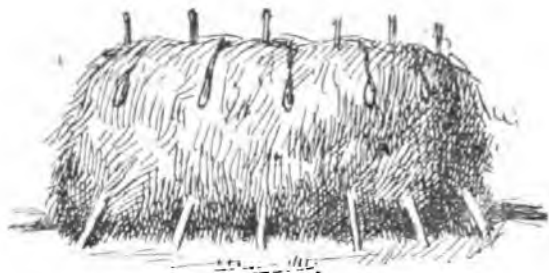

Рис. 22.

мечется какъ въ копну. Съ боковъ ставятся тоже подпоры и наверхъ кладутся вицы, но не крестомъ, а перекидываются черезъ зародъ на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой.

Копны и зароды огораживаются „жердьемъ“ или „кү-

стыма“, т. е. кольями, переплетенными вицами.

Наконецъ ставятся еще такъ называемые облитники, огромные зароды, но уже не вдали отъ деревни, а во 100 саженьхъ отъ нея. Подъ облитникъ на землю кладутся уже не вицы, а бревна, цѣлымъ костромъ, клѣтками, рядовъ въ 5—6; эти подставы зовутся вымостами; высота вымостовъ зависитъ отъ того, какъ высоко будетъ на этомъ мѣстѣ весенняя вода (что знаютъ приблизительно). Ширина облитника отъ 1 до 1½ сажени, высота 2¼—3 саж. Облитники кроются ржаной соломой, по соломѣ вдоль облитника кладутся жерди и прикрѣпляются роженками, т. е. заостренными палочками, втыкаемыми въ облитникъ.

Облитники остаются на мѣстѣ до слѣдующаго года. Это сѣно, такъ сказать, лишнее, на него нѣтъ покупателя. Когда сѣно вздорозааетъ, оно и продается изъ облитника съ выгодой.

Въ копнѣ считаютъ сѣна воевъ пять, въ зародѣ 50, въ облитникѣ 150—200—300, возъ-же вѣситъ 25—30 пудовъ.

Уходъ за лошадыю.

Лошадей воспитываютъ сами или покупаютъ. Самая дешевая рабочая лошадь рублей 10, но иногда цѣна эта поднимается и до 40 р. Жеребцовъ держатъ на свободѣ, т. е. не употребляютъ въ работу до 4-хъ лѣтъ, „кладутъ“ ихъ на 3-мъ году, „нелегченныхъ“ же не держатъ (т. е. долѣе 3-го года). Лошадь можетъ работать до 25 лѣтъ, тутъ ее обыкновенно продаютъ приѣзжимъ татарамъ, которые, заплативъ за животное рубля 1½—2, снимаютъ съ него шкуру, трупъ-же оставляютъ на острову, гдѣ его ободрали.

Когда у хозяина околѣетъ любимая лошадь, то на нее надѣваютъ узду и хомутъ, взваливаютъ на дровни (хотя бы дѣло было лѣтомъ) и отвозятъ куда нибудь на лугъ. Здѣсь выкапываютъ яму и опускаютъ въ нее лошадь, такъ, чтобы она легла на бокъ, затѣмъ зарываютъ и насыпаютъ бугоръ земли, на бугоръ же кладутъ дровни полозьями вверхъ. „Дровни хоть того лучше вывези, никто не потронетъ“.

Обыкновенная-же лошадь, если она околѣетъ зимою, отвозится куда нибудь на озеро или на рѣку и оставляется на льду, а лѣтомъ трупъ просто спускаютъ въ воду.

Пастуховъ для пастьбы скота и лошадей никогда не нанимаютъ; животныя пасутся въ паскотинахъ, въ лѣсъ-же ихъ не отпускаютъ.

У лошади бываютъ болѣзни:

Нѣкоть—когда лошадь „одуетъ“, т. е. брюхо у нея распухнетъ. Чтобы вылечить—„шдркаютъ“ (т. е. трутъ) брюхо вязовою дугой.

Вѣзгоръ—„сопли идутъ изъ ноздрей, отъ того, что съ осени худо кормлена“. Чтобы вылѣчить, толкутъ горючую сѣру и мѣшаютъ въ заварку; затѣмъ ѣздятъ на лошади шибко, чтобы ее согрѣть. Кроме того, окуриваютъ словыми иглами, дегтемъ и горючей сѣрой.

Ископоть—лошадь ископыталась, захромала „отъ того, что дыру заковытомъ, свищи дѣлаетъ какая-то звѣрина. Чтобы вылѣчить, льютъ въ рану версину, и шоптунъ шопчетъ на воду и воду льютъ въ рану“.

Яшуръ—„когда языкъ ѣстъ; языкъ натираютъ солью“.

Обурѣчена бываетъ лошадь (или корова), когда кто похвалитъ животное съ тайною завистью. „Тогда идутъ къ шоптуну шоптать на уроки“.

Волосъ—когда лошадь долго стоитъ въ грязи, въ назъмѣ, то въ ноги ей проникаютъ червячки, имѣющіе видъ волоска. Выводятъ шоптуны. „Шоптунъ вопчѣ лучше фершала, потому что знаетъ по этой части, да и фершалъ земскій проѣзжаетъ разъ въ годъ, а то и въ годъ не проѣзжаетъ“.

„Если скотину съ осени не закормить (т. е. не дадутъ ей нажить тѣла, такъ, чтобы она легче могла перенести скудость питанія въ случаѣ недостатка корма), то за кожей и появятся мокрецы—черви такіе. Когда кобыла ожеребится, и молоко у ней не продоятъ и жеребенку дадутъ напиться сырова, тогда жеребенокъ возгоряетъ и возгоръ его задавить“.

Холостятъ жеребцовъ свои, деревенскіе коновалы. У жеребца подтянутъ переднюю ногу къ брюху, и онъ упадетъ. Тогда мошонку завязываютъ, „чтобы яички не утонуло на нутро“, затѣмъ разрѣзываютъ и вынимаютъ яички. Яички эти коноваль беретъ себѣ (для чего—неизвѣстно), потомъ подсыпаетъ „зелени“ (вупоросу?), чтобы рана не загнивалась и заговаривается, такъ что кровь не течетъ. Живетъ коноваль при жеребцѣ сутки трои и наблю-

даетъ за нимъ. Въ это время мнутъ жеребца, т. е. проѣзжаютъ его. Черезъ три сутки все заживаетъ.

За холощенье коноваль беретъ три рубля, полотенце и четверть водки.

Домашняя обстановка, женскія работы.

Отопленіе печи производится дровами сосновыми и еловыми, рѣдко березовыми; ольховныя идутъ только въ овины.

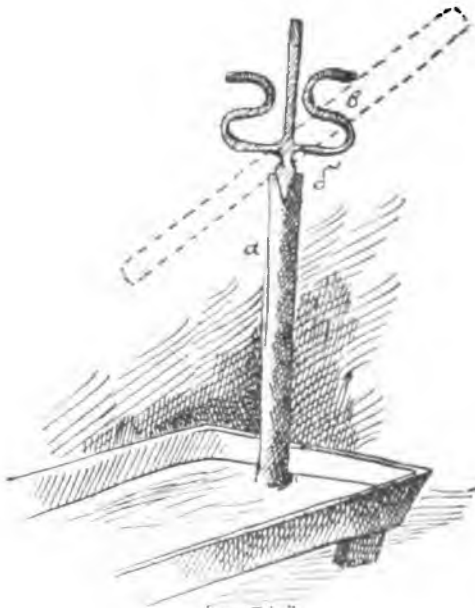

Рис. 23.

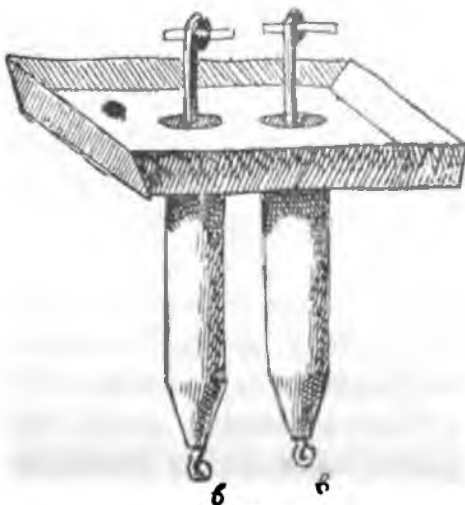

Рис. 24.

Для освѣщенія керосинъ не употребляется, лампъ нѣтъ; жгутъ березовую лучину, березовую потому именно, что она горитъ ярко и не чадитъ.

Лучина помѣщается въ свѣтильню. Свѣтильня состоитъ изъ корытца, выдолбленнаго изъ сосноваго дерева, на ножкахъ (см. рис. 23). Въ одномъ концѣ въ дно корытца вдолбленъ брусокъ *а*; въ вершину его вставлена желѣзная лопатка *б*, оканчивающаяся шпенькомъ съ двумя желѣзными крючками по сторонамъ. Лучина вдѣвается въ петлю *в* въ наклонномъ положеніи и зажигается; угли отъ нея падаютъ въ корытце, куда наливается вода.

Кромѣ лучины употребляются и свѣчи, которыя льются дома изъ „скотиннаго“ сала (т. е. отъ быковъ и коровъ; баранье не идетъ въ дѣло, такъ какъ употребляется въ пищу вмѣсто масла).

Свѣчи льются въ формахъ, называемыхъ левками. Левокъ состоитъ изъ жестяного ящичка *а* (см. рис. 24), въ днѣ котораго сдѣланы два отверстія такого діаметра, какого должна быть свѣча. Къ этимъ отверстіямъ припаиваются жестя-

ныя же дудки б, оканчивающіяся конусами съ отверстіями въ вершинахъ. Изъ кудели, скрученной въ жгутикъ, дѣлается свѣтѣльнo, пропускается въ дудки и внизу завязывается узломъ в, затѣмъ натягивается и сверху укрѣпляется клечиками г. Растопленное сало наливается въ левокъ, проходить въ дудки и наполняетъ ихъ. Для скорѣйшаго застыванія свѣчъ, дудки опускаются въ снѣгъ, а лѣвомъ въ воду.

Свѣчи вставляются въ подвѣшникъ и въ хвонарь. Подсвѣчникъ (рис. 25) вырѣзывается изъ жести или изъ желѣза. Ко дну его припаивается спиральная полоска, въ которую и вставляется свѣчка. По мѣрѣ сгоранія, послѣдняя подвигается къверху жестянымъ кружечкомъ.

Фонарь (рис. 26) дѣлается изъ дерева. Въ триствѣнникъ вставляется по стеклу, въ четвертой находится дверца. Ко дну фонаря приколоченъ жестяной под-

Рис. 25.

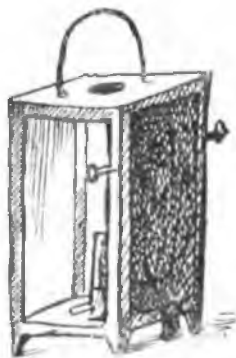

Рис. 26.

свѣчникъ, въ крышѣ отверстіе для прохода воздуха, тутъ же прикрѣпляется ручка изъ проволоки. Дверца бываетъ или подъемная, или же ходитъ на двухъ гвоздикахъ, вбитыхъ въ переднюю рамку фонаря.

Огонь 'добывается сѣрными спичками или же огнивомъ и кремнемъ съ пережженой тряпкой или трутомъ изъ березовой губки.

„Деревянный огонь“, т. е. посредствомъ тренія, добывается лишь въ случаѣ появленія повальной болѣзни на людяхъ, по повѣрью, что въ томъ домѣ, гдѣ хранится такой огонь, не появится болѣзнь.

Добываніе огня (рис. 27) происходитъ такъ: въ двухъ лежащихъ ря-

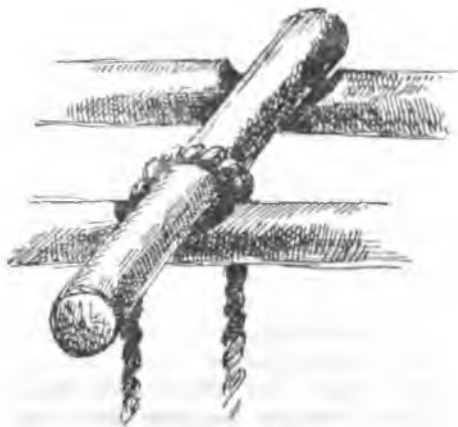

Рис. 27.

домъ грядкахъ ¹⁾ дѣлаются зарубки *a* и *б*, а въ зарубки, поперекъ грядокъ кладется березовая чурочка *в*; черезъ чурочку перекидывается веревка, которую и начинаютъ дергать взадъ и впередъ съ силою двое стоящихъ внизу людей. Отъ тренія чурочки о грядки, послѣднія загараются огнемъ. Отъ этого огня зажигаютъ лучину, а отъ лучины угли, и эти горящіе угли хравятъ въ печной загнетѣ.

Самый важный бабій инструментъ есть прѣснеце, т. е. прялка (рис. 29). Дѣлается онъ совершенно первобытнымъ способомъ. Въ лѣсу выбирается подходящая

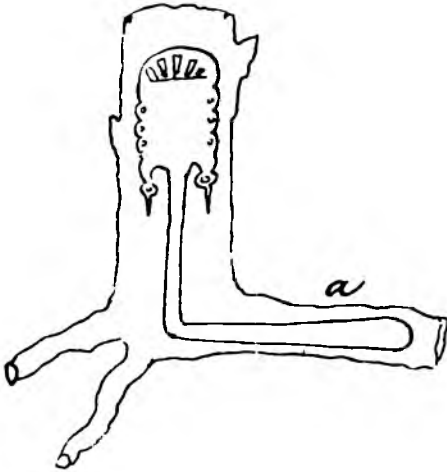

Рис. 28.

елю, у которой одинъ изъ побочныхъ корней росъ бы подъ прямымъ угломъ къ древесному стволу, какъ показано на рисункѣ 28. Ель срубается на такой высотѣ, какой высоты должна быть прялка, затѣмъ обрубаются всѣ корни, кромѣ корня *a*, пенъ начинаютъ обтесывать, также и корень и превращать ихъ понемногу въ доску такой толщины, какой должна быть толщина прялки. Толстая доска понемногу утончается и превращается въ прялку, какъ она изображена внутри еловаго пня. Такимъ образомъ, для того, чтобы сдѣлать маленькую вещь, надо срубить дерево толщиной до 6 вершковъ.

Рис. 29.

Часть *б*, вырубленная изъ корня *a*, зовется копыломъ; эту часть баба подсовываетъ подъ себя, когда садится на лавку пряхть. Широкая часть *в*, въ видѣ лопаты, зовется лопастью. Кому кудели привязывается къ прялкѣ веревочкой, называемой мутѣвисъ и держится въ зарубкахъ, сдѣланныхъ въ краяхъ лопасти. Сидя на копытѣ, нѣсколько бокомъ къ лопасти, баба лѣвой рукой тянетъ бородку кудели *2*, причемъ безпрестанно плюетъ на пальцы, чтобы

¹⁾ Грядками въ избѣ называются шесты, лежащіе однимъ концомъ на поровцѣ, а другимъ вдѣланные въ стѣну; они служатъ для помѣщенія на нихъ разныхъ домашнихъ вещей. Три способа добыванія деревяннаго огня, отличные отъ приводимаго здѣсь, описаны въ моей книгѣ „Матеріалы по этнографіи Вологодской губ.“ стр. 41.

нитка лучше скручивалась и, отводя эту нитку отъ себя, крутить ее и навиваетъ на веретено правой рукой, приводя веретено въ быстрое вращеніе. Свободная часть нитки между бородкой и вертломъ зовется саженью, веретено-же, когда оно полно нитокъ—прѣстнемъ. Для того, чтобы облегчить и ускорить вращеніе веретена, на него надѣвается кружокъ (въ другихъ мѣстахъ пресленѣкъ или преслешокъ).

Нитки, наприденныя на веретено, не зовутся нитками, а прѣдено (сущ. средн. рода). Съ веретена прѣдено своевременно перематывается на мотовило. Мотовило (см. рис. 30) состоитъ изъ дощечки *a*, которая зовется рѣгомъ; въ нее вставляется калиновый пруть *b* съ двумя растопыренными сучьями; этотъ пруть и есть собственно мотовило. Держа рогъ въ рукѣ, баба наматываетъ на него нитки, такъ что онѣ ложатся между сучьями мотовила и охватываютъ рогъ.

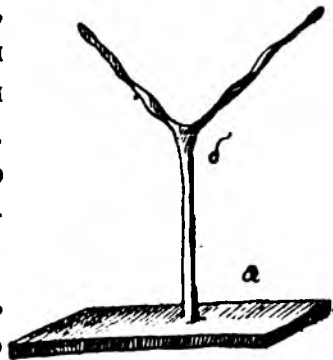

Рис. 30.

Когда нитки перемотаны, онѣ снимаются съ мотовила и золѣтся, т. е. кладутся въ мокрую воду, потомъ на снѣгъ, гдѣ и отбѣливаются.

Со снѣгу нитки снимаются и кладутся на воробы (рис. 31). Воробы состоятъ изъ подставки *a*, называемой въяхой, которая есть ничто, какъ молодая гусенка, вырытая съ корнемъ. Деревцо ставится, какъ показано на рисункѣ, такъ, что корни служатъ всему инструменту ножками. Въ вершину вколачивается желѣзный гвоздь *b*, а на него надѣваются самые воробы, т. е. сложенные подъ прямымъ угломъ сосновые брусочки *в*, въ концахъ которыхъ проверчены дырки. Все это вращается вокругъ гвоздя *b*. Въ дырки втыкаются веретена, а мотъ, т. е. мотокъ нитокъ, накладывается на нихъ.

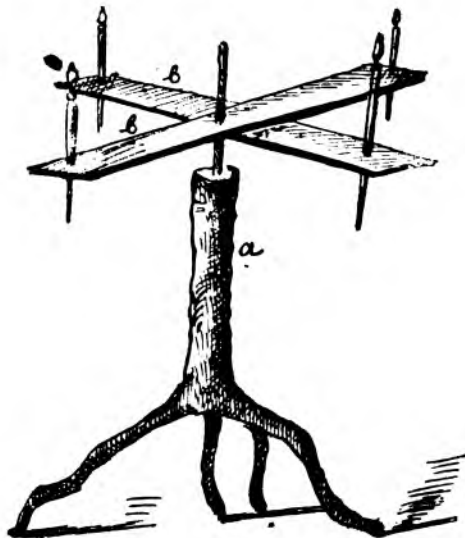

Рис. 31.

Съ воробъ нитки сматываются на тюрникъ. Тюрникъ дѣлается изъ осинового чурбака, выдолбленного внутри насквозь и обрѣзаннаго снаружи, какъ показано на рис. 32. Весь тюрникъ длиною около 1 арш. и вершковъ 5—6 въ діаметрѣ. Въ верхнее и нижнее отверстіе вставляются кресты изъ березовыхъ брусковъ, въ центрѣ которыхъ провертываются дырки. Въ эти дырки

пропускается березовая спица, которая и служить осью вращения тюрки. Ось вдабливается въ колодку, колодка-же ставится на лавку, какъ показано на рис. 33. Баба садится подлѣ, придерживая одной рукой нитку, спускающуюся съ воробъ, другой она вращаетъ тюрки, и нитка перематывается на него. Тюрки въ хозяйствѣ, конечно, не одинъ, а сколько надо.

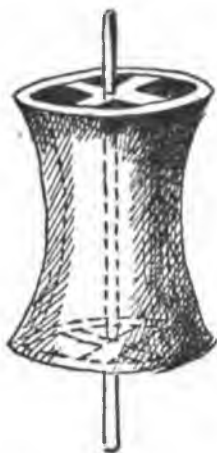

Рис. 32.

Съ тюрки нитки перематываются на сновально (см. рис. 34).

Сосновый столбикъ *а*, длиною сажени двѣ, укрѣпленъ снизу въ доску, но такъ, что можетъ свободно вращаться въ гнѣздѣ. Вверху же входитъ въ скобу, прибитую къ слегѣ (въ избѣ или на повѣти).

Рис. 33.

Въ столбикъ входятъ крестообразно бруски *б*, соединенные по концамъ столбиками *в*. Столбикъ *а* служитъ осью вращения для сновально.

Со сновально нитки идутъ на наводину, навоина-же вставляется въ ткацкій станокъ, называемый станиной. Станокъ здѣсь не описывается за сложностью своего устройства.

Вязанье чулокъ, рукавицъ и перстятковъ спицами распространено между женщинами, но спицы, называемыя иглами, не покупныя, а дѣлаются дома и не изъ стали, а изъ обыкновенной проволоки, верхъ у которой, т. е. поверхность, только осадятъ напилькомъ, т. е. выгладятъ, насколько возможно.

О другихъ женскихъ работахъ будетъ упомянуто въ главѣ о мѣстныхъ промыслахъ.

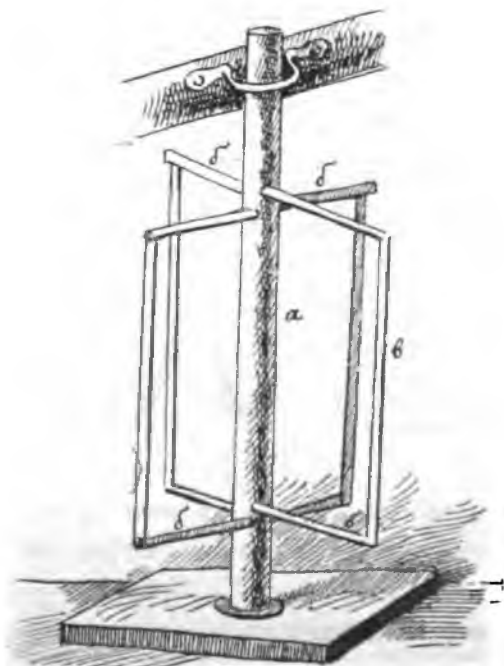

Рис. 34.

Приготовление нѣкоторыхъ кушаній и напитковъ.

Перечисленіе деревенскихъ кушаній и способъ ихъ приготовленія читатель найдетъ въ книгѣ „Матеріалы по этнографіи Вологодской губ.“, здѣсь же я ограничусь описаніемъ приготовленія нѣкоторыхъ кушаній, печенія хлѣба и варки пива и квасу.

Колобки пекутся слѣдующимъ образомъ. Тѣсто „творится“ съ вечера не очень густо на мѣлѣ (т. е. на дрожжахъ; о приготовленіи ихъ сказано дальше). Маленькія желѣзныя сковородки намазываются масломъ, на нихъ наливается изъ квашни тѣсто, и сковородки садятся въ печь, чтобы колобки запеклись. Когда готово, высаживаютъ на столъ, мажутъ масломъ и посыпаютъ толокномъ.

„Мѣлъ“ готовится такъ: послѣ обѣда, часовъ въ 12, берутъ рощу (солодъ), кладутъ въ туась и разбалтываютъ въ трубной (колодезной) водѣ. Вечеромъ опускаютъ сюда съ $\frac{1}{4}$ ф. хмелю. Тѣсту даютъ ходить до тѣхъ поръ, пока оно получитъ запахъ вина. Тогда его процеживаютъ сквозь рѣшето въ другой туась и выносятъ въ голбець, чтобы не перекисло. Этотъ „мѣлъ“, т. е. дрожжи и кладутся въ квашню для колобковъ и ярушниковъ.

Овсяный кисель готовится двояко: во-первыхъ, вскипятить въ горшкѣ воду, замѣшаютъ толокномъ и, когда сгустится, ѣдятъ горячимъ. Во вторыхъ, въ квашню налить воды, положить часть ячменной муки и часть мякины и поставить въ печь, чтобы уварилось. Затѣмъ процедить сквозь сито и снова поставить въ печь. Когда сгустится, готово. ѣдятъ горячимъ и холоднымъ, въ скоромные дни съ молокомъ и со сметаной, въ постные съ ягодами и сушломъ.

Толокно готовится такъ: овесъ просѣвается сквозь рѣшето, обваривается горячей водой и высыпается въ корыто, гдѣ закрѣветъ и дастъ ростки. Когда ростки появятся, овесъ высыпаютъ на печной подъ, и здѣсь онъ просыхаетъ. Затѣмъ, его выгребаютъ въ мѣшокъ, просѣваютъ, чтобы освободить отъ песку и везутъ на мельницу молоть. Получается толокно.

Черный хлѣбъ печется слѣдующимъ способомъ.

Принеся муку изъ погреба въ насыпкѣ (лукошкѣ), баба просѣиваетъ ее сквозь рѣшето въ сочельницу (осиновое корытце), а отруби вываливаетъ въ чашку (потомъ они идутъ въ заварку скотинѣ); беретъ чистую квашню, выливаетъ въ нее маленькій ковшъ квасной гущи и до половины квашни воды изъ трубы (т. е. изъ колодца), высыпаетъ муку и размѣшиваетъ ее

мутовкой. Этотъ процессъ называется раствореніемъ квашни *). Растворъ долженъ быть не очень густъ. Затѣмъ, квашня ставится на теплую печь и закрывается квашенникомъ (скатерткой) вмѣстѣ съ мутовкой.

Ночью баба встаетъ раза два, три и смотритъ, „ходить“ ли тѣсто. Утромъ, если оно „выходило“, въ него кладется щепотка соли и баба начинаетъ мѣсить растворъ рукой, подсыпая въ него муки. Когда тѣсто перестанетъ лѣзнуть къ рукѣ, оно готово.

Затѣмъ квашня остается на лавкѣ, и здѣсь тѣсто поднимается. Когда достаточно поднялось, баба беретъ короноватую (т. е. сплетенную изъ корней) чашку, посыпаетъ ее внутри мукой и повarenочкой выкладываетъ въ нее тѣсто изъ квашни. Въ чашкѣ баба катаетъ ковригу, подбрасывая ее такъ, что коврига вылетаетъ изъ чашки и снова падаетъ въ нее. Когда готово, переваливаетъ въ другую чашку, гдѣ тѣсто снова поднимается, закрытое скатертикомъ, особымъ, излаженнымъ для закрыванія ковригъ полотенцемъ.

Печь затопляется тогда, когда баба начинаетъ катать ковриги. Когда печь протопилась, и угли загребены по сторонамъ, баба замечаетъ печной подъ помеломъ. Чтобы узнать степень жара въ печкѣ, баба шаркаетъ по поду остриемъ лопаты: если изъ подъ лопаты выскакиваютъ искры, жаръ слишкомъ великъ, если нѣтъ, то садить можно. Тогда она беретъ чашку, вываливаетъ изъ нея ковригу на лопату и садитъ въ печь, за ней и прочія ковриги, сколько ихъ есть, и закрываетъ заслонку (труба въ это время уже закрыта).

Чтобы узнать, упекся ли хлѣбъ, баба вынимаетъ одну ковригу изъ печи, беретъ ее въ руки и прикладываетъ къ уху: если въ ковригѣ кипитъ, хлѣбъ еще не упекся, если ничего не слышно, то онъ готовъ. Ковриги вынимаются лопатой и кладутся въ тѣ же короноватыя чашки; баба беретъ на ладонь воды и смачиваетъ ковриги сверху, для того, чтобы корка не была суха. Послѣ того ковриги закрываются полотенцемъ съ цѣлью дать имъ „отдохнуть“. Черезъ нѣкоторое время ихъ перекладываютъ въ кадцу и прячутъ въ голбецъ.

Изъ ржаной муки, кромѣ хлѣба, пекутъ корки подъ рыбу, сочни подъ пироги съ гороховой мукой и подъ картошку. На ржаные же сочни накладываютъ и ясные (ячменные) пироги, т. е. жидкое тѣсто изъ названной муки.

Бвасъ. Берутъ глиняный горшокъ, кладутъ въ него ячменной мякины и солоду, льютъ воды и, закрывши закройникомъ (глиняная крышка съ расширеніемъ наверху, за которое берутъ эту крышку въ руки; въ южныхъ

*) Надо замѣтить, что квашней зовется какъ кадочка, въ которой разбалтывается тѣсто, такъ и самое это тѣсто. Въ южныхъ уѣздахъ губерніи такого смѣшенія названій нѣтъ. Тамъ кадочка зовется квашонкой, а тѣсто квашней.

уздахъ губерніи она зовется волóхомъ; см. рис. 35) и ставятъ въ печь, чтобы прокипѣло. Эта жидкость называется приголовокъ. Когда печь протопится и трубу закроютъ, горшокъ снова ставятъ въ печь и оставляютъ въ ней до утра. Утромъ берутъ кадцу, наливаютъ въ нее холодной воды и выливаютъ въ эту воду приголовокъ, опускаютъ туда-же и горшокъ, „такъ какъ тутъ слатость“. Въ этой кадкѣ квасъ „живетъ“ до тѣхъ поръ, пока мякина не поднимется кверху и не появится пѣна. Тогда квасъ процѣживаютъ сѣвозъ рѣшето въ лагунѣ—деревянную кадочку съ квадратнымъ отверстіемъ въ одномъ днѣ, затыкаемымъ втулкой. Лагунѣ опускается въ голбець, откуда квасъ берутъ, по мѣрѣ надобности, нацѣживая его въ жбанъ или братынь.

Рис. 35.

Пиво. Въ чанъ наливаютъ холодной воды; изъ этого чана половину воды разливаютъ въ котлы и кипятятъ „на волѣ“, т. е. гдѣ нибудь на улицѣ. Котель вѣшаютъ при этомъ на треножникъ, сдѣланный изъ трехъ слегъ. Когда вскипитъ, дѣлаютъ заторъ, т. е. въ чанъ, гдѣ оставалась вода, кладутъ солоду, ржаной муки и опускаютъ снопъ соломы, такъ, чтобы онъ оставался въ стоячемъ положеніи. Внутри соломеннаго снопа проходитъ стырь—палка, которая закупориваетъ собою дырку въ днѣ чана.

Вдали отъ дома складываютъ въ груду булыжные камни; обладываютъ ихъ дровами пирамидально, и дрова зажигаютъ. Камни накаливаются до-красна. Тогда ихъ берутъ щипцами или клещами и опускаютъ въ заторъ.

Щипцы—еловый колъ, расщепленный съ одного конца въ видѣ рогатки и удерживаемый въ этомъ положеніи посредствомъ клина *а* (рис. 36). Щипцы

Рис. 36.

берутъ въ обѣ руки и, подцѣпивъ нагрѣтый камень на концы *б* и *в*, кладутъ его въ чанъ.

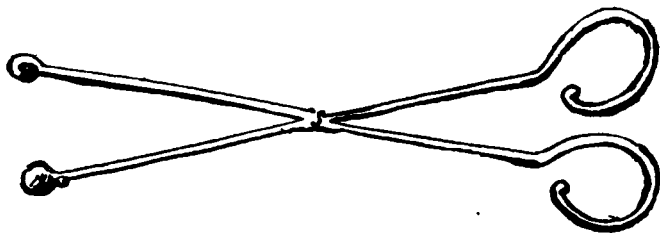

Рис. 37.

Клещи состоятъ изъ двухъ желѣзныхъ прутьевъ, аршина полтора длиною каждый, соединенныхъ въ точкѣ пересѣченія желѣзнымъ же «шконтикомъ»,

какъ ножницы (рис. 37). На двухъ концахъ прутя завернуты въ кольца, а на противоположныхъ въ узлы.

Надо замѣтить, что кольца эти, не то что ручки у ножницъ, т. е. расположены не въ одной плоскости съ ножками, а изогнуты вкось, такъ что охватываютъ камень всѣмъ своимъ краемъ. Берутъ клещи въ руки за узловыя концы, захватываютъ камень кольцами и опускаютъ его въ чанъ.

Отъ каленыхъ камней заторъ начинаетъ кипѣть. Его оставляютъ на полсутокъ на мѣстѣ (а чтобы кто-нибудь не сталъ имъ лакомиться, приставляютъ караульщика). Черезъ полсутокъ въ чану образуется сусло. Чтобы узнать, готово-ли оно, берутъ ржаную еидѣмену (соломенку) и дѣлаютъ изъ нея окладенку, т. е. сгибаютъ соломенку въ формѣ треугольника (см. рис. 38), берутъ этотъ треугольникъ въ пальцы въ точкѣ *a* и обмакиваютъ въ сусло.

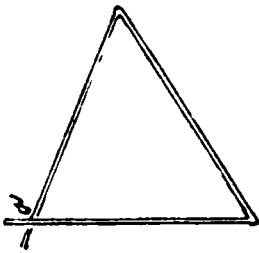

Рис. 38.

Если сусло поспѣло, то оно затягиваетъ площадь треугольника пленкою на подобіе стекла, если не затягивается—значить не готово. Если сусло готово, вынимаютъ стыръ и спускаютъ сусло въ корыто. Снопъ соломы, стоящій въ суслѣ, и служитъ для того, чтобы мука не проскакивала въ дыру вмѣстѣ съ сусломъ.

Изъ корыта сусло черпаютъ въ котелъ и кладутъ туда хмель. Съ хмелемъ сусло кипятъ на огнѣ въ котелѣ. Когда остынетъ, процеживаютъ въ ушаты, ушаты несутъ на повѣтъ и здѣсь переливаютъ сусло въ бочку.

Дѣлается „мѣлъ“ (см. выше), какъ и для колобковъ, съ тою лишь разницею, что тутъ прибавляется водка. Этотъ мѣлъ ставятъ въ избѣ сутки и когда «выходить», то выливается въ бочку. Тутъ же кладется и хмель, фунта два на бочку.

Пиво начинаетъ бродить. Бродить „по видимости“, т. е. за нимъ наблюдаютъ, и, если броженіе слишкомъ сильно, то отливаютъ часть въ другую бочку. Когда выбродило, его можно нить.

Въ празднику варится, примѣрно, 10 ведеръ пива. Угощеніе въ теченіе двухъ, трехъ дней праздника обходится (считая пиво, водку, чай, рыбу и т. п.) рублей въ 15.

На 10 ведеръ пива:

Солоду 1 пудъ	1 р. 50 к.
Муки ржаной 1 п. . . .	— „ 70 „
Хмель 15 ф.	3 „ — „
Водки	— „ 20 „

Итого 5 р. 40 к., т. е. 54 коп. ведро.

На обоихъ концахъ порома кладутъ затѣмъ поперекъ наката трех-аршинныя чурки *а* и привязываютъ къ накату кольцами. Поперекъ чурокъ кладется собачина *б*, т. е. бревно вершка два въ отрубѣ, и прикрѣпляется къ

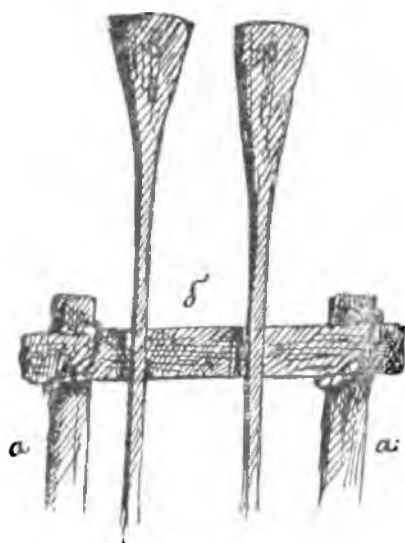

Рис. 41.

чуркамъ тоже кольцами. Въ собачинѣ дѣлаются рубыши (вырубки), въ которыя вкладываются гребки *в*, еловые слеги съ расширеніемъ на концѣ въ видѣ весла (рис. 41). На внутренней сторонѣ гребковъ дѣлаются вырубки, не позволяющія гребкамъ скользить по собачинѣ. Гребки служатъ для того, чтобы править плотомъ „по матеріку“, т. е. заставлять поромъ идти параллельно берегамъ рѣки. Такъ какъ поромъ движется силою теченія, то гребки не служатъ веслами, а рулями. Гребковъ устанавливаютъ на каждомъ концѣ порома по шести и больше.

Рис. 42.

На поромѣ устанавливаются шалаши изъ еловой скалы (коры), которая сгибается полукругомъ. Шалашъ служитъ для защиты поромщиковъ отъ непогоды и для ночлега. Подлѣ шалаша на поромѣ накладывается земля и на ней разводится огонь, на которомъ поромщики варятъ себѣ пищу. На каждомъ поромѣ находится четыре или пять лодокъ для выѣзда на берегъ и для другихъ надобностей.

Когда желаютъ остановить поромъ, то употребляютъ приколъ (рис. 42). Это березовый обрубокъ, аршина два длиною, стесанный на одномъ концѣ въ острей, сбоку же у прикола оставляется сукъ.

Выѣзжаютъ на берегъ хвататься, т. е. всаживаютъ въ землю острый конецъ прикола и накидываютъ на него снасъ, т. е. веревку, завязанную въ петлю и другимъ концомъ прикрѣпленную къ порому. Поромъ идетъ впередъ и приколъ, естественно, начинаетъ „буровить“ землю, сукъ же служитъ при этомъ для того, чтобы веревка не касалась земли. Когда приколъ вырветъ, его хватаютъ, бѣгутъ впередъ и снова всаживаютъ въ землю. Такъ повторяется

до тѣхъ поръ, пока поромъ наконецъ не остановится. При этомъ бывають несчастные случаи съ рабочими, которые хватаются. Всадивъ приколъ въ землю, работникъ налегаетъ на него всѣмъ тѣломъ и тащится на приколъ, который идетъ впередъ и вырываетъ въ землѣ канаву. Зачастую приколъ выскакиваетъ и отбрасываетъ работника на нѣсколько саженой впередъ и, случается, убиваетъ.

Плата за вырубку лѣса, возку его на катище, выгонку до большой рѣки и сплачиваніе полагается по 60 коп. съ дерева. Дальше нанимаются другіе люди, которымъ платятъ каждому по 15, 16 и 17 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ за сплавъ порома напр. отъ Котласа до Архангельска, т. е. на разстояніи 600 верстъ. Время, потребное для такого сплава, весьма различно: оно зависитъ отъ состоянія погоды и разныхъ случайностей. Сплавъ лѣса отъ Котласа до Архангельска длится иногда мѣсяцъ, даже два, бываетъ же, что „сплынають“ и въ 11 дней. По теченію, т. е. силою воды, поромъ двигается обыкновенно до устья р. Пинеги (Усь-Пиньги, какъ говорятъ народъ), собственно пониже верстъ на 5, отсюда-же поромы буксируются до Архангельска пароходами, такъ какъ въ Усть-Пинегѣ оказываетъ уже свое дѣйствіе морской приливъ, приливъ же потащитъ поромъ обратно, т. е. вверхъ по рѣкѣ.

„На сплавъ“.

Когда уговорились идти „на сплавъ“, и пришло время отхода, надѣваютъ кафтанъ на мѣху съ борами (полубубокъ), на ноги лапти или катанки, въ сунку (сумку) за плечами кладутся черныя сухари, три рубахи и трое подштанниковъ, шило, иглока, нитки, сапоги, у кою они есть, связываются и перекидываются черезъ плечо. Денегъ берутъ съ собой, примѣрно, рублей 10 на троихъ.

Когда все готово, прощаются съ домашними, обнимаются, цѣлуются; домашніе провожаютъ недалеко. Въ ближней церкви служатъ напутственный молебень.

Въ данномъ случаѣ троемъ—отцу и двумъ его взрослымъ сыновьямъ—предстоялъ путь пѣшкомъ отъ Котласа (60 верстъ ниже Устюга по Двинѣ) до Вологды, т. е. 526 верстъ.

Вышли на 3-ей недѣлѣ Великаго поста, въ концѣ февраля; стояли еще морозы. Планъ былъ такой: дойти до Вологды и оттуда, по вскрытіи рѣкъ, спуститься на баркѣ въ качествѣ судорабочихъ, до Архангельска, затѣмъ вернуться домой на пароходѣ.

Въ первый день прошли 40 верстъ до Чуркина на Двинѣ, здѣсь пере-

ночевали у родственника и на слѣдующій день пришли въ Устюгъ. Въ Устюгѣ остановились на постояломъ дворѣ; за ночлегъ взяли 3 коп. Уху изъ трески варили въ трактирѣ: 11 коп. на троицхъ, хлѣбъ свой. Затѣмъ, дальше ночлеги были по деревнямъ; заходили туда, гдѣ пускали; за ночлегъ никогда ничего не требовали, а накормливали за плату по 3 коп. съ человека.

Такъ дошли до Вологды въ концѣ марта. Здѣсь отыскивали одного судовладельца и нанялись къ нему на барку. Квартира была дана отъ хозяина, но хлѣбъ свой. Работа до вскрытія рѣки состояла въ одабливаніи льда вокругъ хозяйскихъ судовъ; плата за это и за нѣкоторыя другія работы по 40, 50 и 60 коп. въ день на человека, смотря по роду работы; расчетъ разъ въ недѣлю, по субботамъ.

Когда ледъ пронесло, принялись поспѣшно за загрузку судовъ: мукой, льнянымъ сѣменемъ, льномъ, колоніальнымъ товаромъ.

По окончаніи загрузки хозяинъ отслужилъ молебенъ на каждомъ суднѣ. Пришедшіе помѣстились всѣ трое на одной баркѣ. Рабочихъ нарядили кого къ гребкамъ, кого къ поноснымъ. На баркѣ гребки—огромныя весла, спускающіяся въ воду съ палубы барки по бокамъ ея; поносныя длинныя весла, одно на носу, другое на кормѣ. Гребками гребутъ не постоянно, а тогда лишь, когда барка сойдетъ съ фарватера, поносными же правятъ постоянно. При противномъ или боковомъ вѣтрѣ идти нельзя, тогда пристають къ берегу и выжидаютъ „пѣвѣтери“.

Особой каюты для ночлега рабочимъ на баркѣ нѣтъ; спятъ внутри барки, прямо на товарѣ. Пища дается отъ хозяина, кромѣ хлѣба и масла (для каши), которые свои;—шти или уха, каша пшенная или овсяная и мясо, все свѣжее и хорошее ¹⁾. Передъ обѣдомъ и ужиномъ даютъ по стакану (чайному) водки, а въ праздники по три стакана въ день. Кто не пьетъ водки, получаетъ взамѣнъ ея по 10 коп. за стаканъ.

Плата рабочимъ обуславливается силами ихъ и способностями. Въ данномъ случаѣ отцу было назначено 25 р., старшему сыну 17 р., меньшему 16 р. Это плата за весь путь отъ Вологды до Архангельска. Деньги были выданы тогда лишь, когда барку поставили въ Архангельскѣ на мѣсто.

Спрашивается: что же осталось у нашихъ троицхъ „сплавныхъ“, когда они вернулись домой послѣ двухмѣсячныхъ невѣроятныхъ трудовъ, усилій и

¹⁾ Иначе и быть не можетъ, потому что судно, нагруженное товаромъ на нѣсколько тысячъ рублей, передается вполне на волю судорабочихъ. Малѣйшая обида или неудовлетвореніе законныхъ ихъ желаній (напр. хорошая пища) со стороны хозяина или его приказчика могутъ повлечь за собою гибель судна и взыскать за это съ рабочихъ нищихъ, конечно, ничего нельзя. Но всякій сплавной товаръ бываетъ обыкновенно застрахованъ.

лишениі? Десять рублей у нихъ были взяты съ собою на дорогу; они ихъ и пробили. Въ Вологдѣ что выручили подённой работы до вскрытія рѣки—тоже пробили. Затѣмъ, во время пути отъ Вологды до Архангельска и отъ Архангельска до дому (600 верстъ) пройдено 10 р., всего прожито 20 р. Получено-же 58 р., стало быть, чистаго барыша осталось 38 р., т. е. 21 коп. на человѣка въ день. Эти оставшіяся въ рукахъ деньги зовутся суховыми.

Рыболовство.

Рыбу ловятъ въ р. Двинѣ, въ рѣчкахъ и озерахъ различными снастями и ловушками, а именно:

Какъ только пронесетъ ледъ, выѣзжаютъ на рѣку съ неводомъ. Неводъ бываетъ длиною до 100, даже до 150 сажень и принадлежитъ обыкновенно тремъ или четыремъ владѣльцамъ. Столбы, т. е. полосы, изъ которыхъ состоитъ неводъ, вяжутся, зимою мужчинами, изъ льняныхъ или конопляныхъ нитокъ. Столбы спиваются вмѣстѣ и образуютъ прямоугольникъ *а, б, в, г*. (см. рис. 43). По краямъ *ав* и *бг* пришиваются къ неводу веревки, которыя на нѣкоторомъ разстояніи связываются вмѣстѣ, и затѣмъ идетъ одна длинная

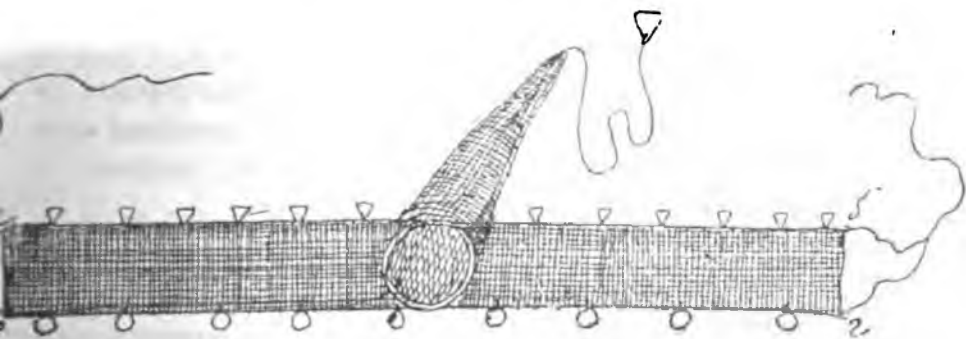

Рис. 43.

веревка, за которую рыболовы и волокутъ неводъ. По нижнему краю невода прикрѣпляются камни, завернутыя въ берестяныя ленты; камни эти зовутся кибасѣ (един. кибасъ); они служатъ для загрузенія невода въ воду, въ верхнему-же краю наплавкѣ (см. рис. 44)—треугольныя деревянные дощечки съ дыркой въ одномъ углу, куда и продѣвается веревка, прикрѣпляющая наплавокъ. Въ серединѣ невода вставляется, тоже вязанная изъ нитокъ, мѣтица, имѣющая видъ мѣшка. Къ концу ея на длинной веревкѣ привязывается наплавокъ, который и всплываетъ на поверхность воды.

Рис. 44.

Съ неводомъ выѣзжаютъ на рѣку въ лодкѣ, закидываютъ его и плывутъ снова къ берегу. Тащатъ неводъ за боковыя веревки

не съ ладожъ, а по берегу, причеъ рыба, захваченная неводомъ, входитъ въ матицу и наполняетъ ее.

Владѣльцы невода дѣлать пойманную рыбу—крупную поштучно, а мелкую на вѣсъ или чашками.

Бредникъ похожъ на неводъ, но меньше его,—сажень 15, 20, тоже имѣетъ матицу. Имъ бродятъ рыбу въ озерахъ—щучекъ, „варасѣвъ“ и т. п.

Мережа представляетъ двѣ сѣти—одна съ крупными, другая съ мелкими ячейками. Онѣ накладываются одна на другую и спиваются по краямъ и по серединѣ. Мережа устанавливается въ рѣчкѣ въ вертикальномъ положеніи посредствомъ двухъ шестовъ, втыкаемыхъ въ дно.

Чтобы загнать въ сѣть рыбу употребляютъ боть (см. рис. 45). Это длинный шестъ съ расширеніемъ на концѣ. Расширенная часть выдалбливается внутри въ видѣ колокола. Рыболовъ, держа шестъ въ рукахъ за середину, хлопаетъ ботомъ по водѣ и этимъ стукомъ пугаетъ рыбу и загоняетъ ее въ мережу.

Ловля рыбы посредствомъ киньги производится такъ.

Подходящее озерко „переваливается поперекъ ночью“, т. е. вколачиваются два ряда кольевъ и между ними насыпается земля, такъ что образуется плотина, называемая вѣзомъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ этой плотины оставляются проходы, такъ называемыя ворота. Въ этихъ воротахъ закладываются киньги *а* и *б*, такъ что рыба, переходящая съвозъ ворота изъ одной части озера въ другую, попадаетъ въ соответствующую киньгу.

Рис. 45.

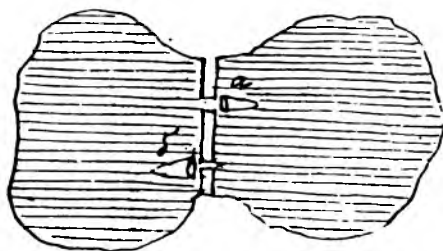

Рис. 46.

Киньга (рис. 46) устраивается такъ: берутъ два сосновыхъ бадожка *а* и *б* и къ нимъ по концамъ привязываютъ прочныя ивовыя вицы *в* и *г*, такъ что образуется прямоугольникъ; онъ зовется твориломъ. Тогда къ нему начинаютъ прикрѣплять особымъ способомъ ивовыя вицы, сгибая ихъ вокругъ бадожка и

бювовыхъ вицъ и оставляя концы пока свободными. Вицы эти ложатся вплотную одна подлѣ другой вокругъ всего творила. Затѣмъ, ихъ начинаютъ переплетать поперекъ тоненькими вичками, суживая постепенно и отрѣзывая по угламъ известное число вицъ, для того, чтобы образовалась четырехгранная пирамида. Въ вершинѣ ея оставляется круглое отверстіе, называемое горломъ *д*. Вся эта корзинка зовется языкомъ.

Когда языкъ готовъ, къ нему начинаютъ придѣлывать матицу, т. е.

вторую наружную пирамиду или корзинку, тѣмъ же способомъ, какъ плетется и языкъ (рис. 47).

На нѣкоторомъ разстояніи отъ горла *д* въ матицу вставляется кольцо *е*, съ тою цѣлю, чтобы она не приняла сплюснутый видъ. Въ нижнемъ концѣ матицы находится отверстіе *ж*, зовущееся жою; оно затыкается клочкомъ сѣна, называемымъ вехотью (рис. 48).

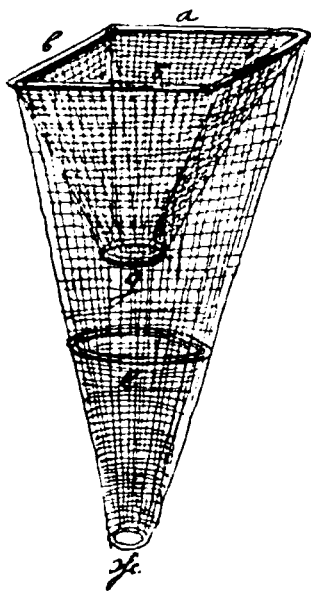

Рис. 47.

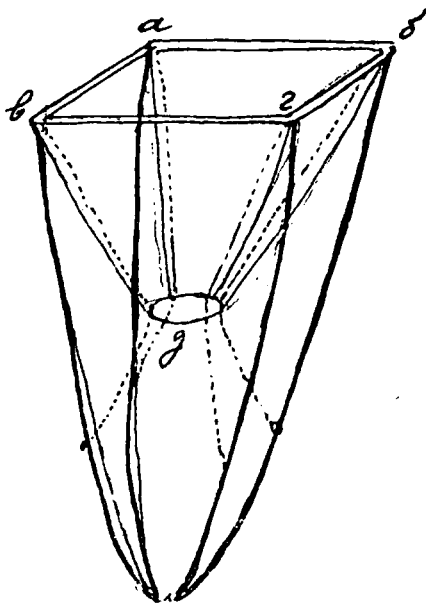

Рис. 48.

Когда плотина черезъ озеро и ворота въ ней готовы, киньга погружается въ воду и укрѣпляется въ воротахъ. Рыба входитъ черезъ творило въ языкъ, проходитъ черезъ горло въ матицу и тамъ остается. Киньгу вытаскиваютъ изъ воды, вынимаютъ вехоть изъ отверстія *ж* и, посредствомъ встряхиванія выкладываютъ черезъ это отверстіе рыбу.

Вмѣсто киньги въ ворота закладываютъ и морды (рис. 48). Морда дѣлается такъ: къ творилу *а б в г* пришивается сѣть изъ нитокъ съ отверстіемъ въ вершинѣ *д*, тоже зовущаяся языкомъ, какъ и въ киньгѣ. Къ тому же творилу пришивается длинная (аршина $1\frac{1}{2}$ —2) сѣть въ видѣ мѣшка, но безъ отверстія въ вершинѣ и распирается лучками, обозначенными на рис. 48 толстыми линіями. Мѣшокъ этотъ тоже зовется матицей. Для того, чтобы языкъ не спадался, отъ угловъ творила пропускаются въ отверстіе *д* четыре нитки, которыя концами своими привѣрѣпляются къ лучкамъ; на рисункѣ онѣ обозначены пунктиромъ.

Весною, когда уже начнетъ спадать вода, между озерками образуются протоки, зовущіеся бороздами. Въ такой бороздѣ выбираютъ удобное мѣсто

и втыкаютъ на томъ и другомъ берегу шесты въ видѣ козель, какъ показано на рис. 49, въ развилины-же шестовъ кладется жердь.

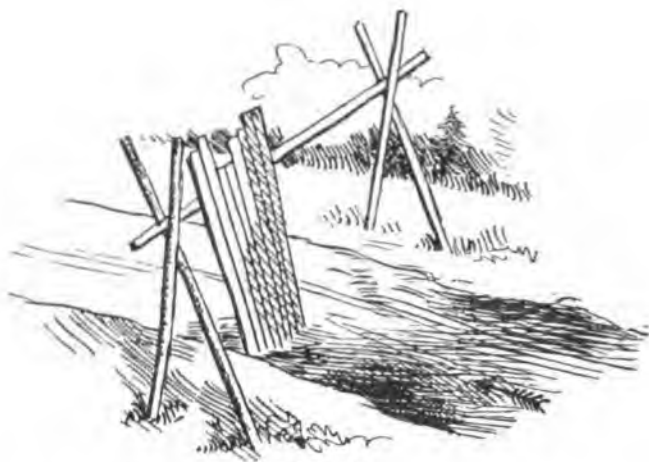

Рис. 49.

Рис. 50.

Въ быстрыхъ рѣчкахъ ловля рыбы производится посредствомъ сурпы (рис. 50). Сурпа видомъ похожа на киньгу, но представляетъ одну корзинку, сплетенную изъ ивовыхъ вицъ и не имѣетъ на заднемъ концѣ отверстія.

Въ дно рѣчки вколачиваются колья и переплетаются въ поперечномъ направленіи вицами. Въ одномъ мѣстѣ этой загородки, называемой ѣзомъ, оставляются ворота. Въ воротахъ на дно рѣчки кладется бѣрдо, т. е. слой сѣна или еловой лапы, который прикрѣпляется къ землѣ четырьмя бревнами. Бѣрдо служитъ для того, чтобы вода не выбила въ воротахъ ямы и рыба не стала бы проскальзывать мимо сурпы. Сурпа просто вставляется въ ворота безо всякой закрѣпы и держится напоромъ воды. Рыба, попавшая въ сурпу, не можетъ выйти обратно, тоже потому, что вода ее не пускаетъ.

Фиталь (рис. 51)—большой снарядъ для ловли рыбы въ рѣкахъ и озерахъ. Онъ устранивается такъ.

Къ большому кольцу изъ вересового (можжевельного) или ивового прута *a* прикрѣпляется связанный изъ льняныхъ нитокъ языкъ *b*, который удерживается отъ спаданія нитками, идущими отъ кольца къ другому кольцу изъ ивового прута *c* (на рисункѣ эти нитки не показаны). Къ тому же кольцу *a* прикрѣпляется матица *a* *z*, въ которую входитъ языкъ и которая расперта ивовыми кольцами *e*, *d*, *e*. Къ вершинѣ матицы прикрѣплено ивовое же

Сосновыя дранки въ палецъ толщиною, называемыя стружъ, вколачиваются въ дно борозды такъ, что свободными концами своими прислоняются въ шесту. Неподалеку отъ того или другого берега борозды въ стружѣ дѣлаются ворота, въ которыя и вставляетъ киньга, обращенная тво-риломъ противъ теченія. Рыба, проходящая по бороздѣ, попадаетъ въ киньгу. Весь этотъ снарядъ цѣлкомъ зовется запѣромъ.

Въ быстрыхъ рѣчкахъ ловля

кольцо *ж*; въ него втыкается шестикъ *з*, для того, чтобы удерживать снарядъ на мѣстѣ и не давать ему передвигаться отъ теченія воды.

Къ тому-же кольцу *а* привязываются два крыла *и* и *к*, аршина по 2 длиною каждое. Они удерживаются въ стоячемъ положеніи посредствомъ двухъ шестовъ *л* и *м*, вбитыхъ въ дно рѣки и торчащихъ надъ водою, тогда какъ весь фитиль скрытъ въ водѣ.

Ячей у этого снаряда крупныя, и въ него попадаетъ крупная рыба: лещи, язи, щуки.

Осенью, по первому ледку, ловятъ посредствомъ поводка (рис. 52) налимовъ.

Нѣсколько нитокъ изъ самаго чистаго льна сыскаются въ одну. Эта толстая и вѣрѣкая нить и есть поводокъ. Къ концу ея привязывается двойница, т. е. раздвоенная и на концѣ снова связанная нить. Къ оконечности этой двойницы прикрѣпляется желѣзный крюкъ, а на него насаживается нажива — маленькій живой налимчикъ. Верхній конецъ поводка привязывается къ небольшому шестяку, который зовется шатиной.

Во льду проколачивается пролѣка, т. е. отверстіе, въ которое опускается поводокъ съ налимчикомъ, за нимъ и шатина; послѣдняя втыкается въ дно рѣки. Налимчикъ начинаетъ плавать и водить за собою поводокъ, большой налимъ проглатываетъ маленькаго и попадаетъ на крюкъ.

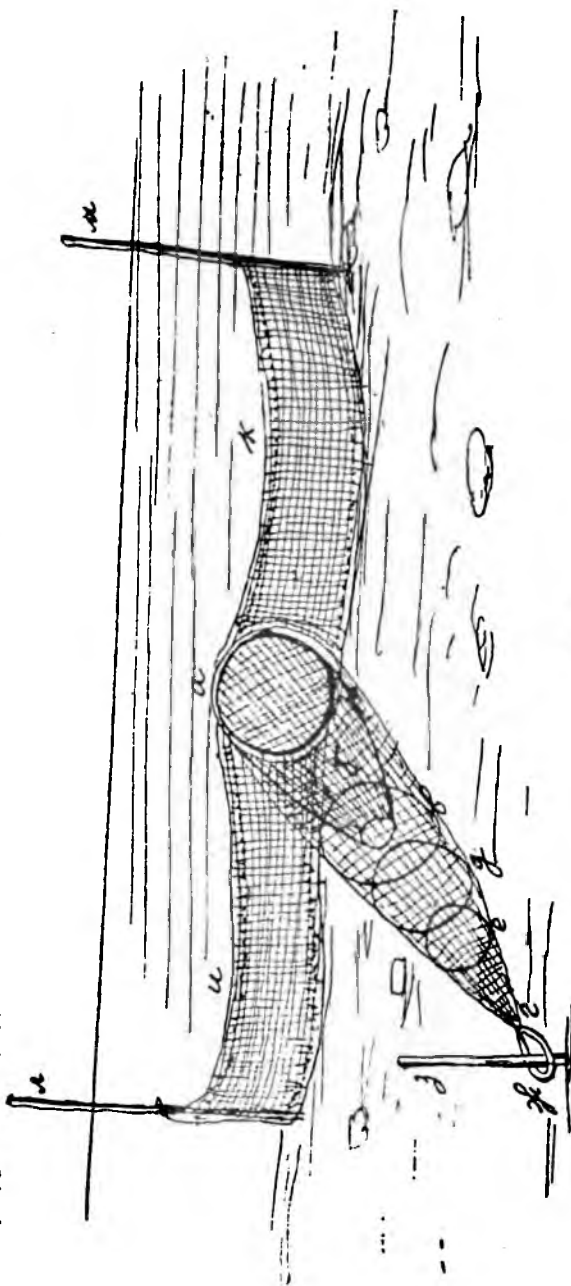

Рис. 51.

Когда ледъ сдѣлается толще, тогда ловятъ налимовъ на тыкаль (рис. 53). Дѣлается рѣчной крюкъ, т. е. берется шесть сажени, 3 длиной, и въ одномъ концѣ

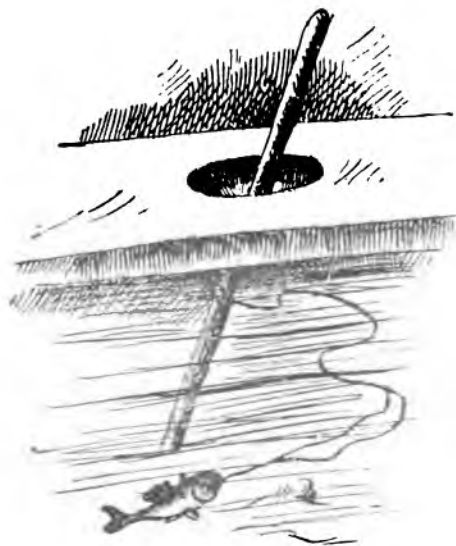

Рис. 52.

въ другой же конецъ вколачивается же- его выдалбливается небольшая впадина, лѣзный крюкъ и привѣшивается саргѣй, т. е. полоской листового желѣза. Затѣмъ берутъ нѣсколько сосновыхъ палочекъ съ пол-аршина длиной, за- остряютъ ихъ съ одного конца, другой же конецъ вкладываютъ въ отверстіе, выдолбленное въ шесть (см. рис. 53), такъ, чтобы тыкалецъ не выпадалъ. Къ тыкалку привязываются такіе же точно поводки, какъ было объяснено выше, и тыкалецъ вмѣстѣ съ повод- комъ опускаютъ въ прорубь. Когда коснутся оконечностью тыкалка дна рѣки, шесть нажимаютъ, и тыкалецъ входитъ на половину въ землю. Шестъ

вынимаютъ вонъ и такимъ же образомъ втыкаютъ второй, третій и всѣ остальные тыкалки.

Рис. 53.

Когда предполагаютъ, что налимъ уже попался на пово- докъ, опускаютъ шесть въ прорубь тѣмъ концомъ, на которомъ насаженъ крюкъ, и стараются поймать этимъ крюкомъ пово- докъ, лежащій на днѣ. Если поводокъ поднимается безъ со- противленія, это значитъ, что налимъ не попался, тогда по- водокъ выпускаютъ и пробуютъ другой поводокъ и т. д.

Маленькихъ налимичиковъ, какъ наживку, ловятъ заранѣе въ озерахъ и рѣчкахъ и держатъ въ ведрѣ; отправляясь же на ловлю, ведро ставятъ на „саночки“, т. е. салазки, на саночкахъ же везутъ и ушатъ съ водою, въ который садятъ потомъ выловленныхъ налимовъ, если хотятъ продавать ихъ живыми, если же нѣтъ, то закалываютъ тутъ же на мѣстѣ и замораживаютъ. Налимы попадаютъ вѣсомъ отъ 5 ф. до полу- пуда.

Ловля съ лучомъ.

Осенью, по первому льду, но еще до выпаденія снѣга, берутъ „санки“, топоръ, зобию или пестерь, наполненные смольемъ (изрубленные смолистыя части сосноваго дерева), кій—деревянный молотокъ, подобный тому, какой употре-

блается при конопаченіи дома и острогу, или же обыкновенную сковороду со сковородникомъ и вечеромъ отправляются на ловлю.

Но сперва два слова объ устройствѣ остроги. Въ деревняхъ по Су-хонѣ, въ другихъ уѣздахъ Вологодской губ., а также и на Двинѣ въ Архангельской, въ осеніе вечера ловятъ рыбу съ лучомъ („лучать“), разъ-ѣзжая въ лодкѣ съ желѣзной „возой“, т. е. вилкой или иного устройства снарядомъ, гдѣ горитъ смольё, освѣщающее воду, и рыболовъ, стоящій въ лодкѣ, закалываетъ рыбу острой, т. е. желѣзнымъ четырехъзубцемъ, наса-женнымъ на палку. Въ описываемомъ же мною мѣстѣ на Двинѣ, близъ устья Вычегды, съ лучомъ за рыбой не ѣздятъ и острой зовутъ здѣсь снарядъ, не имѣющій никакого сходства съ четырехъзубцемъ. Здѣсь острога дѣлается мѣстными кузнецами и состоитъ изъ четвероугольника, составленнаго изъ по-ложенныхъ крестообразно, т.

е. рѣшеткой полосъ листо-вого желѣза съ загибомъ по краю (рис 54). Съ одной стороны этого желѣзнаго ящи-ка придѣлана трубка, въ ко-торую вставляется деревянная

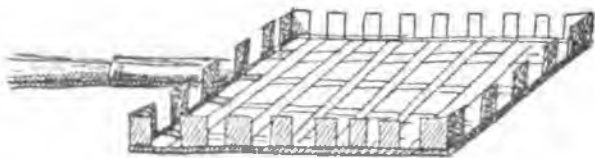

Рис. 54.

ручка, въ загибамъ же вдоль края ящика приклепываются небольшія полоски желѣза въ стоячемъ положеніи.

Дно остроги дѣлается въ рѣшетку съ двойною цѣлью: чтобы перего-рѣвшее смольё высыпалось вонъ и чтобы огонь освѣщалъ ледъ и подъ остро-гой, тогда какъ при употребленіи вмѣсто остроги сковороды, послѣдняя бро-саетъ отъ себя внизъ обширную тѣнь, мѣшающую разглядѣть рыбу.

И такъ рыболовы, сойдя съ берега въ рѣку, идутъ по льду близъ берега, гдѣ неглубоко кладутъ на острогу (или сковороду) смолья и зажи-гаютъ его. Стоящая (и спящая) въ водѣ рыба видна отчетливо сквозь про-зрачный ледъ. Замѣтивъ ее, одинъ изъ рыболововъ ударяетъ надъ нею кіемъ по льду и оглушаетъ ее. Тогда прорубаютъ топоромъ ледъ и вы-таскиваютъ рыбу. Это дѣлается поспѣшно, потому что черезъ нѣкоторое время рыба оживаетъ.

Въ закрытыхъ, т. е. не имѣющихъ стоконъ озерахъ, бываетъ, „дохнетъ“, т. е. задыхается отъ недостатка воздуха подо льдомъ. Вода въ такомъ озерѣ дѣйствительно дѣлается „кислою“, т. е. вонючею и негодною къ употребле-нію. Въ такихъ озерахъ рыболовы прорубаютъ во льду дыры аршина два въ квадратъ и сажаютъ рыбу черезъ прорубь во множествѣ посредствомъ сѣка, т. е. сѣти въ видѣ мѣшка, пришитой къ вольцу съ ручкой.

Бердяной ѣзъ.

Берутъ двѣ большихъ деревянныхъ планки, кладутъ ихъ параллельно

на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и поперекъ ихъ слой соломы, сѣна или еловой лапы; солома или сѣно прижимаются другой парой планокъ и затѣмъ эти планки связываются попарно въ трехъ мѣстахъ (рис. 55).

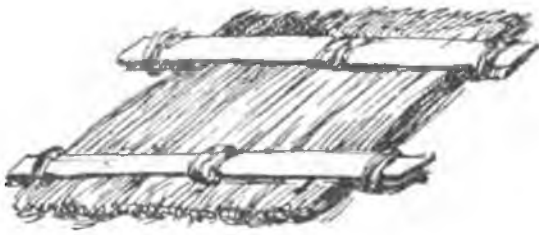

Рис. 55.

Этотъ соломенный щитъ зовется бѣрдомъ; щитовъ такихъ изготовляется нѣсколько.

Выбирается подходящее мѣсто въ какомъ нибудь озерѣ, и во льду, покрывающемъ это озеро, прорубаютъ отъ берега до берега щель, которая зовется

мѣйной; шириною она съ четверть аршина. Въ эту майну начинаютъ опускать бѣрда, такъ, чтобы они становились ко дну озера и ко льду подъ прямымъ угломъ. Въ извѣстномъ мѣстѣ дѣлаютъ пропускъ, т. е. ворота, и затѣмъ продолжаютъ ставить въ воду бѣрда вплоть до другого берега. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ одного бѣрда недостаетъ, въ воротахъ, во льду, дѣлаютъ прорубь по формѣ и величинѣ киньги. У краевъ этой проруби вбиваются въ дно озера колья, а между ними опускается въ воду киньга, въ которую и попадаетъ рыба (рис. 56).

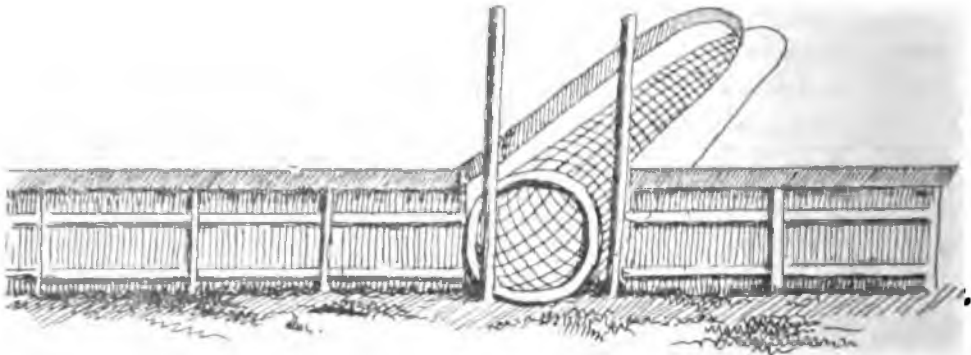

Рис. 56.

Изловленная тѣмъ или другимъ способомъ рыба сохраняется въ садкахъ, которые бываютъ двухъ видовъ: четырехугольные и треугольные.

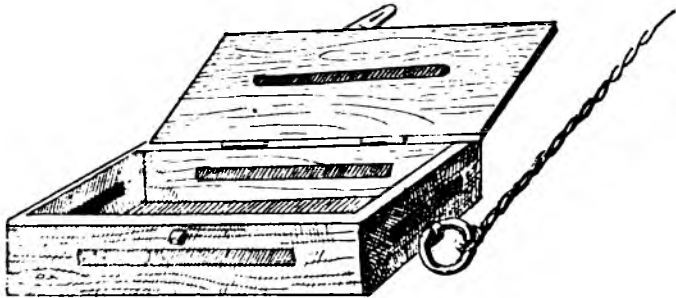

Рис. 57.

Четырехугольный садокъ представляетъ ящикъ аршина 2 длины, 1—1½

ширины и до полъаршина высоты, сколоченный изъ досокъ (рис. 57). Крышка ходить на петляхъ и къ ней приколоченъ пробой, который накладывается на петлю въ передней стѣнкѣ для запиранія садка висачимъ замкомъ. Въ одну изъ

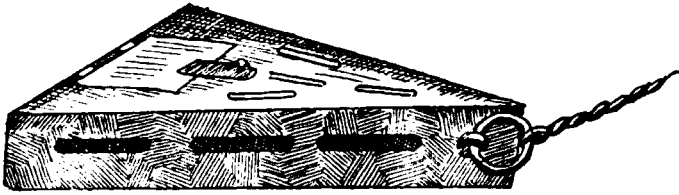

Рис. 58.

боковыхъ стѣнокъ ввинчивается кольцо; къ нему привязывается веревка однимъ концомъ, а другимъ къ колу, вбитому въ землю. Въ днѣ, крышкѣ и четырехъ стѣнкахъ ящика прорѣзываются щели для того, чтобы вода могла свободно протекать черезъ садокъ. Будучи опущенъ въ воду, садокъ держится на поверхности воды. Треугольный садокъ таковъ, какъ показано на рис. 58.

Ловля звѣрей и птицъ.

Ловля звѣрей и птицъ не особенно развиты въ описываемой мѣстности. Зайцевъ, медвѣдей и волковъ ловятъ капканами не своей работы. Этихъ же животныхъ бьютъ и изъ ружей одностоволокъ, онѣ покупаются готовыми въ городахъ. Горностаевъ ловятъ осенью, когда они уже побѣдѣли, именно ставятъ около норки мережку, составленную изъ двухъ сѣтокъ—одной съ крупными ячейками и другой съ мелкими, спитыхъ вмѣстѣ по краямъ. Выйдя изъ норки, звѣрокъ запутывается въ сѣтяхъ и остается въ нихъ.

Что касается ловли птицъ, то заслуживаютъ вниманія два способа этой ловли—пленницей и сѣлемъ.

Пленницей ловятъ преимущественно утокъ въ весеннее время. Берутъ толстую нитку аршина 3—4 длиной, складываютъ пополамъ, такъ что образуется двойная витъ и концы ея привязываютъ къ двумъ вичкамъ, которыя и втыкаются въ землю гдѣ нибудь на прошлогодней жнивѣ. Изъ конского волоса дѣлается

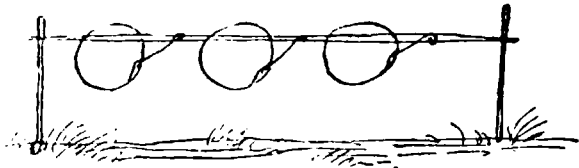

Рис. 59.

петля; конецъ волоса привязывается къ натанутымъ между вичками нитямъ, петля раздвигается и верхній край ея просовывается между нитями (рис. 59). Утки, бродя весною по жнивѣ и отыскивая себѣ тамъ пищу, попадаютъ головою въ петлю, и она ихъ давитъ.

Сѣлье дѣлается такъ: выбираютъ въ лѣсу двѣ стоящія неподалеку одна отъ другой сосны, дѣлаютъ въ нихъ топоромъ зарубки и въ этихъ зарубкахъ

укрѣпляютъ еловую хворостинку съ сучьями на одной сторонѣ, обращенной вверху. Два сосѣднихъ сучка пригибаются другъ къ другу и связываются першинками, такъ что образуютъ полукругъ (рис. 60).

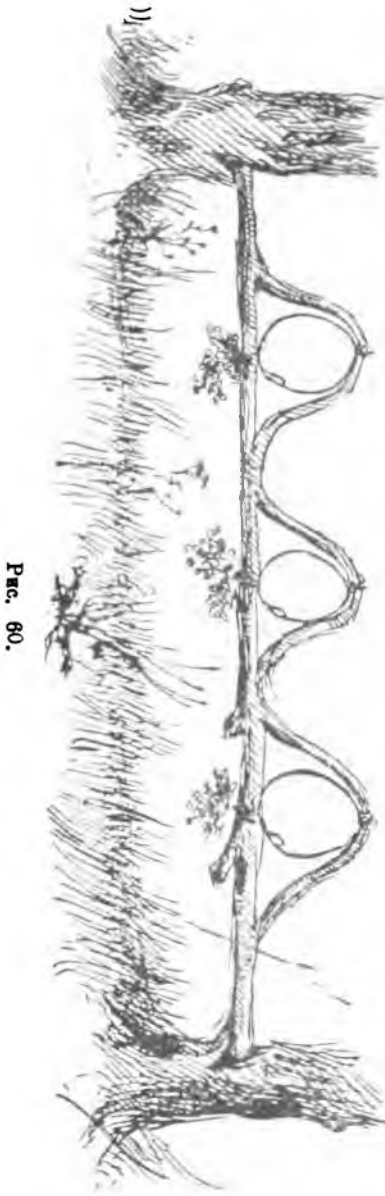

Рис. 60.

Изъ тонкой мѣдной проволоки дѣлаются петли, которыя и укрѣпляются въ промежуткахъ между сучьями, подъ петлями-же привязываются къ хворостинкѣ вѣсти рябиновыхъ или калиновыхъ ягодъ, какъ приманка. Птица садится на хворостинку между сучьями, наклоняетъ голову, чтобы достать ягоды и петля затягиваетъ ей шею. Такъ ловятъ рябчиковъ, тетерекъ, куропатокъ.

Довольно оригиналенъ способъ ловли дивихъ гусей на картофель. Гдѣ нибудь на высокой веретѣ (горушкѣ), незатопляемой весеннею водою, втыкается накрѣпно въ землю сосновый колышекъ съ полъаршина величиной. Къ нему привязывается тоненькая веревочка около трехъ четвертей длиною съ рыболовнымъ крючкомъ на концѣ. На крючекъ, какъ приманка, насаживается небольшая картофелина, которая и лежитъ въ травѣ. Гусь, найдя эту картофелину, проглатываетъ ее и попадаетъ на крючекъ.

Суда и лодки.

Баржи — огромныя суда (бываютъ до 40 саж. длиною), строятся въ Устюгѣ; служатъ для перевозки разной влады въ Архангельскъ и обратно. Самостоятельно не плаваютъ, а буксируются пароходами.

Барки, тоже строятся въ Устюгѣ, величиною 16—18 саж. Служатъ только для сплава разнаго товара въ Архангельскъ, а назадъ не возвращаются. По выгрузкѣ продаются на сломъ и идутъ на постройку мостковъ (тротуаровъ) и заборовъ.

Тѣфинка (тихвинка) — большая лодка, имѣетъ нижнюю палубу прямую; на эту палубу и укладывается товаръ; надъ нею зонтъ, т. е. верхняя, вы-

пуклая палуба изъ тесу съ перильцами по бортамъ. Въ бокахъ и спереди зонта дѣлаются дверцы для входа; въ кормѣ отгораживается крошечная каютка для хозяина. Тихвинка имѣетъ мачту; къ мачтѣ прикрѣпляется бечева, посредствомъ которой судно тянуть нѣсколько лошадей, идущихъ по бечевнику. На концѣ бечевы находятся веревочныя вѣтки, называемыя подмудками; къ подмудкамъ пристегиваются лошади. Лошадьми править и погоняютъ ихъ коноводъ; на суднѣ править рулемъ швейцаръ; палубники слѣдятъ за снасью, т. е. за бечевой; водолей отливаетъ воду, накапливающуюся въ трюмѣ.

Снега (шняка?) лодка саженой 6 длиною, шитая (гвоздями) изъ тесу, имѣетъ мачту. Дуги, служащія ей распорками, зовутся опругами; на опруги настилагается полъ, называемый тѣлгасъ. По срединѣ судна дѣлается, изъ тесу же, крыша на два ската. Подъ эту крышу ставятся кадки, наполненныя куриными яицами, которые отвозятъ въ Архангельскъ. Въ носу снеги помѣщаются два гребца, сидящіе лицомъ другъ къ другу и гребущіе вмѣстѣ парой большихъ веселъ; въ кормѣ сидитъ рулевой съ однимъ весломъ; весло это зовется навись. При попутномъ вѣтрѣ на мачту вѣшается небольшой парусъ изъ холста или изъ рогожи. Снеги дѣлаются дома и цѣнятся до 70 руб. штука. Назадъ тоже не возвращаются.

Босная лодка—съ высокимъ и острымъ носомъ и такою же кормой большая лодка, шитая изъ тесу, мачты не имѣетъ. Въ ней на тѣлгасъ ставятся кадки съ яицами и покрываются соломой. Подымаетъ до 100 пудовъ груза. Два гребца сидятъ въ этой лодкѣ въ носу въ веслахъ и одинъ на кормѣ съ рулевымъ весломъ. Цѣна этой лодки около 10 руб. По продажѣ яицъ въ Архангельскѣ, босныя лодки тоже продаются тамъ, а назадъ не „обращаются“.

Карбасъ—большая широкая лодка безъ палубы и мачты, дѣлается дома и служитъ для переправы черезъ рѣки. Въ нее садятся четыре гребца, каждый съ отдѣльнымъ весломъ, и одинъ, пятый, съ рулевымъ. Цѣна карбаса около 100 рублей.

Стружбѣ. Дѣлается дома изъ одного осинового бревна. Бревно выдалбливается корытомъ, затѣмъ распаривается кипяткомъ и разводится; поперекъ вставляются опруги, которые и не даютъ бортамъ сблизиться. Тѣлгасъ не владется; люди садятся прямо на дно лодки. Гребецъ садится по срединѣ, беретъ въ руки двоерушное весло, т. е. длинный шестъ, на концахъ котораго находится по лопасти, и погружая въ воду то одну, то другую лопасть, подвигается впередъ. Или такъ: гребецъ съ однимъ коротенькимъ, въ видѣ лопаты, весломъ въ рукахъ садится на одномъ концѣ лодки; тогда другой конецъ, до самой середины, поднимается изъ воды и

лодка, имѣя на половину меньше прикосновенія къ водѣ, при быстрыхъ ударахъ весла движется весьма быстро, Вообще стружки очень ходкія и легкія лодки, стоимостью всего рубля $1\frac{1}{2}$ —2; въ нихъ ѣздятъ съ мѣрежками за рыбой и на охоту за утками весною.

Кустарные промыслы.

Объ этихъ промыслахъ я расскажу коротко, ограничиваясь лишь упоминаніемъ о большинствѣ изъ нихъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ я загромоздилъ бы подробностями мои и безъ того затянувшіяся записи.

Гончарный промыселъ. Вся глиняная посуда, какая только употребляется въ хозяйствѣ, выдѣлывается дома. Гончарный станокъ устраивается такъ: въ прочную скамейку вдолбливается цилиндръ *a*; нижній стержень его *b* входитъ въ скамейку, на верхній же насаживается крестъ *c*, на которомъ сидитъ деревянный кругъ *d*, могущій свободно вращаться на стержнѣ *b* (рис. 61).

Рис. 61.

Работникъ садится верхомъ на скамейку, лицомъ къ станку, беретъ комокъ глины, смѣшанной съ пескомъ, владеть этотъ комокъ на впадину въ кругѣ и, вращая кругъ, выдѣлываетъ руками горшокъ, треть его мокрой тряпкой, обравниваетъ деревяннымъ ножомъ и п.

Когда посудина готова, она ставится сперва на полицу (полавошникъ), потомъ на печь, чтобы подсохла, наконецъ, кладется въ печь, тутъ-же въ избѣ, въ огонь для обжиганія. Когда посуда накалится въ огнѣ до-красна, въ корыто наливаютъ воды и разбалтываютъ въ ней жидко ржаную муку. Въ эту жидкость кладется нагрѣтая посуда и поворачивается кругомъ. Это дѣлается съ цѣлю навести на поверхность пятнышки, единственно для украшенія.

Деревянная посуда. Чашки (для ѣды), ставцы, выдалбливаются изъ осины или березы посредствомъ долота и потомъ обтачиваются на станкѣ. Узоры дѣлаются красками; краски, вѣсти и лакъ—покупные. Кадцы и ушаты дѣлаютъ изъ ели, сосны и можжевельника, лопаты изъ осины, березы

или пихты; ложки изъ осины и березы. Лиственница ни на какія подѣлки не идетъ, такъ какъ очень тяжела.

Экипажи. Устройство деревянскихъ экипажей, не смотря на кажущуюся простоту, довольно сложно и понять это устройство скорѣе всего можно по моделямъ. Здѣсь же я ограничусь рисункомъ и описаніемъ однихъ дровней.

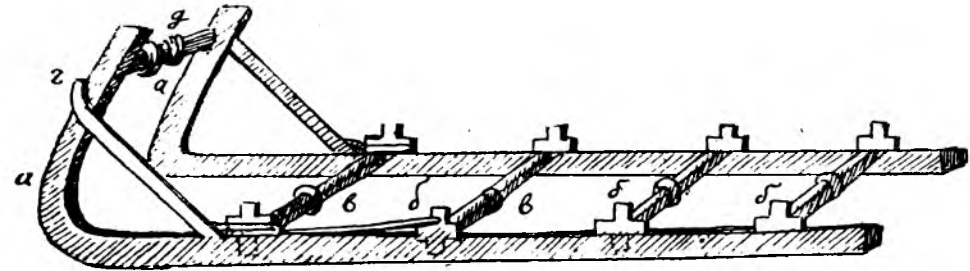

Рис. 62.

Основой дровнямъ служатъ два березовыхъ бруса, называемыхъ полазьями и загнутыхъ напередѣ въ головку *а*. Въ каждый полозъ вколачиваются сверху по четыре копыла *б*. Каждые два противоположныхъ копыла связываются толстыми березовыми вицами, которые зовутся вязью. Вязь перехватывается по срединѣ, для крѣпости, вичаными-же кольцами *в*. Для того, чтобы головка не разошлась, она стягивается чаповицей. Это березовая вица, которая въ пунктѣ *г* удерживается зарубкою, огибаетъ головку и идетъ къ первому копылу, обвиваетъ и его, завязывается узломъ, а свободный конецъ ея прилегаетъ просто ко второму копылу. То же и на второй головкѣ. Свободные-же концы чаповицъ между головками въ пунктѣ *д* сплетаются вмѣстѣ и образуютъ наговѣнникъ. Наговѣнникъ, для крѣпости, схватывается двумя вичаными кольцами (рис. 62).

Въ верхніе шпены копыловъ съ той и другой стороны дровень наколачивается нащепъ. Это—разрубленный продольно колъ, въ плоской сторонѣ котораго провернуты дырки; въ эти дырки и проходятъ верхніе шпены копыловъ, нащепъ служитъ для укрѣпленія дровней и для того, чтобы можно было класть поперекъ дровней солому или что другое подъ сидѣнье. Наконецъ, къ каждому изъ двухъ переднихъ копыловъ прикрѣпляется завѣртка—кольцо изъ березовыхъ вицъ, въ которое вкладывается оглобля.

Дровни могутъ быть превращены въ подшевни. Для этого къ нащепамъ прикрѣпляются дуги отверстіями кверху и околачиваются липовыми дубками. Подъ этотъ полукруглый кузовъ прикрѣпляются брусъ въ видѣ треугольника *а*,

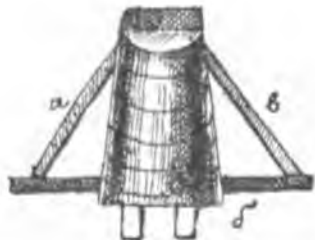

Рис. 64 (видъ сверху).

б, в, называемаго вряквой (въ Вологдѣ отводни); они служатъ для того, чтобы не давать дровнямъ опрокидываться (рис. 63).

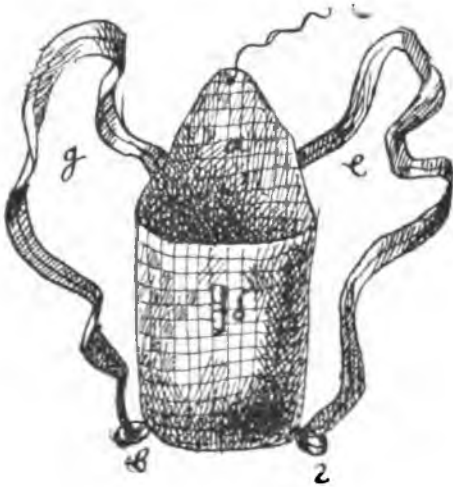

Рис. 64.

Рис. 65.

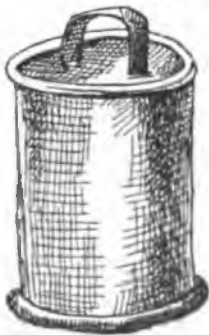

Рис. 66.

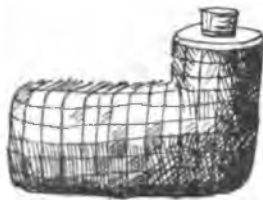

Рис. 67.

видъ правильнаго цилиндра съ загнутыми краями, въ которые пропущены березовыя вицы. Дно и крышка деревянныя и въ крышку вставляется деревянная-же ручка. Въ туясахъ носить преимущественно молоко. Туясокъ — маленькій туясъ, часто покрытый рѣзбой и раскрашенный разными красками; въ туясахъ носить масло, сметану и т. п. Наконецъ, изъ бересты же плетутся солоники (рис. 67) — сосуды для храненія соли.

Изделия изъ драни. Изъ сосновой драни плетутся коробки (рис. 68), въ нихъ хранить бѣлье, ленъ и т. п. Корзины съ ручкой круглыя (рис. 69) и квадратныя (рис. 70), наконецъ, половники — плетенье изъ драпокъ въ

Изделия изъ бересты: лапти, кузова.

Кузовъ плетется изъ берестяныхъ лентъ и бываетъ обыкновенно формы сжатого цилиндра. Треугольная часть *а* загибается впередъ и тесемкой привязывается къ клечку *б*, закрывая кузовъ. Къ петлямъ *в* и *г* привязываются концы полотенца, которое серединой проходить въ третью петлю на на спинкѣ кузова. Несущій кузовъ продѣваетъ руки въ мѣстахъ *д* и *е* и надѣваетъ кузовъ на спину. Въ кузовахъ носить губы (грибы), ягоды и хлѣбъ на пожитку (рис. 64).

Кромѣ лаптей и кузововъ изъ бересты плетутся ступни (рис. 65) — родъ калошъ или вѣрнѣе туфель, которыя надѣваютъ, выходя изъ дому ненадолго, въ сырое время, или въ стаю въ скоту. Ступни не имѣютъ обротовъ, т. е. бичевовъ, которыми привязываются къ ногамъ лапти, а держатся сами, благодаря возвышенному подъѣму. Туясъ (рис. 66) спивается изъ двухъ кусковъ бересты, имѣетъ

видѣ ковра, кладется подѣ свѣтильно, чтобы падающіе отъ лучины угли не портили пола.

Корневья издѣлія—плетенныя изъ тонкихъ сосновыхъ корней корзинки и чашки для ковригъ (короноватыя).

Тканье кушаковъ. Женщины ткутъ кушавы и поясье—пояски для подвязыванія рубахъ и сарафановъ, изъ чистой шерсти и съ прибавкой шелку. Ткутъ и сѣтки, т. е. шарфы на шею.

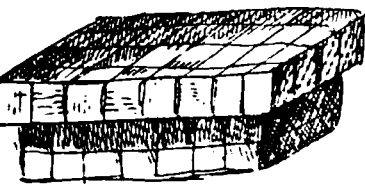

Рис. 68.

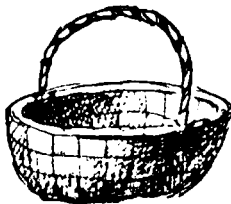

Рис. 69.

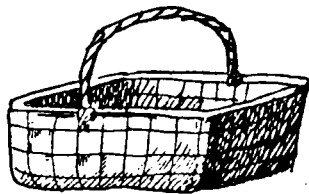

Рис. 70.

Вязанье перчатокъ, рукавицъ и чулокъ.

Тканье матерій—пестради на сарафаны и рубахи, холста, полотна (холстъ ткется изъ льняныхъ оческовъ, а полотно изъ чистаго льна), мѣшковъ изъ коноплянныхъ нитокъ, сукманины на пиджаки и на казачины.

Вышиванье. Вышивки въ узоръ на рубахахъ, фартукахъ, полотенцахъ. Шьютъ гарусомъ (покупною шерстью), шелкомъ и нитками—синими и красными—покупными и домашними (красятъ въ фуксинъ и въ сандалъ).

Катальный промыселъ. Катаютъ катаники (валенки), шляпы, калоши, подхомутники (войлока подѣ хомуты).

Сапожный—сапоги и башмаки. Кожа покупная.

Портняжный—работаютъ у себя дома и ходятъ по вызову въ деревни.

Столярный—столяры домашніе.

Желѣзные издѣлія—ведра, ковши, гвозди, подковы, топоры, косы, ральники, ножи, ножницы, замки.

Затѣмъ, существуютъ еще промыслы: кружевной, колесный, шорный (сбруя, возжи), кожевенный (кожи, овчины), игрушечный (деревянныя и глиняныя игрушки), роговой (гребни, гребенки), щетинный (выдѣлка щетины, изготовленіе щупахъ, един. щупаха—инструментъ, которымъ чупахатъ шерсть и чешутъ ленъ) и щетей.

С в а д ь б а.

Разсказчикъ началъ было вести свое повѣствованіе въ 1-мъ лицѣ, но необходимость отвѣчать на предлагаемые мною вопросы заставила его

перейти къ разсказу въ 3-мъ лицѣ. Отъ этого разсказъ утратилъ нѣсколько въ оригинальности, но за то выигралъ въ подробностяхъ.

„Отецъ не принуждалъ меня жениться и ничего даже не говорилъ. Я самъ сказалъ ему, что пойду смотрѣть дѣвокъ. Онъ сказалъ: поди. Я поѣхалъ недалеко отъ насъ въ деревню къ двоюродному брату и съ нимъ пошелъ на игрище. Самъ не игралъ, а сидѣлъ и смотрѣлъ. Тутъ зачали одну дѣвку хвалить, она мнѣ поглянулась.

Это было въ первый день Рождества, а на другой мы съ отцомъ и матерью поѣхали „сватомъ“. Заѣхали къ брату, взяли его и потомъ въ домъ къ невѣстѣ. Она ничего не знала и ея не было дома. Они были люди не бѣдные. Мы съ отцомъ и матерью остались на улицѣ, братъ зашелъ сперва одинъ. Зашелъ и спросилъ: будете ли отдавать дѣвку? Они сказали: будемъ. Братъ вышелъ и кликнулъ, мы и вошли въ избу. Отецъ и братъ стали сватать дѣвку, цѣной сходитьсь. Я запросилъ 80 руб., а онъ (отецъ невѣсты) сталъ давать 45; я пятишникъ сбросилъ и онъ далъ 55; я на 70, а онъ 65. Я за вѣнчанье заложилъ еще 3 р., попу за полотно 20 аршинъ, попадѣ платокъ шитый 50 к., и это на себя снялъ. Онъ и далъ 70 рублей.

Тутъ пришла невѣста и, ушла къ печѣ (т. е. за занавѣску, въ кутъ). Я сталъ требовать пить, она подала квасу братынѣ. Я не пилъ (ужъ не до квасу было), она поднесла моему отцу и матери и ушла къ печѣ.

Тогда стали молиться Богу, т. е. мы съ дѣвкой стали рядомъ. Никакой молитвы мы не читали (я не знаю ни одной)¹⁾, потомъ стали молиться отцы, потомъ матери.

Послѣ молитвы мы получили задатку пять или десять рублей, потомъ сѣли пить чай. Дѣвка разливала чай у печи и подносила; потомъ сѣла со мной рядомъ“.

Въ это время женихъ снимаетъ у невѣсты съ пальца перстень. Послѣ чаю сейчасъ же ужины; за ужиномъ женихъ и невѣста сидятъ рядомъ; когда ужинъ конченъ, гости уѣзжаютъ домой.

Дня черезъ три женихъ со всѣмъ домомъ ѣдетъ къ невѣстѣ на смотрины. Сперва сидятъ, пьютъ чай, ужинаютъ, затѣмъ начинаютъ играть. Пѣвицы опѣваютъ невѣсту. За опѣванье пріѣзжіе даютъ денегъ—невѣстѣ серебра, а пѣвицамъ мѣди. Во время ужина женихъ съ невѣстой выходятъ изъ за стола играть „крѣгомъ“ (хороводъ), дѣвки и ребята тоже пляшутъ. Послѣ ужина и игры ѣдутъ домой. Невѣста провожаетъ жениха на улицу, или провожаетъ съ нимъ съ четверть версты.

Дня черезъ четыре женихъ снова ѣдетъ къ невѣстѣ отдавать сдѣрье, т. е. подарки, какъ ей, такъ и всей ея роднѣ: отцу, братьямъ и хрѣсному

¹⁾ Опять хвастаетъ и рисуется своимъ позитивизмомъ.

по ситцевой рубахѣ и штанамъ, матери рубаху со становиною, шаль или полушалокъ, хрѣсной шаль.

Каждый разъ, какъ женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ, везетъ съ собою гостинцы: конфеты, пряники, крендели, которые и отдаетъ ей, идетъ къ ней къ печѣ (т. е. за занавѣску), тутъ сидятъ вдвоемъ и разговариваютъ.

Въ третій разъ, собираясь къ невѣстѣ, женихъ беретъ съ собою однихъ домашнихъ и ѣдетъ съ вѣстью о томъ, что завтра будетъ дѣвишникъ. Тутъ передаетъ ей сдари на сарафанъ или на рубаху и уѣзжаетъ.

На слѣдующій день утромъ онъ беретъ всю свою родню, наряжается и ѣдетъ къ невѣстѣ. Предварительно онъ назначаетъ дружку, подвозскаго (товарища себѣ, обязанность котораго рѣзать пироги и т. п.). Когда женихъ выѣзжаетъ изъ дому, дружка спрашиваетъ его приказа: „сворачивать ли стрѣчнымъ?“ Онъ обыкновенно отвѣчаетъ: не сворачивать, и тогда поѣздъ никому не даетъ даже и полъ-дороги.

У воротъ дома невѣсты происходитъ остановка, потому что дружка говоритъ „наговоръ“. Жениха встрѣчаютъ съ братынью пива или квасу и съ двумя „пирогамъ хлѣба“.

Женихъ входитъ въ избу, раздѣвается и садится за столъ, усаживаются и гости съ его стороны, а невѣсту въ это время наряжаютъ въ голбцѣ. Прислуживаетъ ей сваха, пріѣхавшая съ женихомъ.

Когда невѣста готова, ее выводятъ изъ голбца, и она становится у печи. Женихъ кладетъ дружкѣ на тарелку зеркальце, мыло, гребень, коты и чулки. Дружка передаетъ все это невѣстѣ съ наговорами. Затѣмъ, невѣста молится Богу, здоровается съ жениховой родней и идетъ къ столу. Женихъ беретъ ее за руку и обводитъ вокругъ стола. Передъ тѣмъ какъ сѣсть, женихъ съ невѣстой долго „перенираются“: каждому хочется сѣсть первому, потому что кто сядетъ первый, тотъ будетъ потомъ „большичать“. При этомъ женихъ наблюдаетъ, чтобы невѣста, сѣвши, не присѣла его казачину, т. е. надѣтую на немъ суконную оболочку съ борами.

Передъ женихомъ и невѣстой стоитъ на столѣ коврыга съ солоницей и бѣлая булка.

Отецъ невѣсты подноситъ водку. Женихъ и невѣста выпиваютъ по полъ-рюмкѣ. Это зовется обмываніемъ губъ. Тогда раскрываютъ столы, т. е. снимаютъ прочь полотенца, которыми были закрыты кушанья, и всѣ садятся за столъ.

Кушанья за столомъ: пирогъ съ рыбой, щи и студень. Передъ студнемъ всѣ встаютъ и читаютъ молитву „Отче нашъ“. Послѣ этого можно и пѣть пѣсни. Женихъ начинаетъ раздавать подарки своей роднѣ, кромѣ домашнихъ, которые получаютъ подарки дома послѣ „умыванья“. Подарки

разносить невѣстину братъ. Кого женихъ дарить, тому отецъ невѣсты подноситъ по стакану водки. Послѣ этого сидятъ за столомъ еще часа два. Отказомъ на обѣдъ считается сырое молоко въ чашкѣ, а въ постный день ягоды. Женихъ накрываетъ невѣсту шалью и ее уводятъ въ голбецъ наряжать въ вѣнцу. Когда она готова и вышла, снова садятся за столъ и дружка говоритъ „наговоръ“. Когда онъ кончилъ, всѣ встаютъ и молятся. Женихъ и невѣста выходятъ, а мать и отецъ невѣсты садятся на ихъ мѣсто и сидятъ; посидѣвъ, встаютъ. Отецъ беретъ икону и благословляетъ жениха и невѣсту, затѣмъ, мать беретъ пшеничную булку и благословляетъ ея. Невѣста кланяется матери въ поясъ, а женихъ „въ груди“. Булку невѣста увозитъ съ собой, чтобы потомъ „не тоскнуть“ объ родномъ домѣ.

Повѣздъ отправляется прямо въ церковь. На первой лошади кто нибудь, по назначенію жениха, везетъ икону, за нимъ слѣдуетъ женихъ съ крестнымъ—тысяцкимъ, потомъ невѣста со свахой, потомъ родня. Дружка провожаетъ повѣздъ съ полверсты и, послѣ „наговора“, возвращается.

Въ церкви сперва производится обыскъ, т. е. дьяконъ или пономарь записываютъ невѣсту въ книгу. Затѣмъ слѣдуетъ вѣнчанье.

Во время вѣнчанья замѣчаютъ (бабы): если у молодой вѣнецъ „стемнѣетъ“, это значитъ, что она „гуляла“ въ дѣвкахъ, а если у молодого, то онъ гулялъ будучи парнемъ. Также, когда пріѣдутъ домой отъ вѣнца, то у котораго изъ молодыхъ раньше погаснетъ вѣнчальная свѣчка, тотъ раньше и умретъ.

Изъ церкви ѣдутъ въ домъ жениха,—теперь уже «молодого». Встрѣчаютъ дружка, отецъ и мать съ хлѣбомъ и квасомъ. Молодой беретъ ковшъ, зачерпываетъ квасу, „выздымаетъ“ руку съ ковшомъ—первый разъ невысоко, выливаетъ квасъ въ братынь, зачерпываетъ снова, поднимаетъ повыше, выливаетъ, опять зачерпываетъ и въ третій разъ поднимаетъ на длину руки и выпиваетъ квасъ.

Входятъ въ избу. Здѣсь отецъ и мать молодого благословляютъ мужа и жену—сперва иконой, потомъ хлѣбомъ. Молодые кланяются сперва въ поясъ, потомъ въ ноги. Садятся за столъ, но не ѣдятъ, а ждутъ невѣстиной родни. Когда она пріѣдетъ, ее встрѣчаютъ съ виномъ и пивомъ. Это зовется почетники. Когда всѣ усадутся, раскрываютъ столы. Отецъ и мать молодого подносятъ молодымъ по стакану водки, тогда молодой разрѣшаетъ подавать „по всѣмъ“ водку, т. е. бабамъ и мужикамъ.

Подаютъ сперва пирогъ съ рыбой, потомъ щи, потомъ студень. Послѣ студня тысяцкій читаетъ „Отче нашъ“. Тогда молодой „скрываетъ“, т. е. снимаетъ платокъ съ лица жены и самъ подноситъ водку ей родитѣ. За-

тѣмъ ѣдятъ разную рыбу, картошку на латкахъ, пироги сладкіе и молоко (отказъ).

Тысящій беретъ икону и идетъ съ нею впередъ на подклѣтъ, гдѣ приготовлена постель для молодыхъ; молодые слѣдуютъ за нимъ. Тутъ они еще ужинаютъ; подаетъ имъ мать. Къ ужину молодой приглашаетъ тѣхъ изъ гостей, которые «любы», затѣмъ ложатся спать. Молодая разуваетъ мужа, вынимаетъ серебро, положенное имъ заранѣе въ сапогъ, и беретъ эти деньги себѣ.

На другое утро, часовъ въ 8 или 9, дружка приходитъ будить молодыхъ, и они идутъ пить чай въ избу.

Послѣ чаю происходитъ обрядъ „умыванья“. Умываются всѣ, кто ѣздилъ за невѣстой съ женихомъ. Они кладутъ деньги „на умыванье“ въ тарелку, которую держитъ хрѣсная. Самъ молодой кладетъ цѣлковый. Деньги эти идутъ молодой.

Затѣмъ молодой начинаетъ дарить своихъ домашнихъ: мать рубахой, отцу, братьямъ и хрѣсному даетъ по рубахѣ и штанамъ. Послѣ этого всѣ садятся обѣдать.

Когда обѣдъ конченъ, молодыхъ снова ведутъ на подклѣтъ, а въ это время лишніе гости разъѣзжаются и передъ отъѣздомъ приходятъ къ молодымъ прощаться. Молодой угощаетъ ихъ водкой. Когда гости разъѣдутся, молодые съ оставшимися пьютъ чай, потомъ ужинаютъ.

Женина родня живетъ обыкновенно въ домѣ у молодого дня четыре. На пятый день молодые ѣдутъ со всей мужниной родней къ женинымъ родителямъ „на блины“. Тутъ молодые гостятъ дня 4—5, вымоются въ банѣ и возвращаются домой. Провожаетъ ихъ женинъ отецъ.

Дня черезъ 3—4 женина родня ѣдетъ къ молодымъ на кочень, пируютъ дня два и одариваютъ молодыхъ и ихъ домашнихъ.

Черезъ недѣлю молодые снова ѣдутъ со всѣми домашними къ жениной роднѣ на сыр¹⁾; гостятъ здѣсь дня 3—4, причемъ молодой одариваетъ весь домъ.

Женино приданое состоитъ изъ денегъ; иной отецъ даетъ скотомъ; если есть крѣпостная земля, подписываетъ землей, а если мужчина идетъ въ домъ къ дѣвкѣ, то отецъ дѣвки подписываетъ ему половину имущества.

Если отца жениха или невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то отца замѣняетъ отецъ крестный, а мать родную—крестная, или отца замѣняютъ дядя или братья, а родную мать—тетки или сестры замужнія.

¹⁾ Прежде эти поѣздки на блины, на кочень, на сыръ сопровождались, вѣроятно, извѣстными обрядами, теперь же остались одни названія.

Свадьбы сиротъ или незаконнорожденныхъ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ свадебъ; на свадьбахъ вдовьихъ тоже не бываетъ никакихъ отличій.

Правило—никого ничѣмъ не ссужать во время приготовленій въ свадьбѣ соблюдается, пока все не кончится.

Когда молодая забеременѣетъ, то замѣчаютъ: если брюхо у нея острое, то она родитъ мальчика, если нѣтъ, то дѣвочку; если лѣвая титька больше—будетъ „робенокъ“, т. е. мальчикъ, если правая, то „дѣвка“.

Разрѣшается отъ бремени женщина въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ народу, напр. на повѣти, на назъму. Деревенскихъ повитухъ приглашаютъ, а городскую акушерку—„нѣтъ моды“. Мужъ обыкновенно присутствуетъ при родахъ и поить жену, т. е. даетъ пить изъ своего рта. При трудныхъ родахъ мужа заставляютъ ослабить или развязать свой поясъ, а иной и вовсе скидываетъ его; отпираютъ замки и отворяютъ женины сундуки; берутъ ключи, опускаютъ ихъ въ воду и этой водой поить родильницу; зажигаютъ вѣнчальные свѣчи.

По окончаніи родовъ родильницѣ даютъ капусту, ягоду или грибовъ соленыхъ. Встаетъ она съ постели обыкновенно на третій день. Кормить мать ребенка съ годъ, иная полтора, даже до двухъ лѣтъ.

Изъ семейныхъ отношеній.

Раздѣлъ бываетъ или противъ воли отца или съ его согласія. Причины раздѣла весьма различны. Пословица говоритъ: „нонѣ дѣлятся съ отцомъ роднымъ: охота говядину крошить самимъ“. Чаще всего раздѣлы происходятъ изъ за бабьихъ ссоръ. Если сынъ выходитъ изъ дому противъ воли отца, то не имѣетъ права ничего требовать, и судъ ему ничего не присудитъ, если бы онъ въ нему и обратился. Отецъ можетъ до трехъ разъ „опродать“ самовольно выдѣлившагося сына, т. е. продать данный ему домъ, скотъ и все что угодно; судъ это допускаетъ, но за третьей продажей власть его прекращается, и выдѣлившійся становится совершенно свободнымъ.

Если выдѣлъ происходитъ съ согласія отца, то онъ благословляетъ сына иконой, и икона эта остается у сына. Онъ говоритъ при этомъ: «во имя Отца и Сына и св Духа, поди съ Богомъ».

Когда происходитъ дѣлежъ, имущество оцѣниваютъ сами. Если напр. корова плоха, то къ ней «прикладываютъ» овецъ или чего другого. Части распределяются по жребію. Кидаютъ рукавицу, сколько «паей» (паевъ), столько и рукавицъ; въ каждую рукавицу кладется чтонибудь—щепка,

уголекъ и т. п., какъ условный знакъ. Непричастный дѣлежу человекъ раскладываетъ эти рукавицы по грудамъ вещей, назначенныхъ къ дѣлежу.

Домъ дѣлится по волѣ отца. Онъ отдаетъ домъ тому сыну, которому пожелаетъ, а другой получаетъ деньгами стоимость половины дома. Долги семейные дѣлятся поровну между дѣлящимися, также подати и повинности. Приговоръ дѣлается въ обществѣ и посылается въ волостное правленіе для подписанія.

Дочери, оставшіяся по смерти отца, никогда не дѣлятся, это неслыханная вещь. Если по смерти отца останутся сыновья съ женами и они дѣлятся, то жены не при чемъ, — «дѣло не ихнее», а если жены остаются одѣй, то дѣлятся такъ же, какъ и мужчины, «только у нихъ шуму больше».

Если у мужика жилъ его племянникъ, то при выдѣлѣ онъ получаетъ половину дома, родные же сыновья мужика не при чемъ: «племянникъ беретъ на своего покойнаго отца».

Сестры при братьяхъ не наследуютъ. Братья не обязаны ихъ содержать, но онѣ живутъ съ братьями, эти ихъ и замужъ выдаютъ.

Если по смерти отца останутся однѣ дочери, то онѣ наследуютъ все. Мать, если она жива, наследуетъ вмѣстѣ съ дочерьми. Послѣ умершаго бездѣтнымъ сына наследуютъ отецъ и мать.

Если жена умерла бездѣтною, то оставшееся послѣ нея имущество отдается сестрамъ покойницы.

Выручка за мелкіе заработки въ праздничное время отдается отцу или тому, кто ведетъ хозяйство. Если мужъ ушелъ на заработки, жена вправе требовать отъ него денегъ на уплату податей и на жалованье казаку, но болѣе ни гроша.

Казакъ никогда не бываетъ близокъ къ дому и не живетъ въ семьѣ. Это наемный работникъ съ лошадыю, обязанность котораго дѣлать всю годовую работу. Ему платятъ 9 р. съ души; онъ ѣстъ, пьетъ и ночуетъ дома. Работникъ же живетъ въ семьѣ, ѣстъ и пьетъ вмѣстѣ съ прочими. Ему платятъ 25—30 р. въ годъ, за лѣто же (съ Пасхи до Покрова) 15—16 рублей.

Увеселенія и игры.

Въ дер. Марковѣ и сосѣднихъ съ нею молодежи не собирается на „вечеринки“, „бесѣды“, „посидѣнки“, какъ въ другихъ уѣздахъ губерніи, — „къ намъ не дошла еще эта мода“, пояснилъ рассказчикъ. Исключеніе составляютъ лишь рождественскіе праздники, именно первые три дня рождества, новый годъ и крещенье. Тутъ собираются въ какойнибудь избѣ и „играютъ“, „ходятъ

кругомъ“, т. е. парни и дѣвки берутся за руки, составляютъ кругъ, ходятъ и поютъ, или же безъ пѣнія вертятся подъ звуки гармоніи. При этомъ женихи обыкновенно высматриваютъ невѣсту, т. е. намѣчаютъ себѣ дѣвушекъ, на которыхъ потомъ и женятся.

Игры устраиваются не на средства того домохозяина или хозяйки, которые дозволяютъ собираться въ своемъ домѣ играющимъ, а на сборныя, посредствомъ такъ наз. братчины. Домохозяинъ самъ собираетъ эту братчину, при чемъ каждый парень и дѣвка, желающіе участвовать въ играхъ, даютъ ему по пирогу и по 1 ф. муки на квасъ. Парни, кромѣ того, ежедневно жертвуютъ по 1 коп. на свѣчи. Игры начинаются обыкновенно послѣ обѣда, т. е. съ 12 ч. дня и продолжаются до 7—8 ч. вечера. Тутъ ужинаютъ, при чемъ дѣвки садятся на лавки, а парни на скамьи напротивъ. Послѣ ужина игры возобновляются и длятся до 2—3 ч. утра. Если посторонніе парни, т. е. не участвующіе въ братчинѣ, желаютъ играть и ужинать, то платятъ хозяину каждый по 5 коп.

Маскированіе и сами замаскированные особыхъ названій не имѣютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Тотмѣ, маскированные, ходящіе днемъ по улицамъ города, зовутся кудесами). Наряжаются только въ первые три дня Рождества и ходятъ на игры по домамъ. Отдѣльныя лица чаще всего надѣваютъ на себя вывернутый на изнанку полушубокъ, а на лицо маску. Маски изъ паще-маше покупаются въ Устюгѣ.

Но устраивается и слѣдующая игра. Одинъ парень замаскировывается лошадей, такъ именно: на голову прежде всего кладется прялка, при чемъ лопасть ложится вдоль по спинѣ, а копыль приходится на затылокъ и на темя и торчитъ надъ лбомъ впередъ, что придаетъ головѣ нѣкоторое подобіе лошадиной. Лопасть прялки на спинѣ скрыта вывернутымъ на изнанку полушубкомъ, копыль-же лежитъ на головѣ открыто. На шею надѣвается хомутъ (настоящій) такъ, что онъ приходится поверхъ полушубка и лопасти прялки; на лицѣ страшная маска. Поверхъ всего на голову накидывается узда, а на спину шлея. Этотъ человѣкъ составляетъ собственно переднюю половину лошади. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него за спиной становится другой человѣкъ, тоже закутанный въ вывернутый полушубокъ и въ маскѣ, но безъ всякихъ другихъ принадлежностей. На которое нибудь плечо передняго и задняго человѣка кладется палка, которая ихъ, такъ сказать, соединяетъ. На палку садится верхомъ третій парень, замаскированный старухой—въ сарафанѣ и платкѣ, со старушечьей маской на лицѣ. Наконецъ, впереди коня идетъ четвертый человѣкъ, все тѣло котораго завернуто въ два сшитыхъ вмѣстѣ полушубка мѣхомъ вверхъ, маски же на немъ двѣ—одна на лицѣ, другая на затылкѣ.

Вся эта группа, т. е. янусъ, лошадь (изъ двухъ человѣкъ) и амазонка вступаютъ въ избу, гдѣ происходитъ игра и амазонкѣ подаютъ въ руку зажженую свѣчу, съ которой она и ѣдетъ по избѣ, здороваются съ хозяевами, пугаетъ дѣвокъ и затѣмъ начинаетъ плясать. Пляшутъ, собственно, лошадь т. е. два человѣка, ее составляющіе и жожакъ, старуха-же остается на своемъ мѣстѣ, т. е. верхомъ на палкѣ, при чемъ, конечно, съ большимъ трудомъ сохраняетъ равновѣсіе. Затѣмъ, всѣ идутъ опять къ хозяевамъ и спрашиваютъ:

— Пригласите ли завтра потанцевать съ вами? Хозяйка отвѣчаютъ: милости просимъ, приходите.

Въ эти же три дня Рождества носятъ по игрищамъ чучелу.

Чучела дѣлаются такъ. Берутъ бревно вершковъ пять въ діаметръ и три аршина длиной и вырубаютъ изъ него подобіе человѣка, какъ показано на рисункѣ 71, но безъ рукъ (руки дѣлаются потомъ изъ одежды), ступни же вырубаются отдѣльно и вдавливаются въ ноги. Лицо раскрашивается красками, при чемъ ему придается по возможности страшное выраженіе. На ноги надѣваютъ катанники, на тѣло сарафанъ, а на шею кофту. Изъ рукавовъ кофты дѣлаютъ руки. На затылокъ чучелы приколачиваютъ распущенный лошадиный хвостъ (хвостъ этотъ заранѣе еще лѣтомъ отрѣзываютъ у какойнибудь чужой забѣглой лошади, выбирая такой, который подлиннѣе и покрасивѣе) на голову надѣвается бабья морхатка, состоящая изъ околыша, завязываемаго назадъ ленточками и пришитаго къ краямъ его колпачка, выдающагося впереди пузыремъ и спускающагося постепенно къ затылку, подъ лентами же привѣшиваютъ колокольчикъ съ веревочкой у языка; въ этотъ колокольчикъ потомъ и звонятъ.

Внеся чучелу въ избу, ее ставятъ въ передній уголъ на полъ. Дѣвки до того боятся чучелы, что зачастую всѣ убѣгаютъ изъ избы.

Чучелу сберегаютъ до слѣдующаго года, иногда и дольше. Лѣтомъ, когда на заливные дуга собираются изъ окрестныхъ деревень дѣвки для сбора дикаго чесноку (онѣ зовутся чесноковками), то парни, чтобы попугать ихъ, вытаскиваютъ чучелу, кладутъ ее на телѣгу и везутъ на дугъ. Дѣвки, увидавъ ее, разбѣгаются.

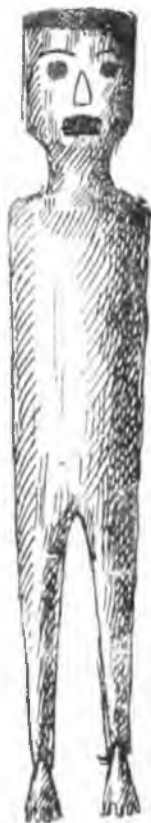

Рис. 71.

Зимой же устраиваются ледяныя горы на рѣкѣ или гдѣнибудь на озерѣ. Гора дѣлается такъ: въ ледъ вдавливаются и примораживаются къ

нему четыре столба, аршина по 4 высоты, такъ, что приходится въ углахъ квадрата. Столбы эти скрѣплены по два брусьями, входящими въ выемки на вершинѣ столба; на эти столбы и брусья кладется поможь, или просто дверь. Такимъ образомъ, получается вышка. Съ одной стороны на вышку ведетъ

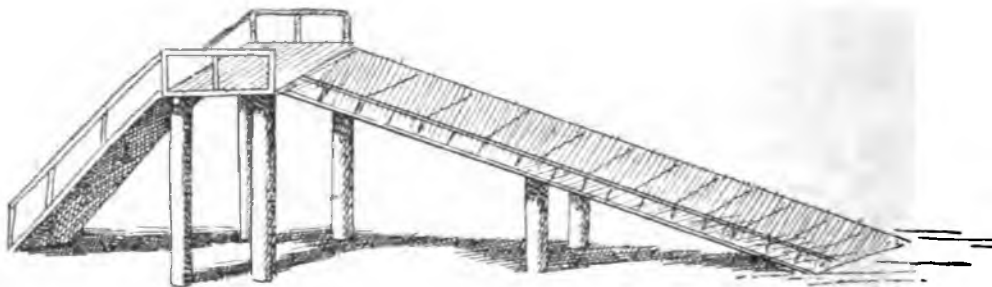

Рис. 72.

лѣстница съ перилами, которая продолжается до другой стороны площадки, а съ противоположной спускаются наклонно три толстыхъ жерди, подпертыя по срединѣ столбиками. На эти жерди укладываются льдины и поливаются водой, а по краямъ ихъ примораживаются сверху жерди, служащія для того, чтобы санки, скатывающіяся по горѣ, не слетали въ сторону (рис. 72).

Рис. 73.

Другого рода катушка устраивается проще, но скатываніе по ней представляется дикую и опасную забаву. Именно, къ краю крутого берега озера или рѣки представляются двѣ не толстыхъ жерди, которые наклонно и параллельно другъ другу спускаются на ледъ; жерди эти поливаются водой и катушка готова. Двое парней становятся на жерди лицомъ другъ къ другу и скатываются внизъ (рис. 73).

По замѣчанію рассказчика, на такого рода катушкахъ люди нерѣдко ломаютъ себѣ ноги, и тутъ же приведенъ примѣръ, что одна дѣвка, скатываясь стоя,

торвалась, сломала себѣ ногу и, по излѣченіи, осталась на всю жизнь хромою, изъ за чего и не вышла замужъ, такъ какъ дѣвицы съ физическими недостатками (хромыя, кривыя, носыя) никогда не находятъ себѣ жениховъ.

По этимъ же двумъ жердямъ скатываются и на боронѣ. Борона кладется на шесть вверхъ зубьями, по срединѣ усаживаются дѣвки, парни становятся по краямъ, раздѣляя ноги между зубьями бороны, всего человѣкъ до 8-ми, даже до 10-ти и скатываются внизъ.

Въ шаровое заговѣнье (т. е. передъ Петровымъ постомъ) катаютъ яйца. Яйца предварительно окрашиваютъ въ луковыхъ перьяхъ, сандалѣ или фуксинѣ и передъ какою нибудь избой поперекъ улицы кладутъ яйца на землю по прямой линіи въ разстояніи четвертей трехъ одно отъ другого. Саженьхъ въ 50 отъ яицъ кладется поперекъ дороги жердь, у которой становятся играющіе и одинъ изъ нихъ беретъ въ руки мячъ. Мячъ этотъ скатывается изъ овечьей шерсти, вѣсомъ фунта три. Если мячъ, будучи брошенъ по направленію къ линіи яицъ, попалъ въ которое нибудь изъ нихъ, это яйцо становится собственностью выбившаго его и онъ имѣетъ право катить мячъ вторично. Если мячъ проскочить, не задѣвъ ни одного яйца, его беретъ и бросаетъ другой и т. д.

Игра въ бабочки (т. е. бабки, костыги).

Ставятъ на землю попарно столько паръ бабочекъ, сколько играющихъ, т. е. всякій ставитъ свою пару. Эта линія бабочекъ зовется кономъ. Передъ началомъ игры каждый выдаетъ передъ собою на землю одну бабочку. Если она упадетъ на плоскую сторону, это зовется влѣчка, если на выпуклую—жокъ, если на рогнутую—нѣка. Первые бьютъ влѣчки, вторые—жоки, третьи нѣки. Чья влѣчка упала всѣхъ дальше отъ кону, тотъ бьетъ первый. Та бабочка, которой бьютъ, зовется битокъ; она побольше другихъ и иногда наливается свинцомъ. Если бросившій битокъ выбилъ изъ линіи или просто уронилъ одну пару или сколько бы ни было бабочекъ, берутъ ихъ себѣ. Затѣмъ, бьетъ другой и т. д., пока не выбьютъ всѣхъ. Этимъ партія кончается.

Колобки. Разница этой игры отъ предыдущей въ томъ лишь, что вмѣсто битка здѣсь употребляется желѣзная плетка плоская, овальной формы. вершка 2—3 величиной, имѣющая видъ колобка.

Плитки. Та-же игра, только вмѣсто колобка бьютъ деревянной дощечкой, длиною съ четверть, имѣющей тоже овальную форму.

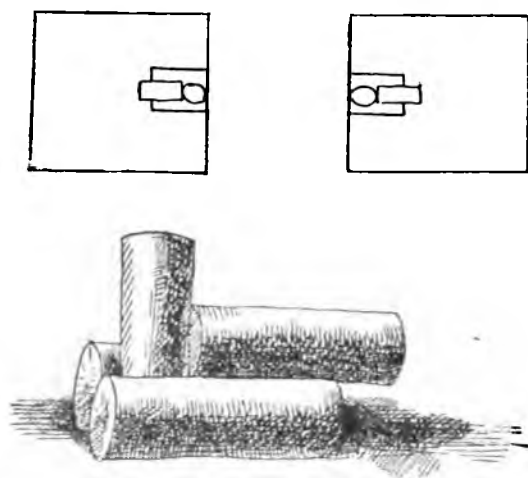

Рис. 74.

Рюхи. На ровномъ мѣстѣ на улицѣ чертятъ палкой два квадрата въ разстояніи саженной 50 одинъ отъ другого. Пространство внутри этихъ квадратовъ зовется городомъ. Рюхи—сосновые цилиндрическіе обрубки укладываются по 4 штуки въ каждомъ городѣ такъ, какъ показано на рис. 74. Затѣмъ, двое изъ играющихъ берутъ въ руки палку и начинаютъ мѣряться или гадать, т. е., держа палку

вертикально, обхватываютъ ее рукою попеременно. Чья рука окажется наверху послѣднюю, тотъ становится маткой.

Съ цѣлью выровнять игроковъ, т. е., чтобы въ одной партіи не оказался перевѣсъ въ хорошихъ игрокахъ, распредѣляютъ ихъ по жребію. Каждый беретъ въ одну руку щепку, а въ другую травку, подходитъ къ маткѣ и спрашиваетъ: матка, матка, щепка или травка? Матка называетъ то или другое и, смотря по тому, что оказалось въ правой рукѣ—щепка или травка, игрокъ отходитъ къ той или другой партіи.

Когда, такимъ образомъ, партіи образовались, игру начинаетъ тотъ, кто желаетъ (количество бросаемыхъ однимъ игрокомъ палокъ зависитъ отъ угла) и кидаетъ палку отъ передней черты своего города. Если онъ вышибетъ изъ границъ непріятельскаго города хоть одну рюху, слѣдующій кидаетъ свою палку уже не отъ черты города, а отъ черты, проведенной на землѣ между городами въ одинаковомъ разстояніи отъ того и другого (25 саж.). Кидаютъ до тѣхъ поръ, пока не прокидаютъ всѣхъ палокъ, каждый играющій по разу. Если рюхи не вышиблены, т. е. осталась хотя бы одна, начинаетъ кидать палки другая партія и т. д., и та партія выигрываетъ, которая первая вышибетъ изъ непріятельскаго города всѣ рюхи. Если котораянибудь партія со второго раза вышибла всѣ рюхи, напр. тремя палками, то второй партіи разрѣшается кончать игру только тремя палками. Если этими тремя палками она рюхъ не вышибетъ, то возитъ своихъ противниковъ, т. е. отдѣльные игроки носятъ ихъ на спинѣ отъ города.

Попы. Такая-же игра, разница въ томъ лишь, что рюхи ставятся стоймя—четыре по угламъ и двѣ въ срединѣ города на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой.

Игры „въ царя“, „юла“, „корова“ и „ёрга“ описаны въ моей книгѣ „Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи“ и потому я ихъ здѣсь не привожу.

Нѣкоторые повѣрья и примѣты.

Нечистая сила повсюду окружаетъ людей. Она дѣлится на разряды, имѣющіе свои названія, но изъ этихъ разрядовъ нѣтъ первенствующаго, такъ же точно, какъ и въ членахъ извѣстнаго разряда нѣтъ старшихъ, начальниковъ и т. п.; каждая особь существуетъ независимо отъ прочихъ и никому не подчиняется.

Ближайшій къ человѣку духъ есть домовой, имѣющій мѣстное названіе батѣмушки. Мѣсто жительства его всегда стая, т. е. скотный дворъ. Видятъ его очень рѣдко и если онъ является кому либо, то въ образѣ, напоминающемъ кошку. Его зовутъ еще „скотнымъ кормильцемъ“, потому что онъ ходитъ за скотомъ и кормитъ его. Если скотина ему не по дому, то онъ ей вредитъ всяко и даже губитъ. Если лошадь ему не нравится, то онъ гоняетъ ее ночью до того, что утромъ ее находятъ всю взмыленною и утомленною. Въ такомъ случаѣ, лошадь надо поскорѣе продать, что и дѣлаютъ. Въ домѣ, принадлежащемъ рассказчику, нельзя завести ни бѣлой лошади, ни бѣлой коровы, бѣлыя-же овцы батамушкой терпятся.

Одинъ старикъ-крестьянинъ пошелъ однажды въ стаю, чтобы дать лошади сѣна и вдругъ увидѣлъ домового. Испугавшись, онъ схватилъ вилы, но домовой, въ свою очередь, испугался и „ускочилъ“ въ дыру на повѣть, черезъ которую спускаютъ съ повѣти лошади и коровамъ сѣно. Оправившись отъ испуга, старикъ одумался, и, чтобы задобрить батамушку, связалъ ему самъ изъ бѣлой овечьей шерсти рукавицы, обѣ на лѣвую руку (потому что на правую домовой не возьметъ), положилъ эти рукавицы въ стаѣ и онъ оказались унесенными.

Чорти живутъ въ водѣ и выходятъ на сушу, входятъ въ дома и куда угодно. Сосуды съ какою бы ни было жидкостью нельзя оставлять непокрытыми, потому что чортъ непременно наладитъ въ посудину; если же покрыть нечѣмъ, то надо перекрестить.

Охранителемъ человѣка отъ возней чорта является ангелъ-хранитель, но не какъ ангелъ, а какъ самъ Іисусъ Христосъ и его мѣсто всегда по правую руку человѣка. Потому никто не позволитъ себѣ плюнуть или помочиться на правую сторону. Также и не лѣютъ никогда чего либо „на-ообо“, т. е.

держа, напр. ковшъ въ лѣвой рукѣ (если правая чѣмъ нибудь занята) не выльютъ воду направо-же, надо всегда налѣво.

Чортъ избобрѣлъ табакъ и водку, но никакихъ подробностей по этому предмету рассказчикомъ не сообщено.

Человѣкъ, знающійся съ чортомъ, есть колдунъ, но это вовсе не то, что шоптунъ, потому что „шоптунъ шопчетъ все только хорошее“; онъ есть врачъ, цѣлитель, а не злой и вредный человѣкъ, какимъ всегда является колдунъ.

Въ описываемой мѣстности колдуны есть, и не одинъ. Въ дер. Веткурьѣ былъ случай, что когда колдуну пришла „неминучая“, его стало до того „котосать“, т. е. корчить, что его взяли (близкіе, родные, конечно, а не черти), втащили на крышу и уложили вдоль по князьку, но такъ какъ тутъ онъ кончиться не могъ, то сняли и положили у порога дома на улицѣ, гдѣ онъ и умеръ.

Человѣкъ этотъ при жизни проявлялъ весьма замѣтно присущую ему злую силу. Когда онъ ловилъ рыбу, то можно было хоть подъ бокомъ у него „ладить ѣза“, рыба въ нихъ не попадала, тогда какъ его снасти всегда наполнялись рыбой: „дьяволъ ему нагонялъ“. И если другіе вытрясаютъ изъ снастей пойманную ими рыбу, а онъ подойдетъ и посмотритъ, то „ровно обрѣжетъ“—рыба не будетъ больше попадать.

Колдуны заносятъ въ баню кикимору, по злобѣ, конечно. Что такое кикимора—рассказчикъ не могъ объяснить даже приблизительно.—„Изъ чего она существуетъ—я не знаю, а кто приноситъ, тотъ ужъ знаетъ“. Кладутъ кикимору къ стѣнѣ за камницу (т. е. за банную печь, которая всегда сложена изъ камней) и она, кикимора, никому уже не дастъ спокойно помыться: начнетъ пугать разными голосами.

Чтобы вывести кикимору „добираются человѣка, который имѣ завѣдуетъ“, т. е. колдуна или колдунью. Колдунѣ надо заплатить дорого—полтину, а то и рубль, а если колдунъ, то довольно бываетъ напоить его водкой. Если же этого не сдѣлать, то придется непременно переносить баню на другое мѣсто. Надо замѣтить, что бань не ставятъ на дорогѣ, на межѣ или „на крестѣ“ (т. е. на перекресткѣ) потому что лѣшій станетъ изъ нея выпугивать. Относительно мытья въ банѣ соблюдаются неукоснительно два правила: послѣ трехъ паръ (пара можетъ состоять и не изъ двухъ человѣкъ, а изъ большаго числа) не ходитъ мыться четвертая, потому что послѣ третьей пары начинаютъ мыться черти, и затѣмъ не ходятъ мыться на большіе праздники, потому что „пужаетъ“.

Водяной—водяной духъ, рыбный царь. „Гдѣ некрасивое, темное мѣсто, тутъ въ омутѣ и живетъ водяной. Купаться опасно: утащить за ногу или за

шею; если даже есть крестъ, то схватить за говитанъ. Парень одинъ утонулъ въ такомъ мѣстѣ купавшись, его искали по четыре дня и когда вытащили, то увидѣли, что говитаномъ ему шею перерѣзало, а у горла на говитанѣ узелъ завязанъ“.

„Замусъ потерялся लेकरъ одинъ, искали его по три дня, въ это время отецъ его ѣздилъ и въ пяти церквахъ молебень служилъ, а послѣ трехъ дней перестали: правила такое, что по три дня ищутъ, а больше не ищутъ. Послѣ трехъ дней еще два дня рѣчку долбили (т. е. дѣлали проруби) и не нашли, а нашелъ мужикъ одинъ: около дороги лежитъ мертвый елками закиданъ. Когда поѣхали на то мѣсто съ понятными—его нѣтъ. Нашли опять лѣтомъ въ рѣчкѣ, вокругъ камня обвернуть, ноги къ головѣ притянуты. Онъ явился отцу своему—блзнилось отцу-то—и говорилъ: я замерзъ“.

Когда выловятъ рыбу, то водяному ничего назадь не бросаютъ, потому что „онъ ее отпустилъ“.

„Есть у насъ одно озеро, въ которое лучше съ неводами не ѣзди, потому что водяной не даетъ рыбы, а накладываетъ полную матицу коневихъ говень. У насъ въ это озеро мало-не-ѣздить ¹⁾, только тотъ поѣдетъ развѣ, кто не знаетъ“.

Лѣшій живетъ въ лѣсу и зачастую „водитъ“ людей, т. е. сбиваетъ съ дороги или съ тропы. Въ такихъ случаяхъ есть средство найти дорогу, именно переложить стельки изъ одного сапога въ другой; но средство это не всегда помогаетъ.

Лѣшаго можно вызвать, стоитъ только закричать: приди, лѣшій, посмотришь тебя охота! по опыту этотъ весьма опасенъ.

Бабы поѣхали однажды съ ребятами въ лѣсъ за грибами и ягодами на трехъ лошадяхъ. Вечеромъ всѣ собрались у огня и стали ужинать. Ребята и начали звать лѣшаго. А онъ и идетъ, только лѣсъ трещить; огонь сталъ по землѣ разстилаться, кони рваться начали. Бабы замолялись, потомъ и ребята, онъ и ушелъ.

Нѣкоторые примѣты.

Если ножъ лежитъ на столѣ, когда обѣдаютъ и кто нибудь „ѣдетъ“ съ ложкой въ ставецъ (деревянное блюдо) черезъ этотъ ножъ, то „ножъ подѣ бока станетъ тыкать“.

¹⁾ Особый оборотъ рѣчи; значить: почти не ѣздить.

Если во время метенія пола обмести ноги парню, то теща не станетъ его блинами кормить.

Головня въ печи останется—первому гостю въ задницу.

Если по выходѣ изъ избы тотчасъ же на встрѣчу другой человѣкъ—не къ добру.

Если пѣтухъ поетъ не въ время, или курица запоетъ пѣтухомъ—дурной знакъ.

Бересту не жгутъ въ печкѣ—клопы заводятся; во избѣжаніе того-же не топятъ березовыми дровами. Чтобы вывести клоповъ, ждутъ перваго грома и когда его услышать, берутъ земли изъ подъ правой пяты и раскидываютъ эту землю въ избѣ, но такъ, чтобы никто этого не видѣлъ. Съ тою-же цѣлью старуха обвѣзжаетъ домъ на помелѣ, когда заблаговѣстятъ къ христовской заутренѣ, но тоже не при людяхъ.

„Попъ въ домъ—клопъ вонъ“, говорятъ про себя хозяева, когда нѣзбу входитъ попъ, иногда же при этомъ парнишка, котораго „натакаютъ“, т. е. заранѣе научатъ, поймавъ клопа и, забравшись на полати, ожидаетъ попа, и когда тотъ входитъ въ нѣзу, спускаетъ незамѣтно клопа ему въ загривокъ. Отъ этого всѣ клопы пропадутъ.

Заговоръ отъ клоповъ: какъ у кокушки нѣтъ гнѣзда, такъ и въ нашей избѣ клопамъ не было бы гнѣзда.

Чтобы лѣнь не путался, на вербовое воскресенье, до солнца „вяжутъ у фвѣлина ноги“, т. е. связываютъ пучкомъ ржаной соломы два стоячихъ кола въ огородѣ (изгороди).

Ложиться на лавку или на полъ въ избѣ ногами къ иконамъ—не слѣдуетъ: скоро умрешь; ногами къ иконамъ кладутъ только покойниковъ. Также нельзя ложиться вдоль по соломѣ, надо поперекъ, потому что вдоль по соломѣ мочутъ покойниковъ.

Когда болятъ зубы, кусаютъ кипарисный образъ, который всегда найдется у когонибудь (приносятъ отъ Соловецкихъ).

Если перешагнешь черезъ стельки, сдѣлается насморкъ.

Ладанки на шеѣ носятъ бабы, а мужчины—порохъ, зашитый въ мѣшечекъ, въ предохраненіе отъ болѣзней.

Если желна долго „ведетъ“ (т. е. протяжно кричитъ), будетъ протяжная весна.

Если снѣгъ сравниваетъ лога съ угорами, то вода будетъ большая.

Если заяцъ низко гложетъ осину, то вода будетъ низка, а если высоко, то высока.

Нѣкоторыя пословицы и поговорки.

1. Своя рука не сдрожитъ.
2. Ворона съ мѣста, соколъ на мѣсто.
3. У всякаго старца по ставцу.
4. Бурлацкое горло все прометётъ.
5. У долга долгъ вѣкъ.
6. Ужъ не то мое Танькино сердце, чтобы сарафава не пропнуть.
7. — Что ты, Танька, весела?—Въ рукавицу настая.
8. Устанетъ, такъ перестанетъ.
9. Устюгъ Великой—народъ въ немъ дивой.
10. Хлѣбъ—соль—заёмное дѣло.
11. Паны пиво выпили, а хозяевъ выбили.
12. Паръ костей не ломить, а вошка тепло любить.
13. Пей-ка воду: небольшого роду.
14. Чужой дуракъ—смѣхъ, а свой—стыдъ.
15. Богатъ, да не Богу братъ.
16. Дѣвка не вошка, не выкинешь изъ окошка.
17. Какъ ни плыть, а у дна быть.
18. Кто куритъ табачокъ, у того и праздничекъ.
19. Табакъ да баба—одна забава.
20. На чужую вучу неча глаза пучить.
21. Не ходи въ лѣсъ, коли зайца боишься.
22. Ношамое носится, держамое держится.
23. Одной рукой и узла не завяжешь.
24. Работой не прокормишься, былъ бы хлѣбъ.
25. Сапогъ лаптю не дружка.
26. Привыкла жопа пердѣть—трудно терпѣть.
27. Прежде за „спасибо“ мужикъ три года работалъ.
28. Поѣлъ бы рѣпки, да зубы рѣдки.
29. Пошла кншка по мѣшкамъ.
30. Воронѣ гдѣ ни летать, вездѣ говно клевать.
31. Потѣха дѣлу не помѣха.
32. Запутался, какъ курица въ отропяхъ.
33. Потопаешь, такъ и полопаешь.
34. Много милыхъ, да мало добрыхъ.
35. Пошелъ кормиться, такъ некуда торопиться.
36. Считай на мѣ, а получай на пѣ.

37. Тугонокъ я тебѣ, орѣшекъ, дался.
38. Сытъ покуда: съѣлъ полпуда, стало семь фунтовъ, послѣ съѣмъ.
39. Повѣрь бабѣ—дуракомъ и будешь.
40. Повѣрь кошке мясо стерегчи!
41. Рыбы не хочу, и жопы не мочу.
42. Посердишься—недалеко свернешься (т. е. тутъ-же будешь).
43. Пьемъ, попьемъ, за другимъ пошлемъ.
44. Пьемъ, попьемъ, гдѣ мы денежки беремъ?
45. Рядись—не торопись, работай—не лѣнись (рядись—поражайся въ работу).
46. Расчитаясь—на томъ свѣтѣ угольемъ.
47. Пьянъ такъ богатъ, проспишься, такъ нищій.
48. Пилось-бы да ѣлось, да работуха на умъ не шла.
49. Мнѣ ужъ домъ-отъ козой кажется (т. е. надоѣлъ).
50. Ярѣ, да локтя не окусишь.
51. Горшокъ чугуну не товарищъ.
52. Изъ говна козѣлки не сдѣлаешь (т. е. изъ худого матеріала не сдѣлаешь хорошей вещи).
53. Ложку не доведъ, а ротъ открываешь.
54. Плохо жить съ одного конца.
55. Хлопай рукавичкамъ, недалеко до Комаричи (говорятъ „сплавные“ рабочіе, возвращаясь осенью домой изъ Архангельска. Комарица—селеніе на Двинѣ).
56. Туровечкая Богомать, помоги якорь достать (просать двинскіе судо-рабочіе. Туровецъ—селеніе на Двинѣ).

Н. Ивануцкій.

Петрозаводскъ.
Декабрь, 1897.

О Сибирскихъ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Изъ рукописей, доставленныхъ въ Отдѣленіе Этнографіи, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, у меня были на просмотрѣ: сибирскія пѣсни и свитокъ молитвъ, приобретенный, судя по ихъ тексту, отъ старообрядцевъ, обращающій на себя особое вниманіе тѣмъ, что начинается пресловутымъ апокрифомъ „Сонъ Богородицы“. Изумительно необычайное распространеніе въ народѣ этого сказанія о крестныхъ страданіяхъ Христа въ двухъ видахъ: стихотворномъ и прозаическомъ. Несомнѣнно, архивъ Этнографическаго Отдѣленія издавна переполнялся разнообразными вариантами той и другой формы, по крайней мѣрѣ, извѣстное мнѣ этнографическое бюро князя Тенишева почти съ каждою почтою обременяется до докучливости присылкою изъ разнообразныхъ мѣстностей именно этого „Сна“. Поразительно здѣсь то слѣпое довѣріе народныхъ массъ къ этому писанію, которое несомнѣнно основывается на заключительныхъ словахъ отъ имени самого Іисуса Христа:

„О, Мати моя возлюбленная, Марія Пресвятая Богородица! Во-истину глаголю Тебѣ, еще который человѣкъ сей сонъ спишетъ себѣ на память, или еще кто въ путь идетъ съ симъ писаніемъ, и путь ему даетъ Господь Богъ чистъ и корыстенъ и межъ людьми стоять умѣетъ и никакого слова противъ того человѣка никакой человѣкъ не промолвитъ на всякой часъ, и никакое желѣзо не можетъ взяти, ни пицаль, ни стрѣла, ни камень, ни древо, ни вражья сила“, и т. д. Понятно, что при такихъ льготахъ за малый трудъ списанія, или за дешевое средство покупки приобретеннаго, соблазнительно для всякаго вѣрнаго и боязливаго приобретеніе „Сна Богородицы“, чтобы, въ виду вѣроятныхъ бѣдъ и ожидаемыхъ опасностей держать его при себѣ. Полученный Отдѣленіемъ засаленный экземпляръ служить нагляднымъ доказательствомъ полного довѣрія къ цѣлебнымъ и спасительнымъ свойствамъ писанія. Здѣсь оно прозаическое, видимо приобретенное на Алтаѣ у тамошнихъ „семейныхъ“ раскольниковъ, но имѣются стихотворенія, полученные въ бюро кн. Тенишева, присланныя изъ Орлова и Смоленской губерніи, хотя текстъ обоихъ значительно уступаетъ тому, который удалось записать мнѣ на Бѣломъ морѣ. Въ сборникѣ Якушкина, въ который передалъ я всѣ пѣсенныя записки, сдѣланныя въ Архангельской губерніи, „Сонъ Богородицы“ тогдашняя цензура не пропустила.

Наиболѣе серьезное и существенное вниманіе останавливаютъ на себѣ нѣсколько десятковъ пѣсенъ, записанныхъ въ Сибири:—въ Сургутѣ, въ Бійскомъ округѣ, Томской губ. и въ селеніяхъ старожилыхъ сибирскихъ казаковъ. По поводу этого сборника можно было бы представить подробный докладъ вообще о сибирской пѣснѣ, но за недосугомъ приходится ограничиться нѣсколькими краткими замѣтками.

Судя по первымъ нагляднымъ впечатлѣніямъ русская пѣсня у замкнутого, сосредоточеннаго въ себѣ сытаго сибиряка совсѣмъ не въ почетѣ, и, какъ праздная бездѣлка въ виду серьезныхъ задачъ суровой природы, даже какъ будто бы въ загоутѣ. Сибирскій ямщикъ напримѣръ не поетъ ни добродушно, ни по заказу. Надъ старожилыми казаками новоселы подсмѣивались, увѣряя, что они, подобно инородцамъ, обходятся дешевыми импровизаціями, что видятъ передъ глазами, о томъ и поютъ, не залетая въ высь, разводить все объ одномъ и томъ же, размазываютъ.

Дальнѣйшія пристальныя наблюденія приводятъ къ тому выводу, что главнѣйшимъ образомъ Сибирь довольствуется пѣснями, привезенными изъ Россіи староселами и притомъ въ значительно измѣненномъ и даже искаженномъ видѣ. Въ этомъ убѣждаютъ не только просмотрѣнные сейчасъ сборники, но и тѣ, которые удалось мнѣ получить за Байкаломъ (въ Нерчинскѣ), изъ Томска и въ Тобольскѣ. Пѣсни переначены и перепутаны: начало попало въ конецъ, конецъ безсвязно и произвольно ищетъ мѣста въ серединѣ, и здѣсь не попадаетъ онъ въ смыслъ, ни даже въ размѣръ. Прямое тому доказательство можно найти и въ сборникѣ, полученномъ отдѣленіемъ изъ Сургута и особенно въ записяхъ казачьихъ пѣсенъ. Последнія записаны въ особенности дурно и къ тому же сложенные неладно, кажутся и некрасивыми и въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно бессмысленными; сплошь и рядомъ стихотворный размѣръ переходитъ въ безграмотную прозу. Вообще, размѣръ стиховъ не признается за важное дѣло и замѣчательно часто нарушается, какъ бы въ видимое свидѣтельство того, что сибирское ухо съ этой стороны стало туго. Большинство русскихъ пѣсенъ такъ искажено, что онѣ едва узнаваемы, подобно Ванькѣ ключнику, который попалъ въ Сибирь въ совершенно истрепанномъ видѣ. Между тѣмъ, весьма замѣтно поползновеніе заручиться своими пѣснями, но въ то же время очевидно, что творчество за Ураломъ если не изсякло, то, во всякомъ случаѣ, ослабло. Ограничиваются въ старыхъ русскихъ пѣсняхъ передѣлками въ видѣ вставокъ мѣстнаго колорита: вмѣсто рѣки Урала поется про батюшку Иртышъ, упоминается Байкалъ и т. под.

Только свадебныя пѣсни являются цѣльнѣе выдержанными, конечно, благодаря тому обстоятельству, что содержаніе находится въ зависимости отъ

обрядового ритуала и имъ направляется. За то тюремныя пѣсни сохранились не только въ той цѣлости, въ какой онѣ представляются въ Россіи, но и обогатились вариантами и значительнымъ придаткомъ новыхъ пѣсень. Между таковыми въ настоящихъ сборникахъ выдается сочиненная, на гнижный ладъ, „Сидѣлъ за рѣшеткой орелъ молодой“, имѣющая вариантъ, стало быть, пѣсня ходовая и новая, во всякомъ случаѣ, сверхъ тѣхъ, которыя привелось мнѣ въ значительномъ числѣ помѣстить въ I-мъ сочиненіи моего „Сибирь и каторга“. Въ тюрьмы, какъ извѣстно, дѣлали вклады не только самородки въ видѣ купеческаго сына Мокѣева, малороссійскаго разбойника Кармелюка и волжскаго Гусева, но и настоящіе поэты вроде декабриста князя А. И. Одоевскаго. Когда товарищамъ его построили для каторжныхъ работъ ручную мельницу, Одоевскій приладилъ пѣсню: „Ты мелись мучица“, совершенно нецензурную, которая и распѣвалась на дешевый мотивъ извѣстной: „Во саду ли въ огородѣ дѣвица гуляла“. Къ Одоевскому присоединился другой товарищъ Михаилъ Алексѣевичъ Бестужевъ съ тремя своими, менѣе удачными, пѣсенками.

Двѣ пѣсни этого же случайнаго сборника останавливаютъ вниманіе стремленіемъ своимъ къ юмору и насмѣшкѣ въ доказательство того, что подобная склонность не только не чужда сибирякамъ, но даже не въ меньшей степени, любезна имъ.

Одна, совершенно мѣстная, обличаетъ какого-то засѣдателя Петрова, который риги раскрывалъ, полтаны собиралъ.

Старшина то былъ Сизинцевъ,

Дожидался онъ гостинцевъ, —

Никто не несетъ.

Если оставить въ сторонѣ эти домашніе счеты, равносильные тѣмъ, какими рассчитывались на Вѣломъ морѣ со своими ближайшими властями и какіе записаны мною и напечатаны въ сборникѣ пѣсень Якушкина, — мы имѣемъ предъ собою еще одну подобнаго же доморощеннаго юмористическаго склада. Въ ней замѣчается явное стремленіе къ насмѣшливымъ прозвищамъ ближайшихъ сосѣдей, въ такомъ родѣ:

Басъ перебасъ у семи дѣвокъ дубасъ,

Необрубленный подолъ, необшитый воротокъ.

До Нарыму мы шли — свой запасъ несли,

Мы до рубежу сходили, полкопна сѣна скормили,

Что таловые колья — то Молчановски,

Сыромятныя ушки, — то Никольски мужички

Одноухи треухи, то Жаршовски мужички

Одноклинныя зипуны, то Трубочевски

Толстопятые ребята, то Кожевниковски
Воры на голо, то Уртамски удалцы,
Часто говорятъ, то Десятовски и т. д.

Эта пѣсня однородна съ той, которая подслушана въ Шадринскѣ и напечатана была въ Пермскомъ сборникѣ. Обѣ онѣ указываютъ на прямой источникъ происхожденія народныхъ насмѣшливыхъ присловій. Вся пѣсня въ цѣльномъ видѣ забывалась; оставались въ памяти наиболѣе удачныя и характерныя эпитеты, которые, какъ брань и укоръ и повисали, какъ говорится, на вороту, и ушли въ потомство. Такъ, между прочимъ, несомнѣнно случилось въ Великороссіи, гдѣ бурлацкая пѣсня въ Поволжьѣ оставила свои слѣды лишь именно въ этихъ присловьяхъ про спопутные города, въ родѣ: Ярославль — городокъ, Москва уголокъ, городъ Кострома гулявая сторона, Кинешма да Рѣшма кутить да мутить, а Солдога Арменки убытки платить; городъ Нижній — сосѣдъ Москвы ближній, семь день идемъ — Симбирскъ видимъ (на очень высокой горѣ), и т. д. Подобныя же пѣсенные осколки сохранились на старой Двинѣ, на томъ пути, который велъ изъ Москвы черезъ Вологду до Архангельска.

Событіе середины текущаго столѣтія высокой государственной важности, каково пріобрѣтеніе Амура, вызвало также юмористическое настроеніе въ сибирякахъ, недовольныхъ новыми пришельцами и готовно высказавшихся въ цѣломъ рядѣ пѣсенныхъ протестовъ. Неудачи сплавовъ по рѣкамъ, торопавшыя распоряженія съ насиліемъ, и вообще неумѣльные приемы при переселеніяхъ и принудительное водвореніе казаковъ и крестьянъ на новыхъ земляхъ породили даже цѣлую литературу.

Отъ припѣвковъ вродѣ —

Какъ по Шилѣ, по паршивой

Плыветъ Поритовъ плѣшивый, —

приспособленныхъ по великорусскому обычаю при вбиваніи свай копрами, добравшись до личныхъ характеристикъ амурскихъ дѣятелей по образцу, указанному гр. Толстымъ въ извѣстной севаستопольской пѣснѣ. Тѣмъ не менѣе въ ряду этихъ умѣло сложенныхъ сатирическихъ стихотвореній попадаются и чисто народныя пѣсни, создавшіяся въ казачьей средѣ и описывающія печальное положеніе этихъ невольныхъ высленцевъ изъ Забайкалья на берега тогда неизвѣстнаго и негостепріимнаго Амура. Такова, напримѣръ, слѣдуетъ пѣсня:

Какъ отъ Шилки по Амуру

Великія версты

Ужъ какъ были эти версты,

Сперли у рукъ персты.

До Кизева доплывали,
Ко бережку приставали,
На прикрутомъ бережкѣ
Выросло древо,
Выросло это древо—берозонька бѣла.
Какъ на той ли на березѣ
Сидитъ птица пана,
Кричитъ „запропала!“
Забайкальскіе казаки а гдѣ ваши кони?
Наши кони въ Сибирѣ ходять да гуляють.
Забайкальскіе казаки, а гдѣ съ коней сбруя!
Съ коней сбруя поломалась—въ Амурѣ оказалась.
Кто на Амурѣ не былъ и т. д.

С. В. Максимовъ.

ОТДѢЛЪ II.

Марипчельская крестьянская свадьба.

(Бытовой очеркъ).

Бѣславъ, Бѣжа!
Бѣжинна!
Свадьбу играти,
Бѣжинька!
Зачинати, Бѣжинька!
Свадебная пѣсня.

Мѣстная жизнь въ отношеніи къ свадебному вопросу.

Отъ породы не въ воду,
Отъ обѣчая не прочь.
Поговорка.

У насъ, въ Марипчельскахъ ¹⁾, живутъ по старинѣ, какъ дѣды «навчѣли» ²⁾. А дѣды учили перво-на-перво почитать родителей; кто родителей не почитаетъ, тотъ и Бога не боится,—не добрый, худой тотъ человѣкъ.—Родительская воля надо всѣмъ въ дому: до сѣна пороха, до маковаго зернушка. «Пойти-ли», поѣхать-ли куда, «нарядить-ли» ³⁾ кого на работу—на все Божье благословеніе да родительское позволеніе.—Выдать дочку замужъ, женить-ли сына—все это воля родителей. Ихъ дѣло позаботиться о томъ, какъ-бы свершить законъ надъ дѣтми. На рѣдкость, кто въ этомъ положится на дѣтей, на ребячій разумъ. За это и «сусѣди» дуракомъ назовутъ, потому «молодой умокъ, что весенній ледокъ»—сейчасъ обманетъ, да и сами дѣти не дадутъ спасибо, «калі» ⁴⁾ по родительскому мягкосердію попадутъ въ ошибку.

Поэтому-то, какъ только дѣвка начнетъ подыматься, подбираться подъ невѣсту, родители уже подумываютъ, куда-бъ ее пристроить въ хорошее мѣстечко. А хорошее мѣстечко будетъ тамъ, гдѣ не велика семейка, куда сватаютъ дѣвку; въдъ ей, молодухѣ, нужно будетъ на каждаго въ чужой семьѣ уладить, угодить. Вызаетъ, отдають замужъ и въ большую семью; но тогда выбираютъ семью, извѣстную своей смирнотой, чтобъ не гораздъ затирали дѣвку.—Однако, родители невѣсты смотрятъ не на семью только, а и на жениха. Надо, что-бъ парень онъ былъ здоровый, рабочій да заботливый, не мотъ, не воръ и не пьяница.

Ну, а «калі» найдется мѣсто подходящее да женихъ стѣющій, такъ чего-жъ и не отдать дѣвки замужъ.—Впрочемъ, въ деревнѣ рано не выдадутъ дѣвки замужъ;

¹⁾ Марипчелки—приходъ и погостъ Великолуцкаго уѣзда, Псковской губерніи.

²⁾ научили. ³⁾ назначить. ⁴⁾ «калі» (коли)—если, когда.

дадутъ ей погулять, чтобъ было ей чѣмъ послѣ вспомнить свою дѣвичью молодость; дадутъ вобраться въ силу, чтобъ въ снохѣ была ей нелегкая доля замужняя. Развѣ ужъ семеро кругомъ обсохло, «одинъ съ сошкой, а семеро съ ложкой», тогда только родительская жалость уступаетъ мѣсто угрюмой нуждѣ,—приходится безъ поры, безъ вѣселя отпущать въ чужіе добрые людюшки свое ненаглядное дѣтище, свою старшую дочку любимую.

Но если дѣвка на порѣ, взошла на такую степень, что называется «въ соку», то ее не будутъ лишній годъ держать дома. Еще хлопотъ наберешься! Дѣло молодое: кровь-то кипучая; долге-ль до грѣха?—А весной гулянки по полямъ, по свѣжей озими; лѣтомъ въ лѣсъ за орѣшками ходятъ парни вѣстѣ съ дѣвками. И какъ хорошо бываетъ тамъ, въ лѣсочкѣ, подъ орѣховымъ кусточкомъ, подъ малиновымъ листочкомъ, гдѣ солнце не печетъ, много поту не течетъ!—А тутъ еще «съ нынѣ-до-вѣку», ведется обычай «объ праздникахъ на гулянкахъ» спать мальчикамъ съ дѣвками и просто обычай ходить мальцу весной и лѣтомъ, когда зорька съ зорькой стискаются, спать, ночку коротать съ своей любимкой, красной дѣвушкой. Дѣлается это больше «тихохатно», а иной разъ и съ вѣдома родителей, тогда малецъ ходитъ къ дѣвкѣ спать и зимой. Хотъ и говорить молодежь, что спитъ она «по совѣсти», а бывають таки грѣшки. Да и какъ не быть? Привинь огонь къ солому, по-неволѣ солома загорится.

Ну, а извѣстное дѣло, «какъ тують, такъ и дѣтѣтъ». Послѣ-жъ этого куда дѣвка годится? Ни курь, ни баранъ; ни въ дѣвкахъ, ни замужемъ.—Пусть-бы еще родился ребенокъ да и все тебѣ тутъ; кажется, ужъ полно и этого несчастья. Такъ нѣтъ! Одна бѣда не ходитъ, а всегда съ ней двѣ да три бѣды въ товаришкахъ. Самое-жъ лихо въ томъ, что за дѣвку съ ребенкомъ хорошій женихъ не посватается: не захочетъ взять женку съ худой славой; а за непутѣваго отдавать ее жалковато: вѣкъ свой будетъ кулакомъ слезы утирать. А то бываетъ рѣдко, чтобъ злодѣй самъ покрылъ свой грѣхъ, а дѣвчій стыдъ вѣнцомъ; все больше достается ей бѣдной одной горе мыкать и плакаться вѣкъ вѣчный на своего лиходѣя. Ахъ, не дай Богъ этого горя-злосчастья дѣвчѣ, красавицѣ! Пусть лучше скорѣе она выходитъ замужъ! Пусть скорѣе за нее посватается ей милый, за котораго, можетъ быть, ей суждено выйти.

А хорошо съ милымъ жить! Послушайте, какъ поетъ про это дѣвушка, бѣлая лебедушка, чѣсана головушка:

Дарѣвни ать дарѣвни
Не падаличку ¹⁾ стайтъ
Прѣмнѣжъ ²⁾ рѣчка бѣжитъ.
На той ли на рѣчки
Нѣту лавинки ³⁾,
Пирякладники.
Только есть на той рѣчки
Адна ⁴⁾ жордычка.
Яна ⁵⁾ тѣнинька,

Суха, яловинька ⁶⁾;
Яна гнѣца ⁷⁾, гибѣнца
И на лѣмца.
Харашо съ милымъ жити
Жйсьтъ ⁸⁾ не стѣсьница ⁹⁾;
Хышь ¹⁰⁾ и стѣсьнимся,
Разгарюнимся,
Придѣтъ вѣмничка—пара,
Пацалѣнимся.

Да, хорошо живется съ милымъ! Недаромъ сложилась на Руси пословица, что «милые бранятся, только тѣшатся».

А милый у сударушки-дѣвушки рослый да здоровый: кровь съ молокомъ, веселый, какъ ясный «междоновый» ¹¹⁾ денекъ, смѣлый и умѣлый. Ну, а иной прилюбится

¹⁾ не подалеку, близко. ²⁾ «прѣмнѣжъ»=между. ³⁾ «лавинка»=кладочка черезъ рѣчку. ⁴⁾ «адна» и «анна»=одна отъ сл. одинъ. ⁵⁾ «яна»=она. ⁶⁾ «яловинька» (еловенька)=еловой отъ сл. ель. ⁷⁾ Во 2 и 3 л. ед. числа и во 2 л. мн. числа буква е всегда произно сится какъ ѣ и иногда какъ ё. ⁸⁾ «жйсьтъ»=жизнь ⁹⁾ «тѣсьница»=тошнить ¹⁰⁾ «хышь»=хотя. ¹¹⁾ «междоновый»=самый хорошій; «междоный»=страда, время полевыхъ работъ; тогда стоятъ лучшіе лѣтніе дни.

и Богъ его вѣдаетъ за что: ни съ того, ни съ сего, такъ, зря, а разъ не разлюбить, будто и вѣкъ его любила, еще раньше, чѣмъ родилась. И ни за что-бъ она не пошла съ доброй воли за немилаго, за постылаго, хоть-бы волкомъ пришлось ей быть съ голоду. Лучше, думается ей, голову въ петлю, а нѣтъ въ воду, чѣмъ жить за какими-нибудь ѳвальнемъ или рохлей, котораго всѣ дѣвки просмѣяли, съ которыми стыдно на улицу показаться. А тутъ того и гляди, подсвѣтается «мозгль» — богатъ и отдастъ тятка за него безъ разговоровъ; подумаетъ, что «помочь» будетъ ему отъ богача, хоть родители сплошь да рядомъ и ошибаются въ этомъ.

Какъ вспанетъ на умъ красавицъ про эту грозную бѣду, про это свое горькое несчастіе, занеетъ и защемятъ ея ретивое сердечко и просится съ языка ея тоскливая пѣсенка про горемычное житье-бытье за богатымъ, за нелюбымъ мужемъ:

Не па мѣрюшку-ль сѣра ѳтипа пливѣтъ?
Не па берижку-ль мать радѣмая идѣтъ?
Ты падѣ, падѣ, мать радѣмая маѣ,
И расправѣдай-ка разныщасную мяня:
Какъ я, горькая, у чужихъ людѣхъ ¹⁾ живу;
Не па плисѣ, не па бархату хажѣ,
Черезъ зѣлата гарячѣмъ слязѣмъ ильѣ ²⁾.

Иной разъ изъ-за этихъ копѣечныхъ расчетовъ, когда прижметъ нужда, родитель отдастъ свою дочку милую, свое дорогое зѣрнышко, ненасытный глазокъ за старѣва, за сѣдѣва старика.

Ахъ, если бъ она могла разжалобить родителей, если-бъ они послушали ее, она спѣла-бъ имъ про это замужѣе пѣсенку:

Черный вѣрныѣ воду пѣлъ;
Хышъ пѣлъ, не пѣлъ, вазмутѣлъ;
Вазмутѣвши, палатѣлъ;
Енѣ ³⁾, лятѣвши, гаварѣлъ:
«Захатѣла минѣ ⁴⁾ мать

За старѣва замужѣ аддѣтъ;
А я старѣва не любѣю,
Са старѣмъ гулдѣтъ ня идѣ,
Ня идѣ, не слѣшѣю!»

Но что пѣтъ? Хоть и не весело родителямъ смотрѣть на дочкины слезы: горячимъ оловомъ падаютъ онѣ на душу, а все-таки поставятъ на своемъ: хощь, не хощь, а замужѣ пойдешь; отдадутъ и за немилаго, а то вѣдь всей семьѣ прямо надо въ гробъ ложиться да помирать съ голоду.

Ахъ, если-бъ знали они да вѣдали, что въ это время дѣется въ дѣвичьемъ сердечушкѣ. Не свадьба тутъ, а похороны! И грѣха-то, грѣха при этомъ сколько бываетъ!... Помнится, разъ вотъ этакъ-то «силѣмъ» ⁵⁾ выдавали замужѣ. Такъ батѣка невѣсты и ея старшій братъ нарочно прѣхали въ церковь, чтобы она не отказалась подъ вѣнцомъ отъ жениха. Пронащая, худая это жизнь, «калѣ» живо только тѣло, а душа убита! Говорятъ на это: «стерпится, слюбится». Да полно: слюбится-ль? А если и «слюбится», то дожидай, когда; а каково терпѣть то? «Крѣпкодушная», пожалуй, еще отстоитъ себя отъ этой горькой доли, а «тихонрдвную» не рѣдкость, что выдаютъ замужѣ боемъ, пиленьемъ, да журеньемъ.

Родительская воля руководится прежде всего своеобразной жалостью. Родители выбираютъ на свой глазъ мѣстечко получше (потому что «молодо велено, а старого воробѣя на мякинѣ не проведешь») и отдаютъ дѣвушку замужѣ, не справляясь съ ея сердцемъ. — А иной разъ, какъ въ окошко стучитъ нужда, руководятся они просто денежнымъ расчетомъ для себя, наибольшей пользой отъ того или другого выхода ихъ дочки замужѣ.

Не воленъ въ женитѣбѣ и парень. Когда жениться—то не его дѣло. «Нада» ⁶⁾ баба по хозяйству и женятъ матка съ батѣкой сына. Надо, что-бъ малецъ больше дома сидѣлъ, не загуливался-бы въ праздничныхъ, и привязываютъ ему дрѣги—женку; все,

¹⁾ «у людѣхъ» вм. у людей. ²⁾ «ильѣ» вм. лью. ³⁾ енѣ=онѣ. ⁴⁾ мяня.

⁵⁾ «силѣмъ»=насилъно. ⁶⁾ «нада»=нужна.

женившись, будетъ больше въ домъ смотрѣть, а не изъ дому. Да и мало-ль еще какія притчи и причины «сыграть свадьбу»? ¹⁾.

А кого брать парню замужъ—это опять-таки знать мамкѣ съ тяткой; они сами выберутъ ему невесту. Да развѣ и можно въ этомъ дѣлѣ положиться на мальчика? Известно, дѣло молодое—неразсудливое; слюбится, свыкнется съ какой-нибудь съ «пригожей» ²⁾ да съ «негоджей» ³⁾. А что съ безпрокой, будь она и красива, какъ писаная? Не воду съ ея лица пить, не лизать его; хоть-бы и «бабушки сдѣлали» ⁴⁾ его всего, какъ будто горохъ на немъ молотили, хоть и корявая, ничего—сойдетъ. Главное надо смотрѣть, что-бы была она баба ловкая: «умѣла-бы около печки ходить» ⁵⁾ и мужа обихать и обихать; что-бы и женка она ему была настоящая, надолго бы ее хватило; что-бы были «въ сутѣрьцѣ» ⁶⁾ ей и ребята и крестьянская работа.

Замужешъ-то здоровѣтъ гораздо некогда; знай, поворачивайся; не даромъ и поговорка молвится при работѣ: «пошевѣливайся! замужешъ не въ дѣвкахъ»! А въ крестьянствѣ работа больше все черная да тяжелая. Тутъ надо въ женки выбирать безпримѣнно дѣвку здоровую, какая изъ себя «побалѣхнѣй» ⁷⁾, посправнѣй ⁸⁾. Ну, иная хоть бываетъ и «невелѣчка» ⁹⁾ да въ кучкѣ, плотненька этакъ собой; это то-же ничего, не худо. Первое дѣло—надо глядѣть, чтобъ дѣвка была костью роскошна, обширна, собой просторна. У иной-то рука какъ у «мужички»; этакая больше вытерпитъ. Да и подъ старость хоть и станеть она съ лица «несуразна» ¹⁰⁾, а все-таки будетъ «постановна» ¹¹⁾, видна изъ себя.

Разумѣется, надо смотрѣть еще, что-бы дѣвка была смиренная, не рогатка какаянибудь. Тутъ лучше всего брать не съ вѣтру или по наслышкѣ (потому «мирская молва, что морская волна», кто что ни кинетъ, все несетъ), а по знакомству да по породѣ глядя. А и то «зѣрынь» ¹²⁾ ничего не угадаешь; хоть въ оба смотри, ничего не увидишь. Вѣдь и все стараешься, какъ лучше; а иной разъ попадетъ такая добрая щетинка, такая выдра, что всѣмъ въ семьѣ, и старикамъ, глаза новыцарапаетъ. Пойдутъ тутъ изъ-за бабъ ссоры да перекоры (вездѣ вѣчно изъ-за бабъ бѣды-то загораются), а тамъ дѣльба. А дѣльба до добра не доводитъ. Если семейство не гораздо богатое, такъ раздѣлятся и ни у кого ни кола, ни двора; у каждаго такой домокъ, что не надо и замокъ. Нѣтъ, не дай Богъ непокладливой, неладистой невестки въ домъ! Вотъ и поэтому часто родители захватываютъ въ свои руки выборъ невесты сыну.

Но не всегда сынъ сдается на полную родительскую волю. Ино ¹³⁾ бываетъ, вопреку парень за свою зореньку ясную, дѣвицу красную, такъ ничего съ нимъ не по-дѣлаешь, упрямѣй вола; ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. И думалъ батька взять другую, да не приходится; видно, не судьба. Помнится, пожимется, поморщится батька да и «засылаетъ сватовъ» къ дѣвкѣ, какую «облюбилъ» самъ малецъ; виднѣтъ, что сколько съ нимъ ни бейся, а толку не бываетъ. Ну, а иной парень выдастся смирной да тихой такой: какъ хошь, такъ его и гнешь, ни въ чемъ не выходитъ изъ родительской воли. Тогда родители столковавшись напередъ съ собой, когда «играть свадьбу», «засылаютъ сватовъ», если есть на примѣтѣ дѣвка, подходящая по всѣмъ статьямъ. А такихъ, на случай отказа, намѣчается нѣсколько.

Сватовство.

«Въ свѣты» ¹⁴⁾ ѣдетъ кто-нибудь изъ семьи либо «породы» ¹⁵⁾, а то и просто со-сѣдъ. Дѣлается это безъ всякаго шума. Да и съ чего тутъ въ колокола звонить? От-

¹⁾ «сыграть свадьбу»=отправить, отпировать свадьбу. ²⁾ «пригожий»=красивый. ³⁾ «негоджий»=негодный. ⁴⁾ «бабушки сдѣлали или склевали»=побить оспой; «бабушки»=оспа. ⁵⁾ «умѣть около печки ходить»=умѣть стряпать. ⁶⁾ «въ сутѣрьцѣ»=въ свѣтѣ, подъ силу. ⁷⁾ «побалѣхнѣй»=подороднѣй. ⁸⁾ «посправнѣй»=поисправнѣй, по-здоровѣй. ⁹⁾ «невелѣчкѣй»=небольшой, маленькій. ¹⁰⁾ «несуразный»=некрасивый. ¹¹⁾ «постановный»=статный, стройный. ¹²⁾ «зѣрынь»=заранѣе. ¹³⁾ «ино»=иногда. ¹⁴⁾ «въ свѣты» (ѣхать)=сватать (ѣхать). ¹⁵⁾ «порода» и «родъ»=родня.

кажутъ еще такъ стыднѣй будетъ.—Зачастую свать даже и не на лошади, а прямо пѣшкомъ, на своихъ на двоихъ, отправляется «въ свѣты» и въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ около домашней работы ходитъ; уже много-много, если онъ одѣнетъ кафтанъ почище да запрячетъ лошаденку въ сани.

Понятно, «по Сенькѣ» подбирается шанка, по барину говядина»; за богатаго жениха свать ѣдетъ къ богатой невѣстѣ, а за бѣднаго къ такой и ѣдетъ. «Начѣтнѣй» ¹⁾ будетъ дѣло, а то еще стыда нахлебавшись, какъ «богачовка»-то откажетъ.—Индѣ и бѣднякъ сватаетъ богачку да не «съ бѣхта—барѣхта» ²⁾, а по «наказу» да по «приказу», это особая статья. Бываетъ-же это особаго рода дѣло тогда, когда родители невѣсты гораздъ уже понравится парень—голышъ за смироту аль за порядчивость по хозяйству да и дѣвка отъ него не прочь. Вотъ и «накажутъ» они жениху потихоньку (а то еще скажутъ, что набивались невѣстой), что-бъ пріѣзжалъ въ свѣты: «приказано, молъ; отдадутъ».—А то просто дѣвка слюбится съ бѣднякомъ, водой не разольешь. Ну, и пожалуютъ ее родители, вздумаютъ огдать за него (потому иной «хоть не богать, да тароватъ»), а дѣвка и шепчетъ кому-нибудь. что-бъ желанный не зваль, пріѣзжалъ-бы скорѣй въ свѣты.—А коли родители гораздъ «заартачатся», такъ молодые, бываетъ и «тихонько» повѣнчаются. Да, бываетъ и это». Извѣстное дѣло, «что кому рѣшитъ» ³⁾, тотъ то и купитъ». Впрочемъ, свадьбы «тихонько» у насъ не въ обычаѣ, рѣдкость. Всѣ почти женятся, какъ дѣдами заведено; бываетъ и сватовство, и рукобитье, и вечеринка, соблюдаются и другіе свадебные чины. Все законнымъ порядкомъ, по Божьему, какъ тому и слѣдуетъ быть. Такъ вотъ о сватовствѣ рѣчь.

Пріѣдетъ это свать къ невѣстиннымъ родителямъ и дѣлаетъ все по обычаю. Войдетъ въ избу, спервоначалу помолится «образамъ», потомъ поклонится всѣмъ и «поздравствуется», скажетъ: «здорово вамъ» или «здрѣстуйти вамъ». Пройдетъ немного впередъ и «поздравствуется» рука въ руку съ хозяиномъ («здорово свать, Михѣй! а либо тамъ: кумъ, Гришка!») и съ другими мужичками въ семействѣ, что постарше. А тутъ его просятъ проходить и садиться.

— «Ну што, сватокъ, ходишь?» спроситъ его хозяйнѣ; видитъ, что не такъ, не сирѣсту человекъ пришель.

— «Да за малинѣмъ дѣльцымъ» отвѣчаетъ гость. «Видишь ты, индѣ ⁴⁾ дѣло-то какое выходитъ. У тебѣ ⁵⁾, сватокъ, примѣрно есть бярѣза, а у насъ дубъ; не стѣли, сватокъ, ихъ умѣста ⁶⁾ случать ⁷⁾?! Небось ⁸⁾ вѣдаешь, пра што талкѣю?»

— «Какъ-же, сватокъ, какъ-же! Дѣло бывалое, стрѣляная варона!» говорятъ хозяйнѣ. «Чяво-жъ, яно мѣжна. Дѣвка, пожалуй што, на той стѣти. А кулы-жъ ѣта ⁹⁾ бѣдитъ, сватокъ, да за каво? Самъ знаишь, па мѣсту да па чилавѣку глядя; нѣхто свайму дѣтишу не вракъ» ¹⁰⁾.

Ну тутъ пойдутъ спросы да разспросы, тары да бары, сѣды да пересѣды. И коли дѣло не подходящее, батька невѣсты говоритъ:

— «Нѣ, сватокъ, нѣничи ¹¹⁾ не думаю аддавать дачкѣ ¹²⁾ замужъ. Пажжо ¹³⁾ ящѣ гадокъ; не малина, не апанитъ; да ящѣ и рябѣнѣмъ янѣ савсѣмъ, маласильна. А въ чужихъ людѣхъ не дома, всѣка бываитъ: «часомъ съ квасомъ, парѣй съ вазой». Призваца табѣ ¹⁴⁾, и самѣ-та мѣ дѣвка пакѣдыва ¹⁵⁾ што гараздъ ¹⁶⁾ надѣбы ¹⁷⁾ по хазѣйству. Меньшѣха ¹⁸⁾ накулъ ¹⁹⁾—плахая работница: не подтянула щи ²⁰⁾, не порасправила, тольки ²¹⁾ што тольки стала съ сярѣпомъ на ниву валайца; вся тутъ и помѣга, а работи хмышъ парься. Што-жъ, сватокъ, не прагнѣвайся, не абессѣдъ ²²⁾ насъ, пажжалыста! Жавиха

¹⁾ «начѣтнѣй»=надежный. ²⁾ «съ бѣхта—барѣхта»=наобумъ, слуру. ³⁾ «рѣшитъ»=не давать покоя, безпрестанно озабочивать. ⁴⁾ «яно»=оно. ⁵⁾ «у тебѣ»=у тебя. ⁶⁾ «умѣста»=вмѣсто. ⁷⁾ «случать»=соединять. ⁸⁾ «небось»=пожалуй, вѣдь. ⁹⁾ «ѣта»=это. ¹⁰⁾ «не вракъ»=не врагъ. ¹¹⁾ «нѣничи»=въ этотъ годъ. ¹²⁾ «аддавать дачкѣ»=вж. отдавать дочки, т. е. дательный падежъ вж. родит. ¹³⁾ «пажжо»=подожду; «ажжѣтъ»=ждать. ¹⁴⁾ «табѣ»=тебѣ. ¹⁵⁾ «пакѣдыва»=пока. ¹⁶⁾ «гораздъ»=очень. ¹⁷⁾ «надѣбы»=надо, нужно. ¹⁸⁾ «меньшѣха»=младшая дочка. ¹⁹⁾ «накулъ»=пока. ²⁰⁾ «щи»=еще. ²¹⁾ «тольки»=только. ²²⁾ «не абессѣдъ»=не осуди, извини.

и мѣсто мы не грёбывимъ ¹⁾, а аддѣть никакъ нельзя. Пайщи ²⁾ сабѣ ³⁾ въ другіимъ мѣсти; въ міри, сватѣчкѣ. што въ міри, всяво найдешъ, а ётыва дабра ракомъ до Масквы не пирастѣвшимъ». Или другую какую отговорку скажетъ невѣстинъ батька и пошелъ сватъ—«долгой задъ»—не солено хлебавши.

А когда толкуютъ, всё—и сватъ и родители невѣсты—сидятъ вмѣстѣ и, обыкновенно, на лѣвой лавкѣ. Невѣста-жъ, какъ только смекнетъ, въ чемъ дѣло, драдо изъ избы вонъ (такъ ужъ водится) да и «совѣсно» ⁴⁾ и жутко ей станетъ сидѣть да слушать, какъ про нее будутъ судить и рѣдить, ея судьбу рѣшать.

Если-жъ дѣло сладится, сватъ и родители невѣсты встаютъ съ лавки, «затопаютъ» свѣчку «передъ богами» и молятся, чтобы далъ Богъ дѣлу «добрый часъ».

Значить засвадибилось. Въ этотъ разъ, однако, не бываетъ никакого угощенія: ни отъ свата, ни отъ родителей невѣсты. Теперь-же уговариваются и о томъ, когда «дѣлать рукобитье». Назначается особый день, что-бъ хозяинка могла «народно прибрѣться» къ этому случаю, хорошенько угостить своихъ сватѣвъ, а невѣста успѣла-бъ приготовить «дары» жениху. Ну, словомъ, свадьба заводится не на шутку.

Рукобитье.

На «рукобитье» ѣдетъ къ невѣстѣ не одинъ прежній сватъ, а съ нимъ еще жениховъ батька (свѣкоръ), а нѣтъ батьки, такъ старшій братъ жениха. Ёдутъ «сватѣ» за такимъ дѣломъ со звонкомъ и съ полведромъ водки въ саняхъ. Приѣдутъ это они и, какъ совсѣмъ уговорятся, начинаютъ «дѣлать рукобитье».

Свѣчка передъ «образами» уже горитъ. «Сватѣ» и невѣстины родители опять садятся всё на одну лѣвую лавку. Тутъ жениховъ батька одѣваетъ на правую руку «рукавичину» ⁵⁾, невѣстинъ тятка дѣлаетъ то-же самое. Потомъ встаютъ они и берутъ каждый въ руку «съ рукавичиной» полу своей одежды: шубы или кафтана—и хлопаютъ одинъ другого по рукѣ, приговаривая:

— «Такъ аддаешъ, сватѣкъ, дочку-то?»

— «Аддаѣ, братицъ, за тваѣва сынка са всѣмъ наймъ радѣньимъ».

— «Ну, давай Богъ всево дѣбрыва!»

И тутъ то одинъ сверху «клѣснить» ⁶⁾, то «другей» ⁷⁾. А послѣ этого всё молятся Богу, чтобы далъ Богъ «все во святѣй ⁸⁾ часъ», и «сватѣ» перецѣлуются съ родителями невѣсты. Самой же невѣсты, какъ и при сватовствѣ, обычно въ избѣ нѣтъ. Теперь ужъ дѣло рѣшеное, не рунится; все кончено: и руки побиты и Богу помолились. Правда, бываетъ то оно, что и послѣ этого разыгрывается свадьба, да рѣдко: за безчестье считается.

Теперь ужъ «сватѣ» какъ свои люди, какъ у себя дома; раздѣваются и прямо къ столу. Хозяйка тутъ изъ печи тащить «пригѣхи» ⁹⁾, что «поналѣжены» ¹⁰⁾ для дорогихъ гостей; а сваты достаютъ водку и подносятъ всѣмъ присутствующимъ «по стаканчику». Посылаютъ здѣсь за сосѣдами въ деревню «въ стѣлу» ¹¹⁾, а нѣкоторые и сами приходятъ, безъ зѣву, какъ узнаютъ, что у сосѣда «рукобитье». И мужики тутъ, и бабы, и даже ребятишки; званыхъ и не званыхъ полная изба. Всѣхъ подчуютъ водкой, а кто пьетъ, напередъ приговариваетъ:

— «Пощасты ¹²⁾ имъ Богъ! Давай Богъ пажить да дабра пажить! На любовь, ва савѣтъ, на долгій вѣкъ! Бѣдѣти здарѣвы!» и выпиваетъ.

¹⁾ «грёбывать»=пренебрегать, за худое считать. ²⁾ «пайщи»=поищи. ³⁾ «сабѣ»=себѣ. ⁴⁾ «совѣсно» = стыдно. ⁵⁾ «народно прибрѣться» = нарочно подготовиться. ⁶⁾ «дары»=подарки. ⁷⁾ «рукавичина»=рукавица. ⁸⁾ «клѣснуть»=приударить, прихлопнуть. ⁹⁾ «другей»=другой. ¹⁰⁾ «святѣй» = святой. ¹¹⁾ «пригѣха» = кушанье. ¹²⁾ «поналѣдить»=понаготовить. ¹³⁾ «къ стѣлу»=къ обѣду. ¹⁴⁾ «пашастыть»=посчастливить.

А ему говорятъ «сваты»: «пей на здоровье!» Обѣдъ кончается.

Послѣ «остатняго» ¹⁾ блюда «сватѣя» (мать невесты) собираетъ въ «чашу» ²⁾ «дары» жениху отъ невесты. Кладетъ въ чашку десятокъ яицъ (это ужъ непремѣнно), полотенце, поясъ, «исподки» ³⁾ и кое-что другое; подноситъ «дары» свекру и говоритъ: «вотъ табѣ, сватѣчнкѣ!» ⁴⁾ Я кладу дары пласткомъ ⁵⁾, а ты мнѣ клади кресткомъ! Тогда свать (батка жениха) вынимаетъ «гребѣнку» ⁶⁾ и кладетъ денегъ, сколько можеть, бумажка на бумажку «прѣти» ⁷⁾ даровъ нявѣсты.

Отдариваєтъ свать (свекоръ) и говоритъ невестиному батькѣ: «а ты, сватѣчнкѣ, покажь-ка ⁸⁾ нявѣсту! Не кривую-ль, не спякую-ль мнѣ даѣти? Сейчасъ посылають за невестой и входитъ она въ избу, разряженная по праздничному (товаръ то лицомъ показатъ!). Встанетъ свекоръ и низко поклонится ей и она отдастъ поклонъ свекру, потомъ они поцѣлуются. За этимъ свекоръ наливаетъ ставанъ водки, кидаетъ туда серебра «за поглядное» и подаетъ невестѣ. Та «поздравствуется» съ нимъ, молвитъ: «будь здоровъ!» и выпиваетъ вино, а деньги беретъ себѣ.

Ну, тутъ скорѣй «сваты» шапку въ охапку да за порогъ. А невеста, какъ только выпьетъ, и заголоситъ (такъ ужъ принято). Матка и вся бабья «порѣда» невесты идутъ къ сторонкѣ, къ кровати, и то-же плачутъ: кто сидя, кто стоя; плачутъ и по-стороннія бабы и подруги невесты. Сейчасъ тутъ закричатъ: «варьньсь!» ⁹⁾ варьньсь, сватокъ! вайми ¹⁰⁾ нявѣсту! Свать ворочается и даетъ невестѣ денегъ въ «пѣстку» ¹¹⁾; та замолкаетъ на немного и свать уходитъ уже на этотъ разъ совсѣмъ.

Но только свать за порогъ, невеста опять принимается голосить. Тутъ дѣвки водятъ ее къ батькѣ, маткѣ, къ брату, сестрѣ и къ другой «порѣдѣ», кто на лицо. А невеста все плачетъ и причитаетъ, къ кому ее ни подведутъ. Подведутъ ее къ батькѣ и заплачетъ, заголоситъ она:

«Карьмѣлицѣ мой, батюшка!
Бѣтта ¹²⁾ я табѣ надаскучила!
Абвизалъ ты маю галѣвшку
Бизъ поры, бизъ врѣмички;
Минѣца вся маю гульба и вѣлюшка!
Не забѣдь мянѣ, гѣрку гарѣшиньку,
Какъ я уйдѣ въ чужѣи добрыи лѣлюшки!»

Матери причитаетъ:

«Радѣтильница, мамушка!
Абвѣжутъ маю бѣйную галѣвшку
Въ чужѣи добрыи лѣлюшки
Не ва врѣмя, не ва порушку.
Какъ мнѣ бѣдитъ пѣтитъ, пастунѣи.
Па чѣстымъ ступѣнюшкамъ ¹³⁾?
Какъ мнѣ бѣдитъ уладѣи, угадѣи
Нерѣнынъ ¹⁴⁾ радѣтилямъ?»

Брату:

«Братѣцѣ мой, салавѣюшка!
Не забѣдь мянѣ гѣрку гарѣшиньку
На чужой дальнуй старѣвшку,
Какъ я уйдѣ въ чужѣи добрыи лѣлюшки!»

¹⁾ «остатній» — послѣдній. ²⁾ «чаша» — чашка. ³⁾ «исподки» — маленькія рукавички, вязанныя изъ шерстяныхъ нитокъ. ⁴⁾ «Сватами» у насъ называютъ другъ друга родители жениха и невесты. ⁵⁾ «пластокъ» — слоѣкъ; «пласткомъ» — слоѣкомъ, слоѣкамъ. ⁶⁾ «гребѣнка» — бумажникъ. ⁷⁾ «прѣти» — противъ. ⁸⁾ «покажь» — покажи. ⁹⁾ «варьньсь» (вернуться) — воротиться, возвратиться. ¹⁰⁾ «вайми» — уйми, «внять» — унять. ¹¹⁾ «пѣстка» — пѣсть. ¹²⁾ «бѣтта» — будто. ¹³⁾ «па чѣстымъ ступѣнюшкамъ», т. е. въ отношеніи деверей, золовокъ и т. д. ¹⁴⁾ «рѣнынъ» — родной.

Сестрѣ:

«Сястрица мая ластушка—падружинька!
Атгуляла я таперь съ табой,
Въ красныхъ дѣвушкахъ аткрасавала;
Вси зарастутъ мая трапинушки
И торныи дарожиньки,
Гдѣ я гуляла въ красныхъ дѣвушкахъ.
Бывало я у красныхъ дѣвушкахъ,
Куды ¹⁾ vzdумаю, туды ²⁾ и пайдѹ гулять;
У чужыхъ—не у свайхъ радѣтилий:
Какъ бѹдитъ пайтѣть, паступѣть?
Какъ бѹдитъ чужой радѣтильницы матушки
Уладѣть, угадѣть?»

И плачетъ, рѣкой разливается невѣста по своей дѣвичьей волѣ да о замужней долѣ. Замужемъ прибавится ей и работы, хлопотъ и заботъ. Не даромъ она говорила: «минѹнца вся мая гульба и волюшка!»; припоминается ей теперь, что не разъ и сама она пѣвала въ пѣснѣ:

«Воля, волюшка мая ³⁾!
Минавалася волина гульба,
Са чѣрной грязью смѣшалася,
Са чѣрной, съ паддорожною!»

Подѹмки и трудовъ замужемъ будетъ больше, а жизнь-то не получшаетъ. Что-то невесело поется въ пѣснѣ про замужье:

«Съ-за лѣсу, съ-за лѣсочку
Текла рѣчка ширакая,
За Дунайшла другая.
Ишла дѣвка маладая,
Вела коня варанова,
Яще другова галубова;
Привадѣла канѣ къ рѣчки,
Гаварила съ канѣмъ рѣчки:
«Не табѣ, конь, воду пить,
Ня мѣѣ, дѣвки, лицѣ мыть:
Парѣ замужъ итѣть.
Привяжѹ канѣ ка вѹсту,
Все ка вѹсту, ка калинки,
И сламли сучѣкъ калинки:
«Ты пакѹшій, конь, калинки!
Какава слѣдва калинка,
Какаво дѣвки замужье?
Въ сямѣюшкии нихтѣ ня любить:
Ни свѣкры, ни свякрѣвка,
Ни дѣвирь, ни залѣвка».

А иной разъ попадетсѣ еще и

«Мужъ—удалая галѣвка:
Паутрѹ рѣна ухѣдитъ,
Вичярѹ пѣзна приходѣть;

¹⁾ «вуды»=куда. ²⁾ «туды»=туда. ³⁾ Можетъ быть, здѣсь собств. имя «Оля», которое у насъ произносится «Воля».

На краёчку спать лажница,
Тяжелёшника вздыхать,
Трёх-четырёхъ вспоминаать;
Три-четыри— всё чужини!

А то:

«Ня ровна ¹⁾ дуракъ навѣжица,
Лѣба воръ, лѣба пьяница.
У кабака идеть шатаица,
Съ кабаку идеть валяница;
Заставляи разувать, раздывять,
Шелкавы петли раздѣргывать,
Чѣрны пугавки расытѣгывать!»

А попробуй не послушаться его,
сказать, что:

«Не такова бору ягода расла,
Што я буду тебе разувать, раздывять!»

Сейчасъ и плетью поподчуетъ:

«Пашолъ мой мужъ у новью клѣтъ,
Узялъ ²⁾ мой мужъ рямѣнную плеть,
Зачалъ жану жалавати,
Все на полу повалажывати.
«Вотъ такова ацца ³⁾ съ матерью дитѣ,
Што я буду разувать, раздывять,
Шелкавы петли раздѣргывать,
Чѣрны пугавки расытѣгывать!»

И будешь просить его:

«Ты не бей мене безъ вины,
Безъ вяликои безъ бяди!
Што мой батюшка далече,
Рѣнная матушка дальши таво ⁴⁾!
Чѣризъ бярѣзья бѣлае
Галасѣчка маѣва ня вслѣшпить,
Чѣризъ сасѣнья частае
Майхъ слезъ ня ввидить!»

Вотъ оно каково житье-то бываетъ замужемъ! И замираетъ сердце у невѣсты
отъ неизвѣстнаго будущаго и гадаеть—думаетъ она думу крѣпкую. Ахъ!

«Кабы знала, молодѣ, и вѣдала
Пра сваю долю горькую
Пра замужийце нещаснае,—
Я-бъ сидѣла вѣкъ у дѣвушкахъ,
Часѣла-бъ галѣвушку гладѣшинька
И пляла-бъ рѣсу касу часѣтѣшинька;
И плѣвши касу, пригаваривала:
«Што дастанься май рѣса касѣ
Ни князю, ни байрину,
Вдавинѣму сыну смирнѣму!»

Послѣ «просвѣтанья» дѣвушки, дѣвушки, ея подруги, по старинному обычаю,
каждый день собираются къ ней на «посидѣлки»—съ прялками (отчего «посидѣлки»
называются еще у насъ «сѣпрядками»). Добрый это обычай! И невѣсть не такъ скучно
и высказывается въ немъ исконная нѣжность русскихъ дѣвушекъ къ своей сосватанной

¹⁾ «ня ровна» (не ровно)=можетъ быть. ²⁾ «узятъ»=взять. ³⁾ «ацца»=отца.
⁴⁾ «таво»=того.

покрутъ. Сидя за пряжей, дѣвушки поютъ невѣстѣ пѣсенки, какія принято пѣть въ этомъ случаѣ.—Вотъ одна изъ нихъ о золотой дѣвичьей долѣ съ нѣжной, предупредительной любовью родной семьи и досадливою замужичьей съ пересудами и злословьемъ бабьяго рода—племени въ чужой семьѣ: свекрови и золовокъ.

«Марья ¹⁾ въ мѣтушки
Дарагѣя гдѣсьтѣйка,
Залатѣя мятѣлычка!
Трѣя сянѣй вѣмела,
Толька анной ²⁾ не вѣмела
Становой идвуѣ горинки,
Гдѣ сидѣтъ люта свѣкрѣвъ
Са сваймъ съ трѣмъ дочирямъ,
Са маймъ заловушкѣмъ;
Судѣли, рядѣли
Пра чужю дѣтитку,
Пра сваю нявѣстушку:
«То-ль янѣ санливая,
То-ль янѣ дрямливая?!
Недѣвна къ намъ пришлѣ,
Многа бѣдѣ надѣлала,
Мнокъ пасѣди паразѣбѣла:
Все пивнѣи кѣвшички
И виннѣи чѣрычки;
Па навѣмъ сянѣмъ хѣдила,
Залатѣи ключѣи утѣрѣла».
«Охъ ты, люта свѣкрѣвъ!
Ты ня сѣхни, не балѣ
Па маймъ златѣмъ ключѣмъ:
Мнѣ ня твой сынъ ключѣи купилъ.
Мнѣ ня твой мужъ залатѣлъ!
Мнѣ купилъ ключѣи бѣтѣушка,
Залатѣла мѣтушка,
Полужѣли сестрицы,
Выкупѣли бѣатицы,
Абнавѣли нявѣстушки
Зли ³⁾ сваѣи чѣсты, хвалы,
Зли маѣи красѣты».

А тѣмъ временемъ, т. е. между «рукобѣтьемъ» и свадьбой, родители жениха и невѣсты готовятъ свадьбу пировать.—Шьется невѣстѣ новый «снѣзокъ» ⁴⁾ теплой одежи: шуба и кафтанъ, а иногда еще «снѣзокъ» нижняго платья, или подвѣнечный «обрадъ» ⁵⁾. Отдаются невѣстѣ также и всѣ другіе ея «обряды», что были «поналажены» ей въ дѣвкахъ, и «новѣины» ⁶⁾, сколько успѣла она себѣ «пригашить» ⁷⁾ ихъ до «замѣжѣя». Вотъ и все, съ чѣмъ родители отправляютъ свою дѣвку въ чужіе люди. Хранить свое «добрѣ» дѣвка (какъ, обыкновенно, всѣ деревенскія бабы у насъ въ «кѣблѣ» ⁸⁾).

«Добрѣ» это такъ и называется «добрѣмъ», а не приданнымъ; приданого въ деревнѣ у насъ нѣтъ. Впрочемъ, есть и у насъ приданое, но не деньги. Нѣтъ, не онѣ! У насъ невѣста несетъ съ собой жениху самое дорогое въ мірѣ приданое: свое цвѣту-

¹⁾ примѣрное имя невѣсты! ²⁾ «анной» = одной. ³⁾ «зали» = для. ⁴⁾ «снѣзокъ» одежи = полный составъ одежи. ⁵⁾ «обрадъ» = нарядъ. ⁶⁾ «новѣина» = трубка (свертокъ) домотканнаго холста. ⁷⁾ «пригашить» = приготовить. ⁸⁾ «кѣбелъ» = кадка съ крышкой и замкомъ; въ послѣднее время стали «похватывать» сундуки.

щее здоровье да золотыя, умѣлыя руки. Иного приданого, у насъ и не ищутъ. Что мужику и съ приданого, коли женка дрань? Съ таковой и «жйсьть не въ радъсьть, аднѣ масть!»; и тутъ то ей не въ силу и тамъ не подъ силу. На работницъ приданое проживешь и своихъ еще приложишь, а все весь вѣкъ будешь не человѣкъ; вездѣ будутъ «неуправки:» и въ домъ и въ полѣ. Нѣтъ ужъ Богъ съ ними, съ деньгами! Лучше взяты въ приданое румяныя полныя щеки и пышную грудь (присѣху и утѣху молодца), да рабочія и сильныя руки. Съ ними горе съ полгоря и бѣда не по чемъ!

Въ одинъ изъ «досвадьбонныхъ» дней женихъ ѣдетъ въ своей суженой «съ лаптемъ», т. е. везетъ ей полсапожки подъ вѣнецъ; а невѣста посылаетъ «дары» родителямъ жениха: свекру и свекрови.

Какъ невѣстныя старики, такъ и жениховы—каждый у себя «подбираются» къ свадебнымъ пирамъ: варятъ пиво, пекутъ пироги и хлѣбы, заготавливаютъ мясо, вино ¹⁾. Точно также заняты хлопотами и молодые (женихъ и невѣста); они каждый къ себѣ зазываютъ въ побѣдѣ, просятъ пожаловать въ свадебный побѣдѣ; у жениха своя «побѣда», а у невѣсты своя. За разными хлопотами да суетой и не видишь, какъ подскочить канунъ свадьбы.

Вечеринка.

Наканунъ свадьбы у невѣсты бываетъ «вечеринка» или дѣвичникъ. Про невѣсту топятъ баню ей подружки; а когда топятъ, головешекъ не колотятъ, чтобы мужъ жены не билъ. Идетъ она въ баню поздно; если зимой свадьба, такъ ужъ съ огонечкомъ; все по-старинному, какъ заведено; и подружки съ ней, только тѣ уходятъ раньше изъ бани, какъ справятся, а невѣста остается съ лучшей подругой и приходитъ послѣ.—Грустно ей!.... Чувствуетъ она, что надъ ней творится что то небывалое, что къ чему-то великому и святому ее готовятъ. И жутко ей станетъ!...

Придетъ невѣста изъ бани въ избу, а ужъ подружки всѣ собрались и давно ждутъ ее. Поблагодарить она ихъ: «спасибо вамъ, подруженьки, за парь, за банюшку» и заплачетъ. Да и какъ ей плакать? Подруги дѣтства, многія сверстницы пришли проститься съ ней, провести съ ней послѣдній вечерокъ! Скоро придется ей совсѣмъ порвать связь съ дорогимъ прошлымъ и привыкать къ новому будущему, Богъ вѣдаетъ еще къ какому! И заливаешься, горько и громко плачетъ невѣста. Подруги тутъ унимаютъ, уговариваютъ ее: «брось, не плачь! Не аднѣ ты такѣя горькая! И всѣ мы такія горькія. Етъ сѣмны не такія, што держать, а наѣда пересааживать!» Утѣшаютъ, а и у самихъ слезы ручьемъ льются. Переплачутся немного, потомъ подружки начинаютъ пѣсни.

Въ пѣсняхъ вечеринки чувствуется уже близость свадьбы. Первая пѣсня поется «бѣславъ, Бѣжа! Бѣжинька!»; вторая, если у невѣсты живы родители, «какъ Марьюшкина ²⁾ мать всюю нѣчку не спала»; если же невѣста сирота, то поется «ѣлка, ѣлушка! залатѣя маковушка» ³⁾!

За ними поются другія, и первая изъ нихъ «на дѣвичьи вѣчири». Въ этой пѣснѣ отмѣчается обычай невѣсты плакать на дѣвичникѣ. Въ ней слышатся намъ тихія слезы невѣсты, ея сдержанный ропотъ на виновника плача,—ропотъ на предстоящее, какъ-бы подневольное, замужество.

«На дѣвичьи вѣчири,
Тамъ дѣвица плакала.
«Увидѣти ⁴⁾ бѣтешку,

Ваййти ⁵⁾ Марьюшку!»
Мы бѣтешку увяли ⁶⁾,
Марьюшку не вняли ⁷⁾.

¹⁾ т. е., водку; «водка» у насъ всегда называется «виномъ». ²⁾ Всѣ собственныя имена поставлены мною въ пѣсняхъ для примѣра. ³⁾ Этихъ пѣсенъ мы теперь не будемъ приводить, потому что съ ними намъ придется еще встрѣчаться послѣ ⁴⁾ «увидѣти»=уведите. ⁵⁾ «ваййти»=уйдите. ⁶⁾ «увяли»=увели. ⁷⁾ «вняли»=унали.

На дѣвичьи вѣчири,
Тамъ дѣвица плакала,
Марья Пятровна ¹⁾.
«Увядѣти матушку,
Ваймѣти Марьюшку»!
Мы матушку увяли,
Марьюшку не вняли.

На дѣвичьи вѣчири,
Тамъ дѣвица плакала.
«Увядѣти брѣтицевъ.
Ваймѣти Марьюшку»!
Мы брата увяли,
Марьюшку не вняли.

На дѣвичьи вѣчири,
Тамъ дѣвица плакала.
«Увядѣти сестрѣ,
Ваймѣти Марьюшку»!
Мы сестрѣ увяли,
Марьюшку не вняли.

На дѣвичьи вѣчири,
Тамъ дѣвица плакала.
«Увядѣти Ивана—князя ²⁾,
Ваймѣти Марьюшку»!
Мы Ивана—князя увяли,
Мы Марьюшку уняли.

Въ слѣдующей пѣснѣ высказывается взглядъ крестьянской дѣвушки на супружество, какъ на дѣло въ высшей степени святое, какъ «на Божнюю путь», какъ на путь рѣшительный и безповоротный, а потому великій и страшный, на который никакъ нельзя «пайтѣть, паступитѣть» безъ благословенья «сударя-бѣтющки».

Растапѣся бѣнюшка ³⁾,
Разгарѣся каминка ⁴⁾!
Ты размыѣлся мыленка ⁵⁾,
Ты распарѣся Марьюшка!
Ты расплачѣся слезынника ⁶⁾,
Передъ бѣтущкой стѣючи,
Благаславлѣнья прѣсючи:
«Благаславѣ, судыр-бѣтущка,
На Божнюю путь пайтѣть, паступитѣть»:
Ва святѣю ѹтринку,
Въ святѣю обѣдинку!
Въ святѣю обѣдинки,
Въ святѣмъ у вѣвчѣи,
Въ залатѣмъ абручѣи
Скѣдра нѣжки гѣбнуца,
Галава съ плечъ свѣлица,
Вѣлы рѣки распѣхнуца,
Ретивѣ сѣрце жихнѣтъ,
Ясны ѣчи расплачуца».

Двѣ слѣдующія свадебныя пѣсни не приурочены къ опредѣленному времени; поются онѣ и на «дѣвичьи вѣчири» или дѣвичники. — Отъ одной изъ нихъ, отъ пѣсни «какъ на горы высакѣи», вѣсть на насъ сердечной тоской-кручинушкой свѣта—бѣтущки по своей любимой замужней дочери; въ этой же пѣснѣ доносятся до насъ и горячія слезы родительницы все по ней-же, по милой доченькѣ, по своему дорогому ненагляднѣицу.

¹⁾ имя и отчество невѣсты. ²⁾ Примѣрное имя жениха. ³⁾ Въ первыхъ четырехъ строкахъ указывается на обычай невѣсты ходить въ баню передъ свадьбой. ⁴⁾ «Каминка» (каменка) = печка въ банѣ черная, т. е., безъ трубы; она обыкновенно кладется въ деревняхъ не изъ кирпичей, а изъ камней. ⁵⁾ «мыленка (мыленко) = мыльно. ⁶⁾ «слезынника» = слезенько.

Какъ на горы высакѣй,
 На плащадѣ ширакѣй,
 Тамъ хадѣла, гуляла
 Марья Пятровна (невѣста),
 Зелени садъ сажала.
 Насадѣвши зелени садъ,
 Самѣ замужъ пашла;
 Приказала свой зелени садъ
 Государю-батьшкѣ:
 «Государь мой, батьшка!
 Покрывай мой зелени садъ
 Всѣ тахтой ¹⁾, всѣ бархатой ²⁾»!
 «Ахъ дитѣ-ль маѣ, дѣтитка.
 Марья Пятровна!
 Я покрою твой зелени садъ
 Всѣ таскѣй, всѣ кручивушкѣй».

Какъ на горы высакѣй,
 На плащадѣ ширакѣй,
 Тамъ хадѣла, гуляла
 Марья Пятровна,
 Зелени садъ сажала.
 Насадѣвши зелени садъ,
 Самѣ замужъ пашла;
 Приказала свой зелени садъ
 Сударыни-матушки:
 «Сударыни-матушка!
 Паливай мой зелени садъ
 То сытой, то патыкуй»!
 «Ахъ дитѣ-ль маѣ, дѣтитка,
 Марья Пятровна!
 Я палю твой зелени садъ
 Гарячимъ сваймъ слязамъ».

Въ слѣдующей пѣснѣ предвѣщается дѣвушкѣ болѣе строгое отношеніе къ ней новыхъ ея родителей: свекра и свекрови—сравнительно съ жалостью родного отца—батьшки и кормилицы, родной матушки.

На морѣ ўтычка акунѣлася,
 Вышиччи на бираждѣ, встрипанѣлася.
 На тымъ ³⁾ биражкѣ Марьюшка мѣла дары;
 Мѣвши дары слезно плакала;
 Потѣмъ поднасила дары батьшки.
 «Судырь ты, батьшка, не бѣлы дары»!
 Атъвѣчала: «дѣтитка, што не батьку дарить»;
 Ётымъ дарамъ свѣкра-батьку дарить ⁴⁾.

* * *

На морѣ ўтычка акунѣлася,
 Вышиччи на бираждѣ встрипанѣлася.
 На тымъ биражкѣ Марьюшка мѣла дары;
 Мѣвши дары слезно плакала;
 Потѣмъ поднасила дары матушки.
 «Сударыни ты, матушка, не бѣлы дары»!
 Атъвѣчала: «дѣтитка, што не матку дарить»;
 Ётымъ дарамъ свякровъ дарить».

Попокутъ дѣвушки пѣсенокъ, погорюють, спсечалются вмѣстѣ съ невѣстой и начинаютъ расходиться по домамъ. А тутъ ихъ просятъ пожаловать завтра «на честной пиръ, на свадьбу».—Остается одна невѣста съ своимъ роднымъ семействомъ и начинается съ ней послѣдняя тихая бесѣдушка. За ужиномъ ей уже не до ѣды, не успѣтъ слезъ глотать. А какъ она проводитъ послѣднюю ночь подъ родительскимъ кровомъ, про то знаетъ только одно ея дѣвичье сердечушко!

¹⁾ «тахта»=тафта. ²⁾ «бархата»=бархатъ. ³⁾ «на тымъ»=на томъ. ⁴⁾ намекается на обычай невѣсты посылать «дары» свекру и свекрови.

Составъ «поѣзды».

Завтра свадьба и съ ранняго утра начнетъ собираться къ жениху и невѣстѣ «поѣздъ» или «поѣзжане». Но кто-же эти «поѣзжане» жениха и невѣсты?—Женихъ зоветъ къ себѣ «въ поѣздѣ» своихъ друзей-пріятелей, деревенскихъ парней. У него есть въ «поѣздѣ»—«подкнѣжій»¹⁾. Въ «подкнѣжін» женихъ выбираетъ самаго задушевнаго своего друга. Есть въ «поѣздѣ» еще «дружко». Въ «дружкѣ» попадаетъ обыкновенно пожилой, такъ какъ выбирается, который «знаетъ» (маракѣтъ кое-что по колдовству), а такіе водятся больше между стариками.—Дружко нуженъ «знающій», чтобы «не подшутить» кто надъ лошадьми. Положить, напр., «злой человѣкъ»²⁾, ахъ³⁾ иной ради потѣхи наговореную соломинку черезъ дорогу и ни за что черезъ нее не переѣдешь, сколько ни бейся; «упудатся»⁴⁾ кони и ни съ мѣста, какъ вкопанные!—А не то бросить «знахарь» намопанную горошину въ сани и будетъ лошадь везти—упираться, будто сто пудовъ на саяхъ лежитъ; того и гляди, что вотъ-вотъ станетъ.—А то иной остановить пѣлюю «поѣздѣ» гдѣ-нибудь въ воротахъ: либо въ деревню не въѣхать, либо изъ деревни не выѣхать. Видишь, мчигся, несется «поѣздъ» во весь опоръ, а подѣхала къ воротамъ и стало дѣло. Крутить—мучать «поѣзжане» лошадей, «стебають» ихъ безъ милости, а кони только «шорѣхаются» въ сторону и все тебѣ тутъ; фыркають да бѣсятся, а въ ворота не впередъ ихъ ни за что; подѣ—вѣдай отчего: будто самъ чортъ въ воротахъ сидитъ. Въ такихъ-то случаяхъ и дорогъ «дружко-ворожбѣтъ». Сейчасъ онъ тутъ какъ тутъ; живой рукой все сниметъ, «отдѣлаетъ»⁵⁾ и опять поѣхала «поѣздъ» съ Богомъ. А какъ «дружко» то не гораздъ «знаетъ», такъ и сиди, пожалуй, на одномъ мѣстѣ да «куликѣй» курамъ на смѣхъ. Третье чиновное лицо въ жениховой «поѣздѣ»—«тысяцкій». Что дѣлають «тысяцкій» съ «подкнѣжнимъ», это въ свое время покажетъ свадебная церемонія.

Невѣста приглашаетъ къ себѣ «въ поѣздѣ» дѣвушекъ-подрѣжекъ; называются онѣ «бойрками». Самую лучшую свою подругу невѣста назначаетъ «первой» или «большей бойркой». «Большей бойркѣ» нужно знать всѣ порядки, обычаи и пѣсни; она все начинается, всѣмъ верховодитъ. Она находится при невѣстѣ безотлучно, всюду ее сопровождаетъ, беретъ за нее деньги, гдѣ нужно и т. д.—Со стороны невѣсты выбираются еще четыре «свашки»: двое мужчинъ и двѣ женщины. «Мужчины—свашки» обязаны везти «бойрокѣ» на погостъ, а «женщины—свашки» смотрятъ за невѣстой въ церкви, чтобы было все, какъ слѣдуетъ, по обычаю. Онѣ ставятъ молодымъ «подкнѣжки», оправляютъ, охорашиваютъ невѣсту, отвѣшиваютъ и завѣшиваютъ ей лицо, когда нужно, и пр.—Число «поѣзжанъ» у жениха и невѣсты бываетъ неодинаково, смотря по карману; вѣдь всѣхъ-же ихъ надо напоить и накормить.—Когда набрана «поѣздъ» у жениха и невѣсты и все готово къ свадьбѣ, начинаютъ «играть» самую свадьбу.

Свадьба и «отвѣдины».

Святѣй Кузьмѣ,
Божинька!
Скуй намъ свадьбу,
Божинька!
Крѣпкую, твѣрдую,
Божинька!

Въ день свадьбы у жениха и невѣсты встають рано.—Какъ только невѣста подымется съ постели, помоется, почешется и пріодѣнется, ее «заводятъ за столъ».

¹⁾ Сами женихъ и невѣста считаются за князя и княгиню, какъ они и величаются въ свадебныхъ пѣсняхъ. ²⁾ «злой человѣкъ»—колдунъ. ³⁾ «ахъ»—или. ⁴⁾ «упудатся»—уперется. ⁵⁾ «отдѣлать»—отколдовать; «сдѣлать»—сколдовать.

Сначала всѣ молятся Богу (русскій человѣкъ любитъ все начинать съ крестомъ и молитвой) и «большая боярка», обращаясь къ присутствующимъ въ изобѣ, говоритъ: «благословити, вси крашѣныи, пѣсни играти!»—«Богъ благословитъ!»—отвѣчаютъ ей и начинаютъ тогда «заводить неvěсту за столъ».—«Крѣсный»¹⁾ неvěсты беретъ изъ «божничцы»²⁾ икону и идетъ за столъ (столъ, обыкновенно, придвинутъ въ передній уголъ къ правой лавкѣ), за «крѣснымъ» идетъ неvěста, а за пей «первая боярка» и другія боярки. «У первой боярки» въ рукахъ два «пирожка»³⁾ пшеничныхъ или ржаныхъ, кто чѣмъ богатъ. Когда начинаютъ заходить за столъ, «первая боярка» хлопаетъ пирождкомъ объ пирожокъ и заѣвваетъ начальную пѣсню: «бѣславъ, Бѣжа! Бѣжинька!» Скажетъ она первое слово: «бѣславъ»—и хлопнетъ разъ пирожкомъ объ пирожокъ; скажетъ другое: «Бѣжа»—и еще разъ хлопнетъ;—«Бѣжинька» и хлопнетъ послѣдній (третій) разъ. Всѣ боярки подтягиваютъ первой:

«Бѣславъ, Бѣжа!
Бѣжинька!
Сваѣдбу играти,
Бѣжинька!
Зачинати,
Бѣжинька!
Святѣй Кузьмѣ,
Бѣжинька!
Скуй намъ сваѣдбу,
Бѣжинька!
Крѣпкую, тѣвѣрдую,
Бѣжинька!
Святѣй Лукѣ,
Бѣжинька!
Случи вмѣста,
Бѣжинька!
Двухъ младѣновъ,
Бѣжинька!
Первыи младѣнъ,
Бѣжинька!
Иванъ Максимовъ,
Бѣжинька!
Другѣй младѣнъ,
Бѣжинька!
Марья Пятровна,
Бѣжинька!
Случи вмѣста ихъ,
Бѣжинька!
Съ млადысти да старысти,
Бѣжинька!

И да милыхъ дѣтушникъ,
Бѣжинька!
И да сывава вѣлыса,
Бѣжинька!
И да шалковыва пояса⁴⁾,
Бѣжинька!
Лѣди бають⁵⁾,
Бѣжинька!
И не разбають,
Бѣжинька!
Судьи сѣдють,
Бѣжинька!
И не разсѣдють,
Бѣжинька!
Дажѣмъ мочить,
Бѣжинька!
И не размѣчить,
Бѣжинька!
Сѣнцимъ сѣшить,
Бѣжинька!
И не разсѣшить,
Бѣжинька!
Вѣтрымъ вѣить,
Бѣжинька!
И не развѣить,
Бѣжинька!
Лѣсымъ клѣнить,
Бѣжинька!
И не расклѣнить,
Бѣжинька!

Пока поютъ эту пѣсню, всѣ, зайдя за столъ, стоятъ: и «крѣсный», и неvěста, и «большая боярка» и остальныя боярки.—Какъ кончатъ пѣсню, «крѣсный» ставитъ образъ на полочку надъ окномъ, къ которому придвинутъ столъ, зажигаетъ передъ нимъ свѣчку (понятно, восковую), которая и горитъ до отѣзда неvěсты на погостъ, и ух-

¹⁾ «крѣсный» = крестный отецъ, воспріемникъ при купели. ²⁾ «божничца» = трехугольный шкафчикъ или трехугольная полочка, гдѣ хранятся образы. ³⁾ «Пирогами» называются у насъ продолговатыя хлѣбы («пирожками» — маленькіе продолговатые хлѣбы): пшеничные — безъ всякой начинки, а ржаные, обыкновенно, съ картофелемъ. ⁴⁾ «поисъ» = поясъ, по другому изводу: да шалковой бардушки. ⁵⁾ «бають» = говорить.

дѣть самъ; невѣста и боярки садятся.—«Первая боярка» одинъ «пирожокъ» изъ своихъ рукъ даетъ невѣстѣ и та кладетъ его себѣ «въ заранье, т. е., за пазуху, съ нимъ и подъ вѣнцомъ стоитъ (у насъ безъ хлѣбнаго никто не вѣнчается); а другой «пирожокъ» разламываетъ, раздаетъ по кусочку бояркамъ и сама ѣстъ. Невѣста не выходитъ изъ-за стола во все время до отъѣзда на погостъ, развѣ по надобности, а боярки поютъ ей пѣсни.

На вторую пѣсню поется, если родители у невѣсты живы, «какъ Марьяна мать». Въ этой пѣснѣ высказывается взглядъ матери-крестьянки на рожденіе у нея дочери. Родится дочь только на горе и слезы бѣдной матери. Еще сряду по рожденіи дочери мать плачетъ, предвидя впереди большія и долгія слезы. Плачетъ она и взростивши дочку, такъ какъ знаетъ, что выкормила и выпоила ее для чужихъ людей; что рано-ль-поздно, а придется ей разстаться съ своимъ милымъ дѣтяткомъ, отпустить его на жизнь, Богъ вѣдаетъ еще какую. И вотъ наступила она, эта горькая пора! И теперь, отдавая дочку замужъ, плачетъ родительница पुще прежняго; отъ нее ведутъ любимаго родного дѣтѣнка, отъ нее катятъ и «кублы съ добромъ», отъ нее несутъ бѣлые дары! Правда, дочь приноситъ родительскому сердцу и утѣху; но утѣхи на полтину, а скорби да печали на весь цѣлковый (не говоримъ уже объ ущербѣ по хозяйству). Выиои, выкорми ее (сколько тутъ надо хлопотъ да хлѣба!), наряди, погляди-полюбуйся на нее и отдай въ люди, а послѣ боли да сохни по ней горемычные родители. И чѣмъ милѣй была дочка, тѣмъ ее жалчѣй! И не работница-то она имъ, и не полица, не кормилица на старости лѣтъ; и не на кого родителямъ передъ смертью порадоваться.—Вотъ почему рожденіе дочери въ крестьянскомъ семействѣ не приноситъ особенной радости. Не даромъ въ нѣмъ нашихъ погостахъ и погъ крестить дочку цѣлымъ пятачкомъ дешевле, чѣмъ сына. Онъ хорошо знаетъ, что дочка мужику одна только сердечная зазноба—сухотѣ да «прѣторы»¹⁾.

«Какъ Марьяна мать
Всю ночь не-спала,
Въ стѣлики стѣла²⁾,
Караванъ валила³⁾,
Все тѣста нашанишнае;
Явѣ умѣста⁴⁾ валила,
Яндъ розна валица.
Валила, валила,
Три разѣ заплакыла.
Первый разѣ заплакыла,
Кагда Марью родила;

Другей разѣ заплакыла,
Кагда Марью вспаи вскорья;
Трѣтій разѣ заплакыла,
Кагда Марью замужъ дай.
«Атъ минѣ чадѣ вядѣтъ,
Атъ минѣ кублы катѣтъ,
Атъ минѣ дары ваязѣтъ!
Чадѣ—милѣшинька,
Кублы—палѣшиньки,
Дары—бялѣшиньки».

Если же невѣста—сирота, то поется ей на вторую пѣсню: «ѣлка, ѣлушка»! Въ пѣснѣ говорится, какъ къ невѣстѣ на бесѣдушку собралась вся родня и всѣ пріятели, не оказалось только родителя-батюшки и родительницы-матушки. И молить, просить невѣста своихъ милыхъ братцевъ сходить въ церковь къ обѣденѣ, прозвонить тамъ въ колоколь «у большей и въ малинькій», чтобъ услышали ея дорогіе родители и пришли-бы сударь-батюшка и сударыня-матушка на ея бесѣдушку надѣлать ее, горькую-бѣдную сиротушку, «ка святѣму вѣнчыю, къ златѣму обручыю».

Ѣлка, ѣлушка,
Златая макдушка!
Всѣ-ль у тебя, ѣлушки,
Златѣя сѣчійка?

Погляди, Марьюшка,
Па свайѣ бесѣдушки:
Вся-ль твай раннѣ⁵⁾ сабралася,
Всѣ-ль твай пріятили

¹⁾ «прѣторы»=убытки. ²⁾ «Въ стѣлики стѣла»=у стола стояла. ³⁾ «Карованъ валила»=караван валила. ⁴⁾ «Умѣста» (умѣсто)=въ одно мѣсто. ⁵⁾ «Раннѣ»=родня. ⁶⁾ Если невѣста не круглая сирота, то въ пѣснѣ вспоминается тотъ, кто умеръ: отецъ или мать.

На тваѡ бясѣдушку?
«Толька нѣту маѣй раннѣй,
Гасударя-батьюшка,
Гасударыни-матушка!
Вы браццы, сѡкалы!
Схадити кѣ абѣдинки,
Празваннѣи вѣ колакылѣ
У бальшей и вѣ малинкій!
Падайтѣ вѣступску

У сырѡу зямѣлюшку
Гасударю-батьюшку,
Гасударыни-матушка!
Пусть мой гасударь-батьюшка,
Пусть мая гасударыня-матушка
Прилятѣ на мая бясѣдушку
Надальтѣ сырѡтушку
Ка святѡму вѣнчѣю,
Кѣ залатѡму абручѣю»!

Эта пѣсня поется такъ жалобно, что и невѣста плачетъ навзрыдъ и боярки сами поютъ, а слезы изъ глазъ градомъ катятся, горохомъ сыплются, не успѣтъ обирать.

Слѣдующая пѣсня поется о нечаянномъ похищеніи вѣнца у невѣсты вѣнкомъ княземъ (напр., Иваномъ женихомъ). И умоляетъ невѣста своего старшаго брата вспастъ ¹⁾ на добра коня, догнавъ ясного сокола и отнять у него золотъ ея вѣнокъ. Но не въ силахъ большій братъ вспастъ на добра коня, не можетъ онъ догнать ясного сокола, не отнять ему золотъ вѣнокъ и дѣвичей красоты. Не его теперь воля надъ ея золотымъ вѣнкомъ. Вотъ какъ объ этомъ говорится въ самой пѣснѣ.

«Играла наша Марьюшка
Залатымъ вянкомъ въ терни;
Паигравши залатымъ вянкомъ
Палажила на акдшичка.
«Паляжѣ мой залѡтъ вянѡкъ
На краснымъ акдшички!
Я скажѣ правѣдаю
Пра свѣкрыва житьѣ,
Пра свякровина бытьѣ.
Не аткѣль ²⁾ узѣлся ³⁾ ясный сакѡль, Иванъ—князь;
Сахвѣтилъ мой залѡтъ вянѡкъ.
Дай-ну, гдѣ-жъ мой большій братъ,
(наприм.) Микѣта Хѣдаравнчъ?
Ахъ ты, братицѣ мой, ясный сакѡль!
Ты вспанъ на добра канѣ,
Дагѡнъ ⁴⁾ ясного маѣва сакала,
Атымъ мой залѡтъ вянѡкъ!
Сястрица мая, лѣстущка!
Мнѣ не вспастъ на добра канѣ,
Не дагнаъ мнѣ ясного сакала.
Мнѣ не атнѣтъ залѡтъ вянѡкъ
И дѣвичуи красаты;
Не мая тапѣрь вѡлюшка
Надъ твоимъ залатымъ вянкомъ».

Передъ тѣмъ, какъ ѣхать на погостъ вѣнчаться, невѣстина «поѣзда перехватываетъ», т. е., закусываетъ. Сама-же невѣста «до вѣнца» не ѣстъ ничего. Равно какъ и женихъ. Послѣ «перехватки боярки» одѣваютъ невѣсту подъ вѣнецъ; чешутъ ея буйную головушку гладѣшенько, заплетаютъ русую косынку частѣшенько, «связываютъ» ленточку алѣшенькую, что-бъ покрасовалась дѣвица послѣдній разъ своей русой косой; наряжаютъ невѣсту въ самый лучший ея «обрадъ». И когда справятъ дѣвушки совсѣмъ свою подружку, ее надѣляютъ «ка святѡму вѣнчѣю». Невѣста и «боярки» заходятъ за столъ и стануть, и «боярки» начинаютъ запѣвать жалобную надѣльную пѣсню для родителей:

¹⁾ «вспастъ»=вскочить. ²⁾ «не аткѣль»=неизвѣстно откуда. ³⁾ «узѣлся»=взялся.
⁴⁾ «дагѡнъ»=догоня.

«Сказывай, Марьюшка!
Есть-ли батюшка,
Есть-ли матушка?
Призывай къ дубовому сталу,
Што-бъ яны ¹⁾ надялили тебе
Съ усей радостной ²⁾,
Съ усей жалостной ³⁾».

Тутъ подходятъ родители, берутъ съ полочки надъ окномъ образъ, съ которымъ заводили невѣсту за столъ, и благословляютъ ее; подносятъ хлѣбъ, на хлѣбъ деньги, и надѣляютъ ее. Невѣста беретъ икону, цѣлуетъ ее и ставитъ на мѣсто, опять на ту же полочку, потомъ цѣлуетъ родителей и принимаетъ хлѣбъ на-руки, а деньги кладетъ въ карманъ. Въ это время «бойрки» запѣваютъ другую надѣльную пѣсню: «сѣкалы, сая-тайся!» для всѣхъ присутствующихъ:

«Сѣкалы, саятайся!
Братъ съ сестрой называйся!
Князи, байры сязжайся!
Хто заснулъ, прабудься!
Хто пришѣлъ, не тулься ⁴⁾!
Хто пашѣлъ, варащися!

Хто принѣсъ, не скупися!
Сыпте зѣлото на блѣдо,
А сѣребро на другѣ—
Нашиму князю на шапку,
Нашуй княгини на шубу!»

И какъ кто надѣлится, невѣста кланяется и «бойрки» съ ней, а надѣлившему подносятъ ковшъ пива.

Послѣ надѣла невѣста отправляется съ своей «поѣздой» на погостъ. Коня подаются разубранные; всѣ они нарочно для свадьбы пораскормлены, чтобы посвѣжѣе вы-сматривали, да пофорсистѣй везли «поѣзжанъ». Подъ каждой дугой подвязанъ большой козольчикъ, дуга перевита полотенцемъ, концы котораго пущены низко; на подстѣлки тоже полотенце. Иногда сверхъ полотенцевъ дуга перевязана платками и ленточками.

Невѣста ѣдетъ отъ дома до погоста подъ большимъ платкомъ, покрытымъ «въ рѣспускъ», т. е., на подобіе покрывала, а на платкѣ нашитъ крестъ. Ѣдетъ она въ срединѣ свадебнаго пѣзда вѣстѣ «съ бѣльшей бойркой». Лицо ея слегка закрыто: платокъ спущенъ нѣсколько на лобъ. По пріѣздѣ на погостъ невѣста катается на лошадахъ со своими «бойрками». Въ церковь идетъ она тоже съ приакрытымъ лицомъ. Какъ надѣвать вѣнцы, лицо открывается. По оковчаніи вѣнчанья платокъ снова надвигается, но не очень; выйдя изъ церкви лицо закрывается больше. За всѣмъ этимъ смотрятъ «сващки».—По выходѣ изъ церкви невѣста ѣстъ «пирожокъ», съ которымъ вѣнчалась, и даетъ по кусочку своимъ «бойркамъ»; иногда она ѣстъ его уже на дорогѣ, вѣучи «отъ вѣнца».

Невѣста со своими «поѣзжанами» ѣдетъ «отъ вѣнца» прямо къ себѣ домой и садится съ ними «перекѣсывать» ⁵⁾.—А женихъ со своей «поѣздой» пріѣзжаетъ нѣсколько позднѣе; однако «послѣ вѣнца» ѣдетъ то-же къ невѣстѣ, а не къ своимъ родителямъ.

Но мы еще не сказали о томъ, какъ деревенскій женихъ готовится «къ вѣнцу».—Съ нимъ продѣлываютъ все то-же, что и съ невѣстой. Ему поютъ тѣ-же пѣсни; изъ нихъ одну только съ пѣмѣненіями и одну совершенно новую, послѣднюю передъ отъѣздомъ жениха въ церковь. Разница еще та, что жениху поютъ не дѣвушки, а молодѣхи, —и не за столомъ а столъ «на йзѣбѣ» ⁶⁾; за столомъ же сидитъ женихъ со своей «поѣздой». Его «заводятъ за столъ» такъ же, какъ и невѣсту, и ему даютъ при этомъ «пирожокъ», съ которымъ онъ и вѣнчается; ѣстъ его женихъ «съ поѣздой» по выходѣ

¹⁾ «яны»=они. ²⁾ со всей радостью. ³⁾ со всей жалостью. ⁴⁾ «не тулься»=не прячься. ⁵⁾ «перекѣсывать»=закусывать. ⁶⁾ «на йзѣбѣ»=въ избѣ.

изъ церкви «послѣ вѣнца». Жениху поютъ также въ начальную пѣсню: «Бѣславъ, Бѣжалъ Еджинька!»; за тѣмъ — «ѣлку, ѣлушку», если онъ сирота; а не сирота, такъ поется то-же, что и невѣстѣ, только вотъ съ какими измѣненіями:

«Какъ Ивана матушка
Всюю дочку не-спала.
Въ стѣлики стѣила,
Караванъ вѣлила,
Всѣ тѣста жѣтнае¹⁾);
Яна рѣзна вѣлила,
Яна всѣ вѣста вѣлица.
Яна вѣлила, вѣлила
Да три разѣ вѣрадылась.
Первый разѣ вѣрадылась,
Кагда Ивана рѣдила;

Другей разѣ вѣрадылась,
Ивана вспай—вскармѣй;
Третій разѣ вѣрадылась,
Ивана жѣнивши.
«Ка мнѣ чадо вѣдѣтъ,
Ка мнѣ кублы катѣтъ,
Ка мнѣ дары вѣзѣтъ!
Чадѣ милѣшинька,
Кублы палѣшиньки,
Дары бялѣшиньки».

Въ этой пѣснѣ высказывается, такимъ образомъ, взглядъ въ крестьянствѣ на мальчика совершенно противоположный взгляду на дѣвочку. Мальчикъ родится на счастье и радость своимъ родителямъ. Онъ будетъ имъ вѣчнымъ кормильцемъ и утѣхой да еще приведетъ имъ дочку милую, свою любушку-голубушку. А съ ней привалятъ къ нимъ «кублы», и въ «кублахъ добра» не мало; привезутъ имъ и «бѣлые дары» отъ почтительной новой дочки. И будутъ дѣтки «надъ ними честь держать»¹⁾, а они будутъ на старости лѣтъ любоваться ими. Вотъ почему мать «вѣрадылась, родивши сына; вѣрадылась», вспоив-вскармливая его, и радуется особенно теперь, женив его и приготовляя «пирогъ» къ его свадьбѣ.

Передъ тѣмъ какъ родителямъ надѣлать жениха, поютъ: «скажывай, Иванушка!», а во время надѣла всѣмъ другимъ: «сѣкалы, салатайся!».

Передъ самымъ-же отъѣздомъ жениха въ церковь поется новая пѣсня, приуроченная именно къ этому положенію жениха, къ его отъѣзду, съ цѣлію добыть себѣ невѣсту. Въ этой пѣснѣ говорится, какъ мать сваряжаетъ своего сына, удалаго молодца, ѣхать во сыръ боръ по ягоду, выбрать себѣ изъ малинъ малиннику, изъ княгинь княгинюшку:

«Ивана матушка
По-раненька бѣдила,
Харашенька ѣчила,
На комани²⁾ пасѣдила,
Въ рѣчку плѣтку подала,
Варатѣ атвѣрила,
Путь-дорожку вѣказала.
«Паяжжѣй, маѣ дѣтѣтка,
Ва сыръ боръ на ягадамъ!

Выбирай, маѣ дѣтѣтка,
Съ ягыдъ ягыду,
Съ малинъ малиннику,
Съ княгинь княгинюшку!»
«Гасударыня, матушка!
Мнѣ ня выбрать саматѣ,
Если Богъ не выберить,
Гасударъ не пажалутѣ».

На погостъ ѣдетъ женихъ среди своей «поѣзды», въ однихъ саняхъ съ «подкняжѣмъ», а «дружкѣ» на всякій случай, для отвода бѣды, ѣдетъ впереди. Пріѣхавъ на погостъ, женихъ, по заведенному обычаю, катается со своей «поѣздой», а «послѣ вѣнца», какъ уже сказано, отъѣзжаетъ къ невѣстѣ.

По пріѣздѣ въ деревню невѣсты женихъ опять катается съ «поѣздой» по деревнѣ, пока невѣста закусывается со своими «поѣзжанами». Затѣмъ, невѣсту надѣлаютъ еще

¹⁾ «Жѣтнае» (житное) = ячменное; «жѣто» = ячмень. Здѣсь указано «житное» тѣсто, можетъ быть, вслѣдствіе созвучія съ словомъ «жить», такъ какъ все идетъ «въ житьѣ», къ прибыли. ²⁾ «честь держать надъ к.-л.» = почитать к.-л. ³⁾ «на комани» = на боня; въ разговорѣ не употребляется.

ратъ. Надѣляютъ ее «сѣзнова» вѣ: и родители, и «порѣда», и знакомые, и женихова «поѣздѣ». Приходитъ надѣлять невѣсту и самъ женихъ съ «подкнѣжнѣ»; надѣляютъ и уходятъ.

Накатавшисѣ дѣ-сыта, женихъ съ «поѣздѣй» стоняють своихъ лошадей на дворѣ къ невѣстѣ. Тутъ приходитъ въ ѣзбу, гдѣ сидитъ невѣста за столомъ съ «бойрками», «тысяцкѣй съ пирогомъ»; положить «пирѣгъ» на столъ, на «пирѣгъ» денегъ и садеть за столъ. Приходитъ еще «дружкѣ». Какъ только «дружкѣ» въ ѣзбу, «бѣльшая бойрка» спрашиваетъ его:

— «Абъ чѣмъ ¹⁾ ты хѣдишь: абъ мѣсти, аль абъ невѣсти, нль объ насъ, гѣрдыхъ байрынникъ?»

— «Я хажу,—скажетъ «дружкѣ»,—и абъ мѣсти, и абъ невѣсти, п абъ васъ, гѣрдыхъ байрынникъ. Я прихажу въ васъ ²⁾ мѣсто пакупать».

«Бойрка» отвѣчаетъ: «видъ ³⁾ въ насъ ⁴⁾ княгиня дѣрыга: аднѣ бровь ⁵⁾ сто рублѣвъ, а самѣй и цанѣй ⁶⁾ нѣту!»

«Дружкѣ» вынимаетъ сейчасъ изъ кармана пѣсть «мѣдякѣвъ ⁷⁾ и «хлопъ» на столъ.

— «Нѣ, говорятъ «бойрки», вы люди багатѣи, въ васъ шѣпки рагатѣи; а мы люди бѣдныи, въ насъ варѣты мѣдныи, мы ѣтакимъ жалѣзымъ и лашадѣй не куѣмъ. Пахадѣ-тка на ѣзбѣищу, сѣдъ-ка на сталбѣище, да подкрѣпѣй ⁸⁾-тка свѣй лаптѣищи, тагдѣ апѣтъ прихадѣ!»

Нечего дѣлать, беретъ «дружкѣ» деньги взадъ и выходитъ за порѣгъ; мало стѣдѣ, опять приходитъ. Ему говорятъ:

— «У насъ вотъ вѣстроинѣ тѣримъ съ чѣтырѣмъ углѣмъ, а крѣшки нѣту; такъ накрѣй-ка!»

Тутъ «дружкѣ» кладетъ на столъ бумажку (конечно, денежную).

— «Ну да видъ ⁹⁾, замѣчаютъ «дружкѣ», крѣшку нѣдо гвоздѣимъ прикалатѣтъ, а то вѣтрѣимъ яѣ сарѣветъ».

Здѣсь «дружкѣ» кидаетъ на бумажку нѣсколько «мѣдякѣвъ» или серебра. Тогда «бѣльшая бойрка» обираетъ деньги (впослѣдствѣи онѣ отдаются невѣстѣ) и выходитъ со всѣми «бойрками» изъ-за стола; остается за столомъ только одна невѣста ¹⁰⁾.

Теперь «заступаетъ» ¹¹⁾ за столъ женихова «поѣздѣ», а самъ женихъ подходитъ къ невѣстѣ, становится съ ней рядомъ и беретъ ее за руку. Всѣ стоятъ: молодѣе съ «поѣздѣй» за столомъ, а «бойрки» и остальные «на ѣзбѣ» ¹²⁾. Тутъ «подкнѣжнѣй» да еще какой-нибудь другой «поѣзжѣиннѣй» подходитъ къ невѣстѣ, берутъ большой платокъ за два угла и держатъ его, распусая, сзади невѣсты съ двумя зажженными вѣнчальнымъ свѣчами, а «свѣшка» (женщина) расплетаетъ невѣстѣ косѣ, дѣвичью красѣ.— Въ это время братъ невѣсты беретъ «нѣжикъ», становится къ стѣнѣ и, «пилюкая» ¹³⁾, кричитъ: «касѣ рѣжу, касѣ!» А «бойрки» жалостно затыгиваютъ:

Братъ сястрѣй,
Не терѣй ¹⁴⁾ касы:

Ѣта касѣ
Сто рублѣй дана!

Тутъ «подкнѣжнѣй» подходитъ къ брату и даетъ ему денегъ, и братъ перестаетъ «рѣзатъ касѣ».—А «свѣшка», зная, дѣлаетъ свое дѣло; расплела и ужъ заплетаетъ теперъ невѣстину головушку на двѣ косы, «по-молодѣишѣму», и одѣваетъ ей на голову «бѣбѣй» ¹⁵⁾ (замужнѣй) нарядъ,—«повѣйникъ» ¹⁶⁾, подѣ который и прячетъ косы; сверхъ

¹⁾ «абъ чѣмъ»=объ чѣмъ. ²⁾ «въ васъ»=у васъ. ³⁾ «видъ»=вѣдъ. ⁴⁾ «въ насъ»=у насъ. ⁵⁾ «бровь»=бровь. ⁶⁾ «цанѣй»=цѣны. ⁷⁾ «мѣдякѣй»=мѣдныи деньги. ⁸⁾ «подкрѣпѣтъ», напр., лапти=починить лапти. ⁹⁾ «видъ»=вѣдъ. ¹⁰⁾ Весь этотъ обрядъ называется: «мѣсто пакупать». ¹¹⁾ «заступать»=заходить. ¹²⁾ «на ѣзбѣ»=въ избѣ. ¹³⁾ «пилюкать»=водить по одному мѣсту ножомъ. ¹⁴⁾ «терѣтъ»=портить. ¹⁵⁾ Отъ обычаи крестьянъ называть своихъ женъ «бабами». ¹⁶⁾ «Повѣйникъ»=шапочка, сшитая для будняго употребленія изъ ситцу или кумачу, а для праздниковъ изъ шѣтѣфной шелковой матеріи, преимущественно краснаго цвѣта.

«повѣйника» повязываетъ «косынку» ¹⁾. Называется все это: «повязывать невѣсту» ²⁾. А какъ «повязжутъ», такъ «невѣста» становится уже «молодѣхой».

Когда «повязжутъ невѣсту», т. е., уберутъ ея голову «по-молодѣшьему», начинаютъ невѣсту хвалить въ пѣсняхъ, а жениха хулить, «дражнить» ³⁾. Таковъ обычай.—Вотъ пѣсня въ похвалу невѣстѣ:

«Адна ягдка въ барѹ раслѣ,
Другая ягдка въ другий барѹ.
Ягдка съ ягдкой сакатѣлася,
Ягдка ягдки пакланѣлася,
Ягдка ягдки слово молвила:
«Ягдка, Марьюшка,
Гдѣ-жъ ты была?»
«Ягдка, Иванъ-жа князь,
Ва тваѣмъ садѹ». —
«Ягдка, ягдка!
Што-жъ ты дѣлала?»
«Ягдка, Иванъ-жа князь,

Ягдки брала».
«Ягдка, Марьюшка,
Ва што-жъ ты брала?»
«Ягдка, Иванъ-жа князь,
Въ тваю шѣпачку». —
«Ягдка, Марьюшка,
Каму поднесла?»
Ягдка, Иванъ-жа князь,
Тваѣму батюшки». —
То умна, то умна,
То дагдѣлива,
Нѣчива ѹмную пираѹчивать».

По окончаніи этой пѣсни, какъ говорится, «обманываютъ сыромъ»; обманываютъ всѣхъ: и «молодѣхъ» (т. е., жениха и невѣсту) и «повѣжанъ». Дѣлается это такъ. Передъ «молодыми» ставятъ чашку съ творогомъ и въ ней двѣ ложки. Какъ только женихъ или невѣста «намѣрится» взять ложку съ творогомъ въ ротъ, а «подкняжій» и «вихъ» ложку на-бокъ и останется человекъ съ открытымъ ртомъ. Ну тутъ, конечно, смѣхъ. Да, говорятъ, это и дѣлается для смѣху. Однако, «молодые» какъ-нибудь таки ухитрятся полакомиться сыркомъ. Та-же самая первоначальная неудача попробовать сыру повторяется и съ каждымъ изъ «повѣжанъ»: все «подкняжій обманываетъ. Но въ концѣ концовъ всякій самъ изловчится обмануть «подкняжаго».

Послѣ этой шутки «дражняютъ» жениха въ пѣсняхъ. Достается тутъ и «боярамъ-повѣжанамъ» за нескладнаго жениха. Поютъ:

«Вы бояры, лохавѣ!
Вы пашнямъ ѣхали,
Вы бароны ⁴⁾ вѣдили.
Чяво-жъ вы ихъ не вѣзмали
Да жанихѣ не вычесали?
Вы борымъ ѣхали,
Вы хвощъ вѣдили.
Чяво-жъ вы не-взяли
Да жанихѣ не вѣмили?»

Или еще:

«Марьюшка—ягдка наливная,
А подаѹвка скарѹзлая—Иванъ Максимовичъ.
Марьюшка, атадѣвѣйся!
Ѣнъ на твой жанишѣкъ;
Ѣнъ карѣвій пастушѣкъ.
Ѣнъ и въ поля гаяль,
Сумѹ валачиль
И кусѣчки зыбираль».

¹⁾ «Косынка»—грехугольный платокъ. ²⁾ Такъ принято ходить у насъ молодымъ замужнимъ женщинамъ. Совсѣмъ недавно вышелъ изъ употребленія высокій «кокшникъ», исключительно праздничное украшеніе молодыхъ женъ. ³⁾ «дражнить» = дразнить.

⁴⁾ «бароны»=бароны отъ борона: известное замедѣльческое орудіе съ зубцами.

Послѣ какъ «подрѣжнать» жениха, ведутъ «молодыхъ» съ «подкняжимъ» кормить обѣдомъ въ отдѣльную, такъ называемую «отхѣжую» избу ¹⁾, а «поѣзжанъ» и всѣхъ остальныхъ гостей кормить въ другой избѣ.

Теперь «боярки» начинаютъ «обыгрывать» обѣдающихъ, т. е., онѣ поютъ пѣсни жениху или «поѣзжанину» аль просто званому гостю, а тотъ за такой почетъ даетъ имъ денегъ. Принимаетъ деньги «первая боярка» и кланяется давшему, а съ ней кланяются и всѣ «боярки».—Для «обыгрыванья» есть разныя пѣсни: особыя жениху и «поѣзжанамъ», особыя холостой «поѣздѣ» и особыя простому гостю. Поются «боярками» эти пѣсни, стоя кучей въ избѣ, съ приплясываньемъ.

Жениху и женатымъ «поѣзжанамъ» поютъ «вѣрьбинка кудрява» и «даліина-ль май даліинушка». Въ первой пѣснѣ воспѣвается задушевная ласка жены, ея нѣжная привязанность къ своему милому мужу. Все это относится къ обыгрываемому и его женѣ.

«Вѣрьбинка кудрява—
Микалай Сямёновичъ ²⁾.
Вырастала вѣрьбинка
Ва зялёнымъ лѣзнички;
Расцвѣтала вѣрьбинка
Въ зялёнымъ садикѣ.
Ка ётай ка вѣрьбинки
Пригулила баарыня,

Явѣ маладѣ жанѣ,
Анна Ляксѣевна ³⁾;
Вѣрьбинку наклѣнила,
Макѣвушку слѣмила,
На рѣчку палѣжила:
«Какъ ёта вѣрьбинка
На рукѣ лягѣшинька,
Живатѣ милѣшинька!»

Во второй пѣснѣ восхваляется житейская мудрость жены: ея удивительное умѣнье жить въ ладу со своимъ мужемъ, и въ концѣ рисуется картина родительскаго счастья.—Въ пѣснѣ разсказывается, какъ одинъ удамый молодецъ вздумалъ почваниться надъ своею женой и похвастаться передъ другими ея послушностью, просилъ ее поднять будто бы нечаянно уроненныя имъ съ лошади шляпу пуховую и плетку шелковую; и какъ жена съ неподражаемымъ, чисто женскимъ, искусствомъ съумѣла отклонить отъ себя, съ обидѣніемъ своего достоинства и съ сохраненіемъ достоинства своего мужа, эту неестественную для нея мужнину потѣху. Поводомъ уклониться отъ мужней шутки послужило оруженіе дитяти, ихъ теперешней и будущей отрады. Значитъ, источникъ согласія между супругами въ ихъ общей любви къ дѣтямъ.

«Даліина-ль май, даліинушка!
Раздѣліяе ширѣкае!
Па ётуй па даліины
Сивагрѣвый конь бяжить.
Добрая лѣшадь
Занѣздына, застѣдына;
На канѣ сидитъ
Добъ ⁴⁾ мѣладицъ
Микалай Сямёновичъ ⁵⁾;
Ётъ чвѣница, ламѣница,
Свайѣ жандѣ выдварѣница ⁶⁾
«Жанѣ-ль май, баарыня,
Вранѣль ⁴⁾ плѣтку шилкавѣю,

Ящѣ шляпу пухавѣю;
Падаѣ шляпу пухавѣю,
Падаѣ плѣтку шилкавѣю!»
«Ня-лѣдѣ, ня-лѣдѣ, ня слѣшю!
За стѣликомъ сѣжѣ, за дубѣвымъ
И за скѣтирѣямъ за бранѣнымъ
И за ёствамъ сахѣрнымъ;
Дитѣ карѣмѣю кахѣну
Таѣ, князю, дѣи выѣзду,
А мнѣ мѣлодѣ для выѣхѣду.
Людѣ бѣдутѣ намѣ свѣтыца,
А мы бѣдимѣ чвѣница».

¹⁾ Крестьянскія избы строятся у насъ «связью»: одна изба противъ другой; соединяются онѣ сѣнями. Живутъ, обыкновенно, въ одной избѣ и называется она «жи-зницей», другая служить кладовой и называется «отхѣжей» избой. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ—свадьба, похороны, поминки, и «отхѣжая» изба обращается въ «жилѣю». для примѣра. ²⁾ для примѣра. ³⁾ «добъ»=добрый, хорошій. ⁴⁾ для примѣра. «выдварѣться»=хвастаться. ⁵⁾ «вранѣть»=уронить.

Холостому «поѣзжанину» поется: «хто-жь у насъ харѣшникій?» Начинается пѣсня хвалою щеголеватому красавцу-младцу и заканчивается нѣжной лаской голубушки-дѣвушки при встрѣчѣ съ своимъ милымъ послѣ томительной разлуки:

«Хто-жь у насъ харѣшникій,
Хто-жь у насъ пригожиникій?

Михайла Иванычъ ¹⁾).

Енъ хѣрашо ходять,
Манѣрно ступають,
Сапогъ не ламають,
Каблукъ не сбивають.
Под-лугу, лужечку,
Лугу зялянджу
Младлицъ гуляють;
Енъ коня имаютъ ²⁾,
А конь съ нмъ играють;
На каня садица,
А конь висалица;

Енъ плѣтычкуй машпть,
А конь подъ нмъ пляшпть;
Къ саду падыажняють,
Садикъ расцвѣтають,
Падружка встрѣчають:
«Падѣ, мой харѣшнѣй!
Падѣ, мой пригожнѣй!
Всю я ночь не спала,
Перѣнушку слала,
Згалоуѣце клала!
Згалоуѣе вкладала,
Слязѣмъ обливала,
Тябя не даждала!»

Свадебная пѣсня простому гостю: «А хто-жь у насъ званный гѣсьть?» Въ ней говорится о томъ почетѣ, который всюду сопровождаетъ этого гостя:

«А хто-жь у насъ
Званный гѣсьть?
Яхнѣ Митривичъ ³⁾.
Въ любви позвана,
Въ чести посажена
За дубовымъ столикомъ,
За ѣствамъ сахарными,
За медамъ абарными ⁴⁾).

Шалковая бардушка,
Сяребринный усѣкъ!
Вадѣли бароду,
Па нпрѣмъ, бясѣдушкамъ,
Всѣ па званнымъ свадибокѣмъ;
Честавѣли бараду,
Всѣ сытѣи да пѣтыкуй.

Особая пѣсня поется тысяцкому:

«У насъ тысячнѣй харѣшникій,
У насъ тысячнѣй пригожиникій:
Барада шалковая,
Усѣкъ сяребринный;
Въ чести посажена
За дубовымъ столикомъ,
За ѣствамъ сахарными,
За медамъ абарными.
«Ты паслѣшнѣй, тысячнѣй,

Што табѣ играють игрѣцы,
Мыладѣи дѣвицы!
Захатѣли игрѣцы
Съ тебе падарачковъ:
Канхѣтъ да прѣнянничковъ,
Да пивца па ковшичку,
Да винца па чѣрычки
Да па златѣй грѣвинки.

Въ это время тысячнѣй раскошеливается, а пѣвицы продолжаютъ:

«Не услѣзли игрѣцы
Пѣсьни сыпѣтъ,
Атъ явѣ дарѣ пашлѣй,
Всѣ падарки чѣстыи,
Паклоны нѣзкѣи».

¹⁾ для примѣра. ²⁾ «имать» = ловить. ³⁾ для примѣра. ⁴⁾ «абарный» = обарный отъ обаривать (ошпаривать горячей водой).

Кончится обѣдъ, кончится и «обѣгрыванье».—Послѣ обѣда живо собираются и ѣдутъ къ жениху. Снаряжаютъ родители свою милую доченьку не въ дальнюю путь-дороженьку, въ рѣдкое свиданіице, въ частое цѣлованіице.—Теперь-же везутъ и невѣстину «добро». Къ жениху ѣдетъ двѣ «поѣзды»: его «поѣзда» и невѣстина. «Молодые» садятся въ однѣ сани и ѣдутъ въ серединѣ всей поѣзды.—Надѣльный образъ беретъ къ себѣ «подняжій», если не гораздѣ хмѣленъ, а то «дружкѣ», или кто изъ поѣзжанъ потверезѣй¹⁾; а не окажется такого, такъ беретъ къ себѣ и самъ женихъ.

На дорогѣ въ попутныхъ деревняхъ «жйхари»²⁾ выходятъ смотрѣть свадьбу. Ребятишки первые поджидаютъ ее, высматриваютъ издали; и чуть завидятъ, кричатъ во все горло: «свадьба ѣдитъ! свадьба ѣдитъ!» Тутъ выбираютъ на улицу мужики и бабы и стануть всѣ около дороги. Какъ только свадьба поравняется съ толпой, бабы начинаютъ «играть пѣсни». Свадьба останавливается. Мужики, какъ не занятые ни чѣмъ, придвигаются поближе; кто здороваается съ знакомыми, а кто просто смотритъ «молодыхъ». «Дружкѣ» въ это время соскакиваетъ съ саней, подходитъ къ жениху и подставляетъ ему свою шапку, тотъ кидаетъ туда денегъ и изъ мѣшка сыплетъ, «солодовѣхъ орѣховъ»³⁾. Кончатъ бабы пѣсню, «дружкѣ» подходитъ къ нимъ, поклонится низенько, чинъ-чиномъ, и скажетъ: «малое примѣти, а на большее не судити!» Здѣсь какая-нибудь баба подставляетъ ему передникъ, а не то и прямо подбѣль, и онъ «грохъ» ей туда изъ шапки деньги и орѣхи, и свадьба ѣдетъ дальше. Бабы деньги берутъ себѣ, а орѣхи раздають ребятишкамъ.

Дома у жениха встрѣчаютъ «молодыхъ» батька и matka съ «образомъ», съ хлѣбомъ и солью. «Молодые» поцѣлуютъ икону, перецѣлуются съ родителями и примутъ хлѣбъ-соль на-руки. «Молодыхъ», обыкновенно, ждуть въ избу черезъ дворъ⁴⁾. Въ сѣняхъ ихъ осыпаютъ «хмѣлемъ и житомъ»; «житомъ», чтобы жилось долго, а «хмѣлемъ», чтобы жилось весело.—Здѣсь-же, въ сѣняхъ, начинаютъ «дражнить» невѣсту подобно тому, какъ у невѣсты «дражнили» жениха. Ей поютъ:

«Ты падѣ, спесѣвая!
Ты падѣ, ламлѣвая!
Не мы тебѣ свѣтали,
Ты сама набивалася,
Въ вараѣхъ настаялася,
Въ калѣчко набрячалася!»

Намекается въ иныхъ припѣвахъ насчетъ близкихъ уже брачныхъ отношеній невѣсты къ своему суженому.

Справятъ дѣдовскій обычай, «подрѣзнятъ» невѣсту, и ведутъ ее, жениха, «подкняжаго» «свѣшекъ»—мужчинъ и «свѣшекъ»—женщинъ въ «отходжую» избу «давать обѣдать», а всѣ другіе обѣдаютъ въ «жилѣй» избѣ.—Тутъ гостямъ подносятъ по два ковши вина и ставятъ кушанья, а «боярки» начинаютъ снова «обѣгрывать» всѣхъ, какъ было у невѣсты. Послѣ обѣда раздается всѣмъ по кусочку «кѹрникъ». Это жареная курятина, которую привозитъ съ собой невѣста. Раздаетъ «кѹрникъ» женихова matka.—Пока отправятъ этотъ обѣдъ (отъ невѣсты-то прѣзжаютъ поздравато), смотришь, и спать пора. А кто стелетъ «молодымъ» постель, тому невѣста даритъ поясъ.

На другой день послѣ свадьбы «молодые» идутъ вмѣстѣ пиво цѣдить и этимъ пивомъ подчуютъ сначала свекра и свекровь; а потомъ и остальныхъ гостей. Послѣ-же

¹⁾ «тверезый»=трезвый. ²⁾ «жйхарь»=жилецъ, житель. ³⁾ «Солодовѣ орѣхи»—это ватышкй изъ солодоваго тѣста. У жениха всегда всегда находится въ саняхъ мѣшочекъ съ этими орѣхами «на потѣху» ребятишкамъ. Они замѣняютъ лавочные гостинцы, такъ какъ солодовое тѣсто тоже сладко. Выходитъ и дешево, и сердито ⁴⁾ «Скотскій дворъ» у насъ пристраивается рядомъ съ избами. Изъ сѣней есть ходъ во дворъ.

этого «молодые» съ крестнымъ батькой жениха и съ его крестной маткой ѣдутъ на «атводини» къ родителямъ невѣсты. «Обѣдаютъ» тамъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ родителями невѣсты ѣдутъ «обѣдать» къ жениховымъ родителямъ въ тотъ-же день, а за-гостятся, такъ и на другой¹).—Этими «атводинами» и кончается празднество Мари-пчельской крестьянской свадьбы.

М. Успенскій.

¹) Если невѣста окажется потерявшею свое дѣвство раньше замужества и женихъ этого не скроетъ, то «сватамъ» (родителямъ невѣсты) надѣваютъ хомуты или за обѣдомъ подають дырявыя ложки. Если-же все по хорошему, то радости нѣтъ конца и тогда пируютъ на славу.

Нѣсколько параллелей Финскихъ сказокъ съ Русскими и прочими Славянскими.

Финскому Литературному Обществу въ Гельсингфорсъ, которое съ самаго своего основанія въ 1831 г. и въ особенности въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій съ особеннымъ стараніемъ заботилось о разысканіи произведеній финской народной поэзіи и изданіи ихъ въ печати, удалось приобрести себѣ запасъ образцовъ произведеній финскаго народнаго творчества числомъ до 200,000 и среди ихъ 20,000 народныхъ сказокъ. Изъ послѣднихъ изданы до сихъ поръ подъ редакціею К. Крона сказки о животныхъ и часть мифическихъ сказокъ (въ 1893 г.) подъ заглавіемъ „Suomalaisia kansansatuja II, Kuninkaallisia satuja I“ (Финскія народныя сказки II ч., Сказки о короляхъ I ч.) въ многочисленныхъ вариантахъ, записанныхъ по всей области финскаго населенія.

Мы намѣрены представить нѣсколько образцовъ финскихъ сказокъ, съ указаніемъ главныхъ особенностей ихъ въ Финляндіи. Въ обзорѣ характеристическихъ чертъ каждой сказки, который мы составимъ изъ вариантовъ какъ помѣщенныхъ въ упомянутомъ выше сборникѣ, такъ и присланныхъ Обществу послѣ выхода этой книги, мы, главнымъ образомъ, будемъ обращать вниманіе на тѣ черты, которыя имѣютъ значеніе для сравнительнаго изслѣдованія народныхъ сказокъ. Съ тою же цѣлью мы будемъ приводить въ каждой сказкѣ списокъ извѣстныхъ намъ какъ русскихъ, такъ и другихъ славянскихъ вариантовъ.

Три диковинки и волшебныя яблоки.

Санктъ-Михельская губ., Йоройненъ; Suomal. kansansatuja II, 1, № 8а, стр. 39.

Три брата, всѣ трое солдаты, охотятся развели огонь и расположились вокругъ него. Въ продолженіе трехъ ночей къ нимъ приходитъ старикъ и въ награду за указаніе пути даетъ каждому изъ нихъ по волшебному предмету: младшему неистощимый кошелекъ, среднему скатерть-самобранку и старшему плащъ-невидимку. Возвращаясь съ охоты младшій покупаетъ въ подарокъ своимъ братьямъ по постоянному двору, самъ же идетъ свататься за королевскую дочь, которая похищаетъ у него какъ кошелекъ, такъ и полученные отъ братьевъ скатерть и плащъ. Солдаты, переодѣвшись продавцомъ, продаетъ королевнѣ-воровкѣ крупныя, найденныя имъ на одномъ островѣ яблоки, имѣющія волшебное свойство превращать въ бѣлую лошадь, если ѣшь одно яблоко, и выращать на головѣ большіе рога, если ѣшь два. Съ помощью другихъ, болѣе мелкихъ яблоковъ, возвращающихъ человѣческой видъ, онъ, переодѣтый уже иностраннымъ врачомъ, излѣчиваетъ королевну и получаетъ за это обратно диковинки, королевну же беретъ себѣ въ жены.

Сказка о трехъ диковинкахъ и волшебныхъ яблокахъ встрѣчается одинаково часто во всѣхъ частяхъ Финляндіи. Западно-финляндскіе и восточно-финляндскіе варианты этой сказки во многомъ отличаются другъ-отъ-друга. Во всѣхъ вариантахъ диковинки получаютъ три брата, почти всегда солдаты, лишь въ восточныхъ частяхъ страны говорятъ иногда объ одномъ человѣкѣ, получающемъ вещи. О томъ, какъ достаются вещи почти во всѣхъ западныхъ частяхъ Финляндіи, говорится какъ въ приведенномъ выше вариантѣ, на востокъ же большею частью не говорится о томъ, какъ братья сторожили у огня, а старикъ даетъ вещи въ благодарность за табакъ или, что рѣже, солдатъ похи-

щастъ диковинки отъ чертей, дерущихся изъ-за нихъ. Какъ братьевъ, такъ и чудесныхъ вещей три, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ одна или двѣ. Между ними всюду встрѣчается неистощимый кошелекъ, довольно обыкновенно также шляпа (шапка) невидимка, рѣже камень; плащъ невидимка встрѣчается только въ изложенномъ вариантѣ.

Въ 16-ти вариантахъ (изъ 50) является еще скатерть—самобранка (салфетка, простыня) и въ 20-ти мечъ (палка), изъ котораго выходятъ войска или который избиваетъ, сколько пожелаешь, враговъ. Плащъ (коверь)—самолетъ, который въ вариантахъ другихъ странъ часто бываетъ въ числѣ чудесныхъ вещей, въ Финляндіи рѣдокъ. 4 раза замѣняетъ его мѣсто корабль, плавающий по сушѣ и по морю. Теряетъ всѣ диковинки въ большинствѣ случаевъ младшій братъ, только въ двухъ вариантахъ теряетъ свою вещь каждый изъ братьевъ, нѣсколько чаще младшій съ самаго начала получаетъ отъ старика всѣ три вещи. Въ роли воровки въ западныхъ частяхъ Финляндіи выступаетъ всегда королева, и обыкновенная, въ вариантахъ Финляндіи восточной, лишь на дальнемъ востоцѣ, въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ говорятъ иногда о дочери императора или царя *). Потерянные вещи возвращаются всегда съ помощью плодовъ, приносящихъ необыкновенныя послѣдствія. Что касается рода плодовъ, то въ этомъ западно-финляндскіе варианты ясно отличаются отъ восточно-финляндскихъ. На самомъ западѣ говорятъ всегда о яблокахъ, въ восточной Финляндіи и въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой—за исключеніемъ немногихъ вариантовъ о ягодахъ (русская форма), въ среднихъ же частяхъ страны яблоки и ягоды встрѣчаются одинаково часто. Плоды всюду производятъ рога, иногда же вдобавокъ дѣлають волосатымъ. Цѣлебные плоды, уничтожая рога, въ восточныхъ вариантахъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ красоту (русская форма) Силу плодовъ солдатъ узнаётъ собственнымъ опытомъ и находитъ ихъ большею частью на далекомъ островѣ, куда онъ попадаетъ въ лодкѣ, отдавшись на волю вѣтра, рѣже въ лѣсу или въ саду. Они не всегда продаются королеви, а такъ-же часто дарятся ей. Эта часть сказки въ восточной Финляндіи имѣетъ нерѣдко слѣдующій видъ: ягоды или яблоки, сообщающія красоту, солдатъ даетъ сначала прислугѣ королевны и, возбудивъ къ нимъ этимъ путемъ вниманіе королевны, продаетъ или даритъ ей другія съ противоположной силой. Переодѣвается врачомъ солдатъ во всѣхъ вариантахъ, но не всѣ они оканчиваются его свадьбою съ королевой.

Разсказъ о чудесныхъ плодахъ не разъ сплетался въ Финляндіи со сказкою „о волшебной запискѣ подъ крыломъ птицы“, но рѣдко при этомъ сохранились вмѣстѣ яблоки и рога, чаще встрѣчаются трава, превращающая въ лошадь, и ягоды, то дѣлающія рогатыми, то превращающія въ животное (въ медвѣдя, тигра).

Мы встрѣчали эту сказку въ слѣдующихъ сборникахъ русскихъ сказокъ: Аванасьевъ, Нар. русск. ск. (2 изд., 1873), Т. II, № 113а, б, с, стр. 138—150 съ вариантами; Эрленвейнъ, Нар. русск. ск., стр. 26 и 40; Изв. Имп. Общ. люб. ест., антр. и этн. Т. XXX, Вып. 2, № 5, стр. 230; Худяковъ, Великор. ск. I, стр. 40; Шейнъ, Мат. для изуч. быта и яз. русск. нас. Сѣверо-запад. края. Т. II, № 78, стр. 163; Романовъ, Вѣлор. сб. Вып. III, № 23, стр. 181; № 24, стр. 186; № 25, стр. 192; Гринченко, Этнogr. мат. Вып. II, № 184, стр. 258.

Разсказъ о чудесныхъ яблокахъ, вошедшій въ составъ сказки „о волшебной запискѣ подъ крыломъ птицы“, находитсѣ:

У русскихъ: Аванасьевъ, Т. II, № 115, стр. 162; Худяковъ, Вып. I, стр. 105; Садовниковъ, Ск. и пред. Сам. кр. № 22, стр. 108; Добровольскій, Смол. этн. сб. ч. I, № 27, стр. 561; Ястребовъ, Мат. по этн. Новор. края. № 16, стр. 148; Гринченко, № 183, стр. 247.

У другихъ славянскихъ народовъ: Krauss, Sagen und Märchen der Südslaven № 39, стр. 187; Haldau, Böhmisches Märchenbuch, стр. 90.

*) При изслѣдованіи финскихъ сказокъ употребленіе названія короля или императора (царя) имѣетъ значеніе. Если сказка перешла въ Финляндію съ Востока, то даже въ самыхъ западныхъ частяхъ страны можно встрѣтить въ ней названіе императора, въ случаѣ же перехода сказки съ Запада „король“ обыкновененъ въ ней и въ восточной Финляндіи.

Мужъ ищетъ свою жену.

Улеаборгская губ. Пинпола; *Suomalaisia Kansansatuja*. II, 1, № 12, стр. 77.

Три дѣвицы, обратившись въ птицы, прилетаютъ въ опредѣленную ночь каждаго лѣта на ниву богатаго крестьянина и, сбросивъ свою птичью одежду, топчутъ хлѣбъ. Три крестьянскихъ сына по очереди сторожатъ ниву. Младшему удается похитить одну изъ птичьихъ одеждъ и онъ не возвращаетъ ее дѣвицѣ, пока та не соглашается сдѣлаться его женою. Король, въ восхищеніи отъ ея неописанной красоты, задаетъ крестьянскому сыну три задачи: въ одну ночь срубить всѣ деревья большого дубоваго лѣса, другую опять поднять ихъ, а кромѣ того отыскать ключи отъ крѣпости, пропавшіе еще при его дѣдѣ. Совершивши съ помощью жены двѣ первыя задачи, во время исполненія третьей онъ падаетъ съ лошади въ незнакомой странѣ, потому что, не смотря на запрещеніе жены, оглядывается. Жена, считая мужа погибшимъ, улетаетъ за черное и бѣлое моря въ подводный дворецъ въ красномъ морѣ. Наконецъ мужъ возвращается и отправляется въ поиски за женою, взявъ обманомъ шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и мечъ-самосѣкъ у 3 человѣкъ, дерущихся изъ-за нихъ. Двѣ дѣвицы, перевозившія его черезъ бѣлое и черное моря, требуютъ себѣ въ награду обѣ его руки, но онъ съ помощью шляпы-невидимки избавляется отъ нихъ. Третья дѣвица на берегу красного моря, чтобы узнать для него о подводномъ дворцѣ, созываетъ всѣхъ птицъ и рыбъ. Одинъ китъ знаетъ о немъ и на своей спинѣ везетъ туда человѣка. На крыльяхъ жены они возвращаются къ нему домой.

Кромѣ 47 вариантовъ этой сказки, находящихся въ упомянутомъ выше сборникѣ, въ рукописяхъ, присланныхъ Обществу послѣ его выхода, мы нашли еще 20 вариантовъ. Слѣдовательно, это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ сказокъ въ Финляндіи и одинаково распространена во всѣхъ частяхъ ея. Естественно, что такая сложная сказка подверглась многимъ измѣненіямъ. Она почти всегда начинается такъ, какъ и въ изложенномъ нами вариантѣ, лишь съ тою вариацией въ восточныхъ частяхъ, что дѣвицы прилетаютъ не топтать хлѣбъ, а купаться, и въ этомъ случаѣ онѣ всегда являются, въ видѣ водныхъ птицъ, лебедей или гусей. Въ нѣсколькихъ вариантахъ западной Финляндіи крестьянскій сынъ за то, что въ продолженіе 3 ночей сохраняетъ въ чистотѣ данную королевной тарелку или твердо выдерживаетъ другія испытанія чорта и этимъ избавляетъ королевну отъ него, получаетъ ее себѣ въ жены. Родъ птицъ въ западныхъ частяхъ страны не точно опредѣленъ; нерѣдко говорятъ, что дѣвицы прилетаютъ къ нивѣ. Число дѣвицъ, такъ же какъ и братьевъ, всегда три, время же, въ которое онѣ топчутъ поле, если оно точно обозначено, — Иванова ночь. Что касается того, какимъ образомъ человѣкъ теряетъ свою жену, то въ западной и средней Финляндіи всегда говорится о королевскихъ задачахъ и о паденіи крестьянскаго сына съ лошади во время поисковъ ключей. на востокъ же рассказъ часто видоизмѣняется введеніемъ въ сказку слѣдующаго эпизода: человѣкъ долженъ три раза прийти въ церковь на свиданія съ женой и бодрствовать до ея прихода, но кодуны всякій разъ усыпляетъ его волшебной иглой, вслѣдствіе чего королевна удаляется отъ него и оставляетъ письмо, въ которомъ наказываетъ ему искать себя. Въ западной и южной Финляндіи задачи назначаетъ отецъ королевы, сѣвернѣ чужой король, самъ желающій жениться на прекрасной женѣ человѣка. Самыя задачи большею частью именныя тѣ, о которыхъ говорится въ изложенномъ образцѣ съ тѣмъ измѣненіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, что двѣ первыя, имѣющія менѣе важное значеніе въ сказкѣ, иногда забываются. Падаетъ съ лошади человѣкъ не всегда вслѣдствіе нарушенія запрета оглядываться, иногда это происходитъ отъ того, что лошадь пугается сторожившихъ у воротъ льва или медвѣдя. Иногда мотивъ къ паденію усиливается тѣмъ, что звѣри ударяютъ лапами лошадь. Рассказъ о трехъ моряхъ: бѣломъ, черномъ и красномъ (рѣдко синемъ) и о трехъ длинно-носыхъ женщинахъ, перевозившихъ черезъ нихъ, на востокъ встрѣчается рѣже, и всегда въ болѣе или менѣе блѣдныхъ чертахъ. Отъ этихъ женщинъ человѣкъ избавляется иногда, не прибѣгая къ помощи чудесныхъ вещей, но его спаса-

ютъ (въ особенности въ западныхъ вариантахъ) три звѣря: медвѣдь, левъ и волкъ или тигръ (братья королевны, превращенные въ животныя), на другомъ берегу каждаго моря, раздирающіе на куски перевозящую женщину. Въ вариантахъ, въ которыхъ говорится о чудесныхъ вещахъ, человѣкъ или похищаетъ ихъ отъ спорщиковъ или присваиваетъ себѣ другимъ образомъ, напр., крадетъ изъ разбойничьяго дома. Между вещами всюду встрѣчаются сапоги-скороходы и шляпа- (шапка-) невидимка; что-же касается третьей вещи, то она большею частью или мечъ-самосѣкъ или скатерть-самобранка. Старуха спрашиваетъ у птицъ о дворцѣ приблизительно въ десяти вариантахъ, но не всегда рыба увозитъ человѣка туда на своей спинѣ.

Изъ славянскихъ вариантовъ этой сказки намъ извѣстны:

У русскихъ: Аванасьевъ, IV, стр. 173; Эрленвейнъ, стр. 108, 139 и 145; Худяковъ, I, стр. 60; III, стр. 109; Шейнъ, Т. II, № 136, стр. 285; Рудченко, Нар. южнор. ск., Вып. II, стр. 114; Чубинскій, Труды этн.-стат. экспед. въ зап. русск. край. Юго-зап. отд. Матер. и изслѣд., Т. II, № 4, стр. 15; № 55, стр. 195; № 95, стр. 358; № 109, стр. 390.

У другихъ славянскихъ народовъ: Krauss, № 76, стр. 315; № 81, стр. 352; № 88, стр. 397; № 89, стр. 409; Töeppen, Aberglauben aus Masuren, Anhang, стр. 140; Wenzig, Westslaw. Märchenschatz, стр. 69; Wuk Karadschitsch, Volksmärchen d.Serben, № 4, стр. 25; Стефановиѣ, Српске нар. приповѣдке, № 16; Veljavec, Narodne pripovjedke, № 6, стр. 29; стр. 104; въ Archiv für slav. Philologie, T. V, стр. 45—46 упоминается еще нѣсколько вариантовъ.

Разсказъ о дѣвцахъ, прилетающихъ въ видѣ птицъ купаться къ морю, находится еще: Аванасьевъ I, стр. 282; Эрленвейнъ, стр. 169; Романовъ, Вып. III, № 21 стр. 172; Чубинскій, стр. 243; Драгомановъ, Малор. нар. пред. и разказы, стр. 278.

Эпизодъ о трехъ чертяхъ, спорящихъ о чудесныхъ вещахъ, встрѣчается также: Аванасьевъ II, № 107, стр. 99; II, № 115, стр. 158; Изв. Имп. Общ. Люб. ест., ант. и этн. Т. LXIX, Труд. этн. отд. Т. XI, Вып. I, № 2, стр. 166; № 7, стр. 176; № 8, стр. 178; Эрленвейнъ, стр. 139; Садовниковъ, № 7, стр. 52; Романовъ, Вып. III, № 24, стр. 186; № 25, стр. 192; Добровольскій, ч. I, № 27, стр. 561; Чубинскій, № 8, стр. 37; № 14; стр. 70; № 52, стр. 172.

Королевичи съ золотыми волосами и руками.

Або.—Бьернеборская губ., Ryobecu, Suomal. kansansatuja II, 1, № 1, стр. 1.

Три дочери бѣднаго крестьянина обѣщаютъ королю, если онъ женится на нихъ: старшая прокормитъ королевскія войска однимъ ржанымъ зерномъ, средняя однимъ льнянымъ сѣмечкомъ одѣть ихъ, младшая же родитъ королю 12 сыновей съ золотыми волосами и руками. Король женится на младшей. Во время его отлучки на войну родятся королевичи. Сестры изъ зависти поджигаютъ письмо, отправленное къ королю съ извѣстіемъ о рожденіи сыновей, другимъ: „королева родила 12 щенковъ“. Точно также поджигается письмо короля: „щенковъ надо сохранить до моего пріѣзда“, такимъ: „королеву и королевичей приказываю убить“. Сжалившись относятъ 11 королевичей въ чашу, королеву же и старшаго королевича спускаютъ въ бочкѣ въ море. Бочка пристаетъ къ пустынному острову, гдѣ, благодаря волшебной силѣ, полученной королевичемъ во снѣ, является громадный торговый городъ и въ немъ великолѣпный дворецъ. Король, узнавъ отъ одного капитана объ этомъ городѣ и о королевичѣ съ золотыми руками, собирается съѣздить туда, но старшей сестрѣ королевы удается отговорить его. Въ концѣ концовъ онъ все-таки отправляется на островъ и находитъ жену съ 12 сыновьями: старшій волшебною силою возвратилъ къ себѣ своихъ братьевъ. Сестеръ бросаютъ въ бочкѣ въ море.

Сказка эта встрѣчается въ Финляндіи всюду, впрочемъ чаще въ восточныхъ частяхъ страны, въ Архангельской-же и Олонецкой губерніяхъ она особенно обыкновенна. Начинается она всегда разсказомъ о 3 сестрахъ, изъ которыхъ младшая обѣщаетъ ко-

ролю родить сыновей съ золотыми руками и серебрянными ногами, или съ луною на лбу и съ солнцемъ на макушкѣ, или золотыхъ дѣтей. Общанія старшихъ сестеръ большею частью тѣже, что и въ изложенномъ вариантѣ. Иногда впрочемъ по аналогіи говорится объ общаніяхъ всѣхъ сестеръ родить сыновей съ особенными, только не одинаковыми качествами. Въ 4 вариантахъ разсказывается объ одной дѣвушкѣ, соответствующей въ этомъ случаѣ младшей изъ трехъ сестеръ. Число дѣтей всегда такое, въ которое множитель входитъ три (3, 9, 12), за исключеніемъ двухъ вариантовъ, говорящихъ объ одномъ королевичѣ. Въ восточныхъ частяхъ довольно обычно число 9, въ западной же Финляндіи оно никогда не встрѣчается. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ случаѣ рожденія девяти дѣтей они почти всегда рождаются тройнями, подмѣна письма встрѣчается далеко не вездѣ, и то чаще подмѣнивается лишь письмо съ извѣстіемъ о рожденіи королевичей, причемъ король самъ приказываетъ убить щенковъ (сыновей) или бросить ихъ въ бочкѣ въ море. Въ большинствѣ случаевъ, особенно на востокѣ, объ этомъ разсказывается такъ. Баба-яга, приглашенная повивальною бабкою, тайно замѣняетъ родившихся королевичей щенками, и король, по возвращеніи домой, приказываетъ уничтожить ихъ. Сестры королевы очень рѣдко выступаютъ виновницами ея несчастья. Королеву и одного королевича бросаютъ въ бочкѣ въ море во всѣхъ вариантахъ, и во всѣхъ ихъ благодаря какой-нибудь сверхъестественной силѣ, заключенной нерѣдко въ волшебной вѣтви или полотенцѣ, появляется на островѣ дворецъ. Относительно того, какъ король узнаетъ о своей женѣ и сыновьяхъ, которыхъ онъ считаетъ убитыми, съ приведеннымъ образцомъ сходится лишь одинъ вариантъ. Въ восточной Финляндіи о новомъ городѣ и королевичахъ съ золотыми руками большею частью разсказывается въ королевскомъ дворцѣ вишій, случайно бывшій на островѣ. Въ западной же Финляндіи или сами королевичи пріѣзжаютъ съ острова во дворецъ отца (въ 2 вариантахъ на свадьбу короля съ дочерью Бабы-Яги) или король пріѣзжаетъ къ нимъ. Женщина-обманщица наказывается различнымъ образомъ: ее или привязываютъ къ лошадинымъ хвостамъ, или зарываютъ въ землю; въ море ее бросаютъ лишь въ приведенномъ вариантѣ. Русскіе варианты: Аванасьевъ III, № 160, стр. 41, 45; IV стр. 378; Худяковъ, Вып. III, № 87, стр. 35; отчасти № 111, стр. 129—130 и № 117, стр. 194—195; № 112, стр. 131; Сб. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. XXIII, стр. 179; Романовъ, Вып. III, стр. 296, 298 и 302; Чубинскій № 9, стр. 40; Рудченко, Вып. II, № 27, стр. 89.

Варианты другихъ славянскихъ народовъ: Glinski, Bazarz polski II, стр. 53; Божена Нѣмцова, Slovenské pohádky a pověsti, стр. 470; Wuk Karadschitsch, стр. 166; Српски летопис. 1872, Т. 114, стр. 141 (=Arch. f. slav. Phil. II, 3, стр. 627); Krauss, стр. 382.

По щучьему велѣнію.

Улеаборгская губ., Киттилэ; рукописный сборникъ Мурмана, № 25.

Мать посылаетъ своего лѣнтя-сына принести рѣшетомъ воды. Въ рѣшето попадаетъ щука, которая въ благодарность за то, что онъ отпускаетъ ее, общаетъ, что все исполнится по его желанію, если только онъ произнесетъ слова: по щучьему велѣнію. По его желанію вода, и куча дровъ сами отправляются домой, и королевна родитъ ребенка. Король хочетъ узнать, кто отецъ ребенка. Тотъ отецъ его, кому онъ улыбнется. Ребенокъ улыбается лѣнтю, котораго въ наказаніе сажаютъ на корабельную мачту. По щучьему велѣнію онъ съ мачты попадаетъ въ прекрасную страну, гдѣ его выбираютъ въ короли, сначала мѣднаго, затѣмъ серебряннаго и наконецъ золотого царства. Призвавъ къ себѣ короли, посадившаго его на мачту, лѣнтий заставляетъ его отдать ему свою дочь въ жены. Въ концѣ концовъ онъ открываетъ королю, кто онъ, и даритъ ему, какъ тестю, мѣдное и серебрянное царства, самъ же остается въ золотомъ.

Эта сказка относится къ числу еще неизданныхъ. Въ періодическомъ изданіи

Финскаго Литературнаго Общества „Suomi II“, 17, стр. 338 перечисляются варианты этой сказки, доставленные въ архивъ рукописей Общества до 1885 года. Всего 28, записанныхъ въ разныхъ частяхъ страны. Судя по этому, она весьма распространена въ Финляндіи.

Варианты: Аванасьевъ I, № 100, стр. 511, 522; № 101, стр. 525; Эрленвейль, стр. 76; Сб. отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, Т. XXIII, стр. 202; Чубинскій, № 23, стр. 88; Рудченко. Вып. II, № 26, стр. 85; Kolberg, Pokucie V, № 75 (=Этнограф. Обзор., кн. XXII, стр. 119); Gliniski I, стр. 195; Худяковъ, Мат. для из. нар. слов., стр. 20 (сербская).

А. Аарне.

Галицко-русскій авгурій XVIII-го вѣка.

Въ рукописномъ сборникѣ свящ. Θεодора Поповича Тухлянскаго изъ половины XVIII-го вѣка, находящемся въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ (рукоп. н-ръ 2189), помѣщено, какъ дополнение къ „книгѣ звѣздочетства“, начинающей рукопись, слѣдующее интересное указаніе „о недугующихъ“:

Вещи ш недѣлюющихъ, аще ли оумретъ или шживетъ. Поиши во ким дни ъни (?) разболитъ и сочтати имъ его шт рожденію днии его; сочтавъ снѣ шстави на ѡ; шставши ѡ аще вѣдетъ во черленихъ числохъ, живъ вѣдетъ, аще во чернихъ, оумретъ. (Снѣ черленѣ: ѡ, ѣ, ѡ, ѣ, ѡі, ѡі, ѡі, ѡі, ѡі, ѡі, ѡі (въ живот); се чернѣ: ѡе, ѡе, ѡе, ѡе, ѡі, ѡі, ѡі, ѡі, ѡі, ѡі, ѡі, ѡі, ѡі, ѡі, ѡі—смерть).

Аще хоцѣши шврести ш недѣжномъ или оумретъ или шживетъ, штри емъ рѣцѣ и нозѣ тѣстомъ, подаждя снѣ ѡѡ: аще снѣстъ, живъ вѣдетъ волний, аще неснѣстъ, то умретъ.

И пакы инакъ: шмий рѣцѣ и нозѣ недѣжномъ теплою водою и пролѣи верхъ пса; аще штрѣсетъ, то живъ вѣдетъ болний, аще ли нестрѣсетъ сѣ, то умретъ и совершишасѣ. (л. 7—7 обр.).

Этотъ интересный авгурій не былъ еще никогда напечатанъ, хотя всѣ остальные статьи сборника уже обнародованы. О немъ только вскользь упоминають въ описаніи рукописи О. Калитовскій, въ львовской „Зорѣ“, 1884, н-ръ 8, с. 65, и В. Макушевъ, въ журналѣ Минист. Нар. Просв. т. 217, 1881, сент. с. 94. Здѣсь привожу его съ буквальной точностью, вводя только интерпункцію, которая въ рукописи вовсе не отмѣчена.

Ю. Яворскій.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія

Теогонія Гезіода и Прометей (Разборъ сказаній). Георгія Властова. Спб. 1897. 8° XX+579 стр. Цѣна 3 рубля.

Разбирая книгу г. Властова, мы не станемъ излагать всего ея содержанія, такъ какъ для этого пришлось-бы написать новую книгу, пожалуй, еще большаго объема. Все содержаніе гезіодовской Теогоніи авторъ раздѣляетъ на 32 сказанія, которыя онъ и разбираетъ отдѣльно, предпосылая каждому подстрочный переводъ греческаго текста. Мы въ своемъ разборѣ постараемся выяснитъ главные взгляды автора на свою задачу и общій характеръ его толкованій міеологическихъ данныхъ. Для этого намъ придется собрать разбросанныя по всей книгѣ отдѣльныя замѣчанія и изъ нихъ возстановитъ его символъ вѣры. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ дѣлѣ толкованія міеовъ авторъ придерживается своихъ особыхъ взглядовъ, и отъ оцѣнки его общихъ положеній вполнѣ зависитъ и наше отношеніе къ его выводамъ.

«Основаніемъ каждаго сказанія, каждой легенды всегда служитъ фактъ. Фактъ этотъ есть или явленіе изъ физическаго міра, окружающаго человѣка, или событіе изъ его жизни. Сказанія не выдумываются и не сочиняются, а возникаютъ какъ разсказъ о событіи, или явленіи, и потомъ поэтически развиваются... Поэтому, при разсмотрѣніи каждаго сказанія необходимо искать: изъ какого факта могла возникнуть эта легенда? что именно она воспоминаетъ?» (171). Далѣе (281) авторъ говоритъ, что развитіе міеовъ «имѣетъ нѣсколько моментовъ. Первый изъ нихъ всегда почти есть воспоминаніе о фактѣ, событіи;—потомъ побѣдная пѣснь,... утрачивая свое мѣстное значеніе, расширяется и охватываетъ всѣ событія [подобнаго рода]... и съ одной стороны начинается переходить съ мѣста на мѣсто, а съ другой обобщаетъ всѣ факты... въ одномъ сказаніи». Здѣсь авторъ уже признаетъ, что главнымъ источникомъ міеовъ являются историческія событія. Такіе міеы онъ называетъ міеами этническаго происхожденія. «Символическое значеніе придумывается міеу въ послѣдующемъ его развитіи; первый же моментъ большей части міеовъ имѣетъ этническое происхожденіе» (286). Такой первоначальный міеъ, по мнѣнію автора, отличается простотой и ясностью. «Міеъ въ началѣ всегда простъ и ясенъ и почти никогда не связывается съ какою-либо философскою или космогоническою теоріею» (442). Съ другой стороны, «мѣстные легенды составлялись для прославленія тѣхъ фамилій, у которыхъ служилъ бардъ, который ставился на основаніи мѣстнаго сказанія связать славимый родъ съ богами и героями. Иногда легенда возникала отъ игры словъ, или древнихъ метафоръ, смыслъ которыхъ былъ утраченъ» (503). Наконецъ, что касается самаго метода изученія міеологій, то авторъ признаетъ, что «необходимо ее (міеологію) разсматривать, такъ сказать, по слогамъ, стараясь возсоздать образъ міеа, принадлежащаго только извѣстной эпохѣ, извѣстному моменту развитія общества» (531). Съ послѣднимъ положеніемъ нельзя не согласиться, хотя, какъ мы увидимъ ниже, авторъ неправильно его примѣняетъ на практикѣ: онъ

раздѣляетъ сказанія на слон по заранѣ созданной теоріи, выведенной не изъ разбора самихъ мифовъ. Кромѣ того, и общая теорія автора кажется темною и запутанною. Если авторъ въ основу первоначальнаго мифа кладетъ фактъ, который онъ по большей части понимаетъ какъ историческое событіе, то, естественно, является вопросъ, какъ мы можемъ добыть изъ мифа его историческую основу. Вѣдь извѣстны намъ только мифы, а не факты. Изъ словъ автора видно, что мифъ отличается отъ факта своимъ метафорическимъ языкомъ, который первоначально, по мнѣнію автора, долженъ былъ быть простъ и ясенъ. Но существуетъ-ли хоть одинъ мифъ, написанный этимъ яснымъ языкомъ? И какой критерій даетъ намъ право причислить тотъ или другой мифъ къ первоначальнымъ, яснымъ мифамъ или къ позднѣйшимъ, затемненнымъ? Кромѣ того, если мифъ все-таки отличается отъ описанія событія, то и въ первоначальномъ мифѣ мы должны признать извѣстную долю символизма: мифъ, въ такомъ случаѣ, является символомъ событія и, для того, чтобы умѣть разгадывать мифы, нужно умѣть понимать ихъ символическій языкъ. Но пониманіе этого языка требуетъ непрерывно хоть нѣкотораго знакомства съ фактами, лежащими въ основѣ мифовъ, а ихъ то мы и неимѣемъ. Слѣдовательно, получается почти безнадежное положеніе. Между тѣмъ, у автора существуетъ какой-то символическій лексиконъ, съ помощью котораго авторъ и переводитъ на историческій языкъ самые сложные мифы. Но мы не знаемъ происхожденія этого лексикона, и потому сомнѣваемся въ справедливости толкованій автора.

Но прежде чѣмъ познакомиться съ этимъ лексикономъ символовъ, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о фактахъ, которые авторъ кладетъ въ основу мифовъ. Если мифологъ склоненъ въ мифахъ видѣть прежде всего отзвуки историческихъ событій, то для него весьма важное значеніе должны имѣть факты, засвидѣтельствованные исторіей. Они должны служить ему проверкою его выводовъ. Малѣйшее противорѣчіе его выводовъ съ историческими фактами должно наводить его на мысль, что въ его сужденіи вкралась ошибка. Важны для него и выводы сравнительнаго изученія языковъ, тѣмъ болѣе, что ему самому часто приходится имѣть дѣло съ данными почти исключительно лингвистическими. Ему необходимо считаться и съ выводами языковѣдѣнія относительно доисторической культуры индоевропейскихъ народовъ: и ими онъ долженъ постоянно проверять свои выводы. Такимъ образомъ, если встать на точку зрѣнія автора и признать, что задача мифолога сводится къ раскрытію историческаго смысла мифовъ, то необходимо признать, что мифологъ долженъ, съ одной стороны, строго научнымъ путемъ разбираться въ смыслѣ символическаго языка мифовъ, а съ другой—ислѣдовать древнѣйшія историческія событія и съ ними согласовать свои выводы или, въ крайней мѣрѣ, не впадать съ ними въ противорѣчіе. Если онъ, такимъ образомъ, сведетъ концы съ концами, то его выводы можно считать вѣроятными. Въ противномъ случаѣ, мы будемъ все время парить въ области фантазій.

Что же даетъ намъ книга г. Влостова съ этой точки зрѣнія? Мы увидимъ ниже, что вмѣсто того, чтобы смотрѣть на мифологию глазами историка (какъ слѣдовало бы поступать мифологу, ищущему въ мифологіи древнѣйшихъ историческихъ преданій), авторъ склоненъ, наоборотъ, смотрѣть на исторію съ точки зрѣнія своихъ мифологическихъ положеній. Что касается доисторическаго періода греческаго племени, всѣхъ индоевропейскихъ племенъ и даже всего человѣчества, то авторъ обо всемъ этомъ имѣетъ весьма точныя свѣдѣнія. Онъ не сомнѣвается, что человѣчество нѣкогда «составляло единую семью» и «имѣло единыя преданія», а потомъ уже «разошлось по земному шару» (6). Началомъ и исходнымъ пунктомъ человѣчества онъ считаетъ «сѣверные склоны Гинду-Куша» (371). Относительно индоевропейскихъ племенъ (или арійскихъ по терминологіи автора) онъ сообщаетъ намъ еще болѣе подробностей. Родина ихъ помѣщается «на Памирѣ (напр., 133). Рядомъ съ ведическими аріями на высотахъ Памира жило племя безбожныхъ дазыусовъ» (179). Этихъ «своихъ враговъ дазыусовъ ведическіе аріи обвиняли еще на сѣверныхъ склонахъ Гинду-Куша въ томъ, что они занимались магіей» (239). «Съ высоты Памира» «принесено имя Прометея въ связи съ воспоминаніемъ о добываніи огня посредствомъ тренія» (202). «Когда аріи, не раздѣленные ни расколами, толпились на сѣверныхъ склонахъ Гинду-Куша и на холодной высокой вершинѣ Памира, то главными божествами ихъ... были Діи, свѣтлое небо, и мать земля».

(203). Тамъ же, «возникають ведическіе гимны, возникаетъ ученіе о добрѣ и злѣ, извѣстное намъ подъ именемъ Маздеизма» (203—204). Дію «пѣлись гимны на высотѣ Памира» (135). Аріи говорили на своей родинѣ особымъ языкомъ; это былъ, «повидимому, діалектъ санскритскаго, гораздо древнѣйшаго санскритскаго Ведъ» (34). Въ другомъ мѣстѣ (272) говорится, что аріи до раздѣленія на отдѣльные племена обладали «ведическими гимнами и санскритскимъ языкомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ извѣстенъ намъ изъ Ведъ». Эти «ведическіе аріи», по мнѣнію автора, являются представителями всего хорошаго, нравственнаго, поэтическаго. У нихъ была «чистая ведическая семья» (59). «Только у ведическихъ аріевъ мы встрѣчаемъ... обоготвореніе прелестнѣйшаго изъ явленій природы—утренней зари» (121). «Ведическому воспитанію» грековъ авторъ придаетъ «высокое нравственное значеніе» (156). «Благочестіе и сыновняя почтительность напоминаютъ ведическую... семью, а нравственное чувство... указываетъ на неиспорченность ведическихъ грековъ» (157). Въ послѣдней выпискѣ насъ не должно смущать названіе «ведическіе греки», такъ какъ иногда авторъ отождествляетъ грековъ съ ведическими аріями (247).

Изъ общей родины «арійцевъ», по мнѣнію автора, выходитъ сначала одинъ «пелазгическій» потокъ грековъ, которые и заселяютъ Балканскій полуостровъ, двигаясь съ сѣвера. Этотъ же «потокъ пелазговъ» заселилъ и Аппенинскій полуостровъ (137). «Въ концѣ этого великаго переселенія пелазговъ, продолжавшагося нѣсколько столѣтій, вышла съ Памира толпа ихъ же соотечественниковъ, составлявшихъ общество гораздо болѣе цивилизованное, чѣмъ впередъ ушедшія массы, имѣвшее особый культъ и гимны, называемые ведическими, и которое разсталось на сѣверномъ склонѣ Гинду-Куша съ толпами ведическихъ же своихъ соотечественниковъ, перевалившихъ (sic) въ долину священнаго Инда» (145). Авторъ считаетъ необходимымъ предполагать эти два потока аріевъ потому, что «раса, племя, общество, имѣющіе свои обычаи и строй жизни, никогда не мѣняетъ ихъ, сидя на одномъ мѣстѣ: племя или общество можетъ одичать, если оно не обновляется притокомъ жизненныхъ силъ, или не будетъ сдвинуто съ мѣста... Поэтому, мы, колеблясь, отрицаемъ возможность развитія культуры Греціи въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, если не допустить нашествія позднихъ арійскихъ племенъ, которыя несли съ собою ведическіе образы и представленія» (164). Представляя себѣ аріевъ истинными носителями всякихъ высокихъ, нравственныхъ качествъ, авторъ все низшее, темное относитъ на счетъ вліянія туранскихъ племенъ и предполагаетъ, что пелазги (тоже по происхожденію аріи) заимствовали и культъ духовъ, и магию, и врачество, и зачатки металлургіи отъ туранскихъ племенъ, въ средѣ которыхъ они провели, по мнѣнію автора, нѣсколько столѣтій. Второй потокъ «ведическихъ грековъ», однако, не воспринялъ этой туранской культуры и, найдя на территоріи Греціи своихъ соотечей, зараженныхъ темными и безнравственными куклами, вступилъ съ ними въ борьбу, покорилъ ихъ, но частью и воспринялъ ихъ туранскую культуру. Вотъ эта то борьба и отразилась въ тѣмъ сказаніяхъ, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ враждою Зевса (ведическаго божества) съ представителями пелазго-туранской культуры. Олицетвореніемъ послѣдней является, по мнѣнію автора, Прометей, несмотря на то, что его имя авторъ возводитъ къ періоду жизни аріевъ на высотахъ Памира. Послѣдній «резервъ» ведическихъ грековъ представляютъ дорійцы, которые уже на зарѣ историческихъ временъ прошли черезъ среднюю Грецію въ Пелопоннесъ. Они—самые чистые хранители ведическихъ преданій, твердо стоявшіе за старыя заветы ведической старины. Съ этой точки зрѣнія автору кажется, что и «постоянная послѣдующая борьба Аѳинъ и Спарты за преобладаніе была только продолженіемъ борьбы ахео-пелазгическаго міра съ суровыми дорійцами» (320).

Мы не станемъ разбирать всѣхъ подробностей этой теоріи, такъ какъ не нашли въ книгѣ г. Властова ни одного доказательства его положеній, если не считать вышеприведенное теоретическое соображеніе автора относительно развитія культуры вообще, соображеніе, которое заставляетъ автора признать существованіе нѣсколькихъ потоковъ аріевъ, излившихся на Балканскій полуостровъ. Но и это общее положеніе кажется намъ недоказаннымъ и даже прямо невѣрно. Мы ограничимся только нѣсколькими краткими замѣчаніями. Въ настоящее время врядъ-ли кто изъ лингвистовъ признаетъ

Память прародины индоевропейцев; никто не признает, чтобы они говорили на санскритском языке ведъ; никто не сомневается, что их язык никогда не могъ быть даже нарѣчіемъ санскрита; никто также не думаетъ, чтобы ведическіе гимны сложились въ прародинѣ индоевропейцевъ. Если авторъ, такимъ образомъ, лишается этихъ точекъ опоры, то ясно, что и все остальное въ его теоріи является болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Мы могли-бы признать за его теоріей нѣкоторую долю вѣроятія, если бы она выводилась изъ научнаго разбора мифовъ; но авторъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: онъ все мифы толкуетъ съ точки зрѣнія этой сомнительной теоріи. Такъ, касаясь очень поздняго сказанія о томъ, какъ Аенна убила отца своего Палласа, который хотѣлъ ее изнасиловать, авторъ даетъ ему слѣдующее толкованіе: «титаническая культура съ магіей и другими знаніями хотя дала жизнь многимъ искусствамъ, воплощеннымъ въ Палладѣ Аеннѣ, но хотѣла изнасиловать эту представительницу греческаго духа и трезвыхъ знаній, но греческій духъ убилъ отца своего и остался единственнымъ представителемъ знанія и искусства въ греческой жизни» (127). Если въ какомъ либо сказаніи упоминаются змѣи или чудовища, то авторъ считаетъ ихъ всегда за представителей враждебныхъ ведическимъ грекамъ туранскихъ или пелазгическихъ племенъ. Такъ, напр., Сфинксъ «долженъ былъ представлять собою что-то вродѣ общества душителей... Эдипъ... повиднмому, разгадываетъ тайну организаціи общества и уничижаетъ его разумными штрами» (111). «Гигантомахія означаетъ упорную кровопролитную борьбу туземцевъ противъ грековъ» (257). Истребленіе боговъ, мечущимъ молніи, народа флегивъ, грабившихъ Дельфы, «означаетъ безпощадную истребительную войну, которую предприняли греки противъ нѣкоторыхъ туземныхъ племенъ, занимавшихся исключительно грабежомъ» (281). Подъ именемъ змѣи, убившей Элига на охотѣ, разумѣются шайки фанатиковъ дикихъ, которые возмущались противъ греческихъ нововведеній». Авторъ «очень склоненъ думать, что таково значеніе и змѣи, убившей Олега» (285). «Змѣйные хвосты (гигантовъ, символизирующихъ туземныхъ расы), замѣняющіе ноги, повиднмому, указываютъ на то, что они не могли двигаться съ мѣста и были сильны лишь на томъ мѣстѣ, гдѣ земля ихъ произвела» (385). Замѣчательнѣе всего, однако, то, что авторъ находитъ въ Эсхилѣ «ясно сознаваемую идею воплощенія въ Прометѣеѣ всей туранской культуры» (193).

Подобныхъ вышеприведеннымъ толкованій мифовъ мы могли бы привести очень много. Для насъ все такія толкованія совершенно неубѣдительны, такъ какъ для этого нужно вѣрить въ непогрѣшимость того словаря символовъ, на основаніи котораго авторъ, не затрудняясь, всюду принимаетъ напр., что змѣя или змѣйный хвостъ значить туземецъ и т. под. Вотъ еще примѣръ изъ этого словаря: «Отсѣченіе головы рѣки, или протока, и изліяніе струи крови означаетъ доведеніе канала, или рѣки, до моря... другіе рукава были «приращены Юлаемъ», т. е. забыты и засыпаны» (109). По поводу всѣхъ этихъ толкованій намъ невольно приходятъ въ голову золотыя слова автора, которые онъ самъ, къ сожалѣнію, часто забываетъ. «Надо помнить, — говоритъ онъ на стр. 51, что мифологія есть драгоценный камень со многими гранями, и что — смотря по тому, какъ мы подносимъ его къ свѣту, — онъ играетъ разными цвѣтами. Это — правда, но, по нашему мнѣнію, для серьезнаго мифолога именно въ виду этого долженъ на первомъ планѣ стоять вопросъ о томъ, какъ нужно разсматривать этотъ драгоценный камень мифологін, какъ нужно ставить каждый отдѣльный вопросъ. Нельзя приступать къ изученію мифологін съ предвзятою мыслью, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, мы можемъ иногда высказать и справедливыя мысли; но онѣ будутъ имѣть характеръ чисто случайный. Въ настоящее время мифологическія теоріи, видѣвшія въ мифахъ, напр., поэтическія воззрѣнія народа на природу, уже отошли въ вѣчность, такъ какъ всякому очевидно, что въ основѣ этихъ теорій лежатъ поэтическія воззрѣнія ихъ творцовъ на предметъ своего изслѣдованія. Та же судьба ожидаетъ, по нашему мнѣнію, и теорію г. Властова.

Изучающій мифологію индоевропейскихъ народовъ долженъ, какъ уже было упомянуто, считаться съ выводами сравнительнаго языкознанія. Между тѣмъ, и тутъ авторъ стоитъ далеко не на высотѣ современной науки, что сказывается уже и въ его взглядахъ на первоначальный языкъ аріевъ. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ. Имя богини Діоны, «конечно, производное отъ Дій, или Діу, стало быть, пришло несомнѣнно съ вы-

соть Памира» (50). Однако это слово несомнѣнно представляетъ греческое новообразованіе къ слову *Zeús* и не можетъ восходить къ такой древности. Имя *Ἠρῆ* производится отъ *ἔρα* (такого слова не существуетъ: есть нарѣчіе *ἔραζε* «на землю»), которое сопоставляется съ латинск. *terra* (150). Сопоставленіе основано на простомъ созвучіи, чего, конечно, слишкомъ мало. «Полуконь, или Полканъ нашихъ сказокъ есть тотъ же центавръ» (216). Между тѣмъ, Полканъ есть несомнѣнно русская передѣлка итальянскаго имени Пуликане и не имѣетъ ничего общаго съ греческимъ центавромъ. Имя Аполлонъ авторъ производитъ отъ глагола *ἀπολλομαι* (246); между тѣмъ *ἀπολλομαι* происходитъ изъ *ἀπ-δλ-υο-μι*, и у Гомера, который уже знаетъ Аполлона, этотъ глаголъ чаще всего употребляется безъ предлога *ἀπο*, такъ что эта этимологія имѣетъ очень мало за себя. Съ санскритомъ авторъ, повидимому, тоже не знакомъ. На стр. 446 онъ приводитъ «санскритскій корень три ть (sic) или трп. означающій берегъ, отъ котораго производное три то, озеро, или вообще вода». Мы не могли найти такихъ словъ ни въ одномъ изъ словарей и даже не могли разгадать, что можетъ скрываться подъ этой дикой транскрипціей санскритскихъ словъ русскими буквами даже со знакомъ ь на концѣ. Кронось, очевидно по созвучію съ греческимъ *χρόνος*, объясняется какъ олипетвореніе времени (44;132). Но К и Х не могутъ такъ свободно чередоваться, и потому вѣроятнѣе Бругмановское сопоставленіе *Κρ-δνος* съ скр. *Kṛ-anās* «дѣйствующій» отъ *каг*—«дѣлать».

Странное впечатлѣніе производитъ на читателя также правописаніе собственныхъ именъ. Авторъ всегда пишетъ Есхиллъ, Каллипсо, Инахусъ, Цефиссусъ, Фересидъ и даже Фотіусъ вм. Фотій (патріархъ). Богъ Діонисъ превращается въ Діонисія, грифы въ грифоновъ, не говоря уже о санскритскихъ именахъ Ухасъ вм. Ушасъ, Кандагоса Упанипадъ, вм. Чхандогья, Прагапати, вм. Праджапати и т. под.

Насъ могутъ, пожалуй, упрекнуть въ томъ, что, отрицательнаго относясь къ теоріи и выводамъ автора, мы не постарались обстоятельно обосновать свои взгляды и замѣнить выводы автора другими, болѣе близкими къ истинѣ. Но, во-первыхъ, это не входитъ въ нашу задачу а, во-вторыхъ, трудно опровергать то, чего самъ авторъ не доказываетъ. Мы въ своей рецензій старались только показатъ, что какъ теорія автора, такъ и его выводы не вытекаютъ изъ изслѣдованія мифологическаго матеріала, а являются передъ читателемъ, какъ догматы, въ непогрѣшимость которыхъ авторъ вѣритъ. Такая вѣра еще могла-бы быть оправдана, если-бы мифологія, какъ наука, выработала какія нибудь общія основныя положенія. Между тѣмъ, такихъ положеній нѣтъ, а потому мифологъ пока долженъ ограничиться критикой мифологическаго матеріала, онъ долженъ сомнѣваться, а не вѣрить, а повѣрить онъ только тогда, когда будетъ знать.

Д. Кудрявскій.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отъ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Дѣйствительный Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи П. К. Симони обратился къ послѣднему съ просьбою напечатать въ разныхъ изданіяхъ Общества и отдѣльно для разсылки въ редакціи журналовъ, газетъ, Губернскихъ Вѣдомостей, въ Статистическіе Губернскіе Комитеты, для обращенія къ гг. Попечителямъ Учебныхъ Округовъ, Директорамъ Народныхъ Училищъ и Ректорамъ Духовныхъ Семинарій о распространеніи среди учителей и учительницъ, а равно и учащихся подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній, — и вообще для раздачи всѣмъ желающимъ, — помѣщенное ниже его обращеніе съ приглашеніемъ сообщать матеріалы для подготовляемаго имъ къ печати въ одномъ изъ изданій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества обширнаго труда, посвященнаго систематическому собранію (своду) русскихъ (велико-, бѣло-, мало-русскихъ) пословицъ, поговорокъ, присловій, скороговорокъ, прибаутокъ, присказокъ, побасенокъ, пустобаекъ, народныхъ анекдотовъ, загадокъ, остротъ, прозвищъ и проч. съ объясненіями, вариантами и параллелями — какъ книжныхъ, такъ въ особенности простонародныхъ.

Отдѣленіе Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, выслушавъ сообщеніе г. Симони, въ засѣданіи своемъ 15 мая 1898 года постановило просьбу его о напечатаніи и распространеніи составленной имъ программы принять къ свѣдѣнію и исполнить.

ПРОГРАММА

для собиранія русскихъ пословицъ, поговорокъ, острогъ, прозвищъ, загадокъ и т. д.

1. Предлагается записывать изъ устъ встрѣчающіеся въ рѣчи особенно простолюдиновъ, употребительныя въ быту купеческомъ и мѣщанскомъ, въ средѣ сельскаго и городского духовенства и т. д.

- а) пословицы, поговорки, присловья (чаще шуточного или насмѣшливаго содержанія о городахъ и другихъ селищахъ, ихъ жителяхъ, сословіяхъ, иновѣрцахъ, инородцахъ, выдающихся мѣстныхъ лицахъ и проч.), мірскія притчи и вообще пословичныя изрѣченія, не исключая и ходячихъ, часто даже и принявшихъ складъ и мѣрность, текстовъ Священнаго Писанія и изъ духовныхъ книгъ вообще (напримѣръ, изъ Пролога, Паремейника, Житій и т. д.) и проч.
- б) чистоговорки (частоговорки), скороговорки, присказки, прибаўтки, прибаѣтки, пустобайки, приговорки, пустоговорки, прибасенки, побасѣнки, побаски, байки, — также: прибаутки ремесленниковъ (окрики, крики) выкрикиванія наярмщиковъ, сбитенщиковъ, гречневиковъ, пирожниковъ и проч., бурлаковъ и друг., также зазыванія торговцевъ, банщиковъ и проч.
- в) острые и замысловатые отвѣты, остроуты, шутки, насмѣшки и т. д.
- г) выраженія божбы, пожеланія, привѣты, проклятія, ругань, бранныя (или крѣпкія) слова и выраженія *).
- д) мѣткія (красныя) словца, небылицы («небылыя слова»), иносказанія, сравненія, обиняки, прозвища, уличныя, артельныя, ватажныя и другія клички и прованія, величанія и похвальбы и проч.*).
- е) пожеланія застольныя, заздравныя, здравицы, причитанія (причеты) пьяницъ и т. п., — поминальныя, заупокойныя и т. д.
- ж) загадки съ отгадками, задачи, шарады, акростики и другія забавы и шутки подобнаго же рода.
- з) заговоры, заклятія, заклинанія, нашенуты, нашенутиванія и т. д.

*) Просить вообще не стѣсняться сообщеніемъ фразъ и словъ, хотя бы и несовершенныхъ съ общепринятыми у образованныхъ классовъ понятіями о приличіи и неприличіи, такъ какъ у народа на этотъ счетъ свои понятія.

- и) снотолкованія и примѣты.
- к) земледѣльческія и пастушьи примѣты и гаданія. Названія народныхъ мѣсяцевъ съ относящимися сюда поговорками, примѣтами и проч. Праздники и народный мѣсяцесловъ (годовщина) вообще.

2. Записывать просятъ сообщаемыя произведенія народного творчества по возможности *съ точнымъ сохраненіемъ выговора каждого звука*, а не примѣняться къ грамматическому (школьному) правописанію, — *непрерывно надъ каждымъ словомъ отмѣчать удареніе*.

3. Для каждого отдѣльнаго случая необходимо указать отъ кого слышано или записано; желательно бы даже имѣть нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія и о томъ лицѣ, отъ котораго записаны слово или пословица и проч.: отку́да онъ и родители его происходятъ родомъ, живалъ ли въ столицахъ и проч.?

Въ другихъ случаяхъ важно также знать, гдѣ обращаются, отку́да происходятъ, гдѣ записаны или услышаны были пословица или выраженіе и проч.

Крайне необходимо всегда знать о степени распространенности и излюбленности пословицы и проч. (употребляется ли напр. въ сосѣднихъ мѣстностяхъ или только въ вашей мѣстности? Употребляется ли и въ данной мѣстности повсюду, или въ одномъ только какомъ нибудь родѣ, семьѣ или даже однимъ лицомъ?).

4. Желательно получить объясненія смысла и значенія, а также происхожденія или даже зарожденія каждой пословицы, — отъ лица ея произнесшаго и, если можно, то нужно записать такія свѣдѣнія его же подлинными словами.

5. При малопонятныхъ старинныхъ или мѣстныхъ (областныхъ) словахъ (иначе провинціализмахъ) слѣдуетъ прибавлять объясненіе ихъ значенія.

6. Сообщите, кто вообще въ Вашемъ краю или деревни, городѣ знаетъ и сохраняетъ въ своей памяти наиболѣе пословицъ, загадокъ и проч.? Въ какомъ быту (у крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, духовныхъ, солдатъ, рабочихъ и проч.) чаще употребляются пословицы и проч.? также, кто чаще пользуется ими въ рѣчи, мужчины или женщины? старики и старухи или молодые? а дѣти какъ?

Не сохранилось ли въ Вашей мѣстности памяти о скоморохахъ и ихъ ватагахъ, бахаряхъ, сказочникахъ (сказеяхъ) и вообще о потѣшникахъ и досужихъ людяхъ такого рода?

7. Какое особое названіе существуетъ у Васъ для всѣхъ выше перечисленныхъ произведеній простонароднаго творчества, — напр., скажутъ ли: «говорить пословицу», «загнать загадку», «протолковать (растолковать) сонъ», или иначе какъ и какъ именно?

8. Иногда основаніемъ пословицы, поговорки и проч. служить какой нибудь анекдотъ, сказка, преданіе, басня, или же и истин-

ное происшествіе, — для объясненія запишите и ихъ въ возможной подробности. Такъ же, если пословицы или поговорки и т. д. выродились изъ забытой въ народѣ пѣсни (часто еще продолжающей жалкое существованіе среди дѣтей и проч.) или сказки, то постарайтесь разузнать о нихъ и приведите эту пѣсню или сказку цѣликомъ всю.

9. Если бы Вамъ случилось найти у кого либо рукописныя тетрадки съ пословицами, загадками, заговорами и проч., то не можете ли поточнѣе списать ихъ и переслать въ Общество вмѣстѣ съ краткимъ описаніемъ внѣшности самой тетради, съ свѣдѣніями о томъ, «когда и какъ писано, на сколькихъ листахъ, нѣтъ ли въ ней рисунковъ, киноварныхъ (красныхъ) буквъ или даже цѣлыхъ строкъ и проч.; на свѣтъ въ листахъ на бумагѣ не просвѣчивается ли обозначенія года или какого либо знака (клейма); — кому принадлежитъ, отъ кого нынѣшнему владѣльцу досталось. Если есть внутри самой тетради или на ея обложкѣ (переплетѣ, доскѣ и т. п.) приписки: кому принадлежала тетрадь въ давнее время и потомъ, то все это выпишите, какъ отмѣчено тамъ. Еще лучше, если бы Вамъ удалось выслать хотя бы на время и самую тетрадь въ Общество, она можетъ быть куплена, — иначе же, въ полной сохранности и въ скоромъ времени будетъ Вамъ возвращена.

10. Когда, т. е. въ какое время года (напр., въ какіе праздники и проч.), при какихъ обстоятельствахъ (обстановкѣ и проч.) сказываются въ Вашей мѣстности чаще пословицы, загадываются загадки и проч.? Не существуетъ ли игорь, неразлучныхъ съ сказываніемъ пословицъ, съ загадками, шутками, насмѣшками, гаданіями проч.? Когда онѣ разыгрываются (указать мѣсяцъ, число, время года, дня и проч.)?

11. При записяхъ просятъ лишь писать разборчивѣе, въ объясненіяхъ — необходимое условіе только ясность и понятность изложенія, — литературной обработки вовсе не требуется.

Точно также просятъ не стѣсняться количествомъ и даже качествомъ (т. е. напр. доставить хотя бы и всѣмъ извѣстныя пословицы, или же извѣстныя въ печати. но разъ Вы можете ихъ объяснить, сказать, при какихъ условіяхъ и гдѣ онѣ произнесены, то это есть уже важное и новое. и потому цѣнное для науки, указаніе и оно поможетъ лучше объяснить уже и извѣстное въ печати и проч.) — посылаемаго матеріала. все будетъ принято съ достоюлжною благодарностію и вниманіемъ и обезпечено для науки, а имена лицъ, сообщившихъ тѣ или другіе матеріалы, будутъ съ благодарностію упомянуты въ своемъ мѣстѣ.

12. Особенно желательно имѣть записи такихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч., которыя или уже забыты, или стали переиначиваться и разрушаться подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Если пословица и поговорка и т. д. понимаются въ разныхъ смыслахъ, или въ Вашей мѣстности (деревнѣ, городѣ) такъ, а въ сосѣдней—иначе, то необходимо привести объясненіе для каждаго рода и случая ея употребленія особо.

Дѣйствительный Членъ-Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, членъ корреспондентъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Императорскаго Общества любителей древней письменности *Павелъ Сimoni*.

15 мая 1898 г.

Письма и пакеты съ матеріалами слѣдуетъ адресовать въ С.-Петербургъ, у Чернышева моста, въ Императорское Русское Географическое Общество — Отдѣленіе Этнографіи, или Павлу Константиновичу Сими, по адресу: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 7 линія, д. 2, кв. 16, въ Императорскую Академію Наукъ (по II-му Отдѣленію).

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Обращая вниманіе нашихъ читателей и членовъ сотрудниковъ И. Р. Г. Общества на прекрасную статью г. Иваницкаго, прошу покорно о сообщеніи въ Редакцію «Живой Старины» подобныхъ-же детальныхъ описаній внѣшней обстановки деревенскаго населенія различныхъ мѣстностей русскихъ (велико-мало и бѣло-русскихъ) и инородческихъ съ обозначеніемъ мѣстныхъ названій всѣхъ предметовъ этой обстановки. Фотографіи, рисунки и модели крайне желательны.

ОТДѢЛЪ V.

С м ѣ е ъ.

Изъ Череповецкаго уѣзда, Новгор. губ.

Пословицы и поговорки.

1. «Дѣвушку по родамъ—коровушку по рогамъ»,—искать себѣ дѣвушку въ жены отъ хорошихъ родителей.
2. «Въ дѣвкахъ курочки—въ бабахъ дурочки». Пока въ дѣвушкахъ, за ней ухаживаютъ и говорятъ, что она хороша. Когда же станетъ женой, то обращеніе мѣняется.
3. «Старый гонись, а молодой не плошись». Приготовляйся каждый рано или поздно умереть.
4. «Богу молись, а къ берегу гребись».
5. «Гдѣ рожь, тутъ и мѣра, гдѣ народъ тутъ и вѣра».
6. «Шкалички да косушечки доведутъ до плетюшечки».

Примѣты.

1. Если въ Вербное воскресенье бываетъ ненастная погода, то и въ Ожино непременно будетъ такая-же. Эдакое состояніе выражается корочетомъ: «вербница-свернется».
2. Если весной лягушки весело квакаютъ, то «сѣвъ» будетъ хорошій, безъ помѣхи со стороны погоды.
3. Если овода бойко нападаютъ на скоть, то цвѣтеніе ржи будетъ благополучное.
4. Нечаяннаго виновника пожара (напр., овина), гонять отъ пожарища прочь, въ поле. Если бы онъ побѣждалъ отъ пожара въ деревню, то и огонь будто бы за нимъ переброситъ на деревню.

Обычаи.

1. Обычай «заповѣдывать» ягоды. Плохіе урожан, хлѣба, вслѣдствіе песчаной почвы и преобладанія бодотъ въ южной части уѣзда, заставляютъ крестьянъ обращать, большое вниманіе на «лѣсной харчъ», заготовляя его помногу въ прокъ, какъ подспорье къ прочимъ пищевымъ продуктамъ, а излишекъ пуская въ продажу. Грибы подвергаются солению и сушенію, а бѣлые сушеные грибы идутъ исключительно въ продажу на крещенской ярмаркѣ въ г. Весьегоонскѣ по цѣнѣ отъ 40 к. до 1 руб. за фунтъ, смотря по урожаю. Въ предупрежденіе выбора ягодъ еще неспѣлыми и для равномернаго распредѣленія ихъ между всею деревнею, ягоды бруснику и клюкву «заповѣдуютъ». Для этого, въ началѣ лѣта собирается въ данной деревнѣ сходъ и постановляютъ приговоръ несобирать ягоды до извѣстнаго времени, а ослушникамъ опредѣляется наказаніе. Въ день «расповѣдыванія» ягодъ, отправляются почти поголовно для

сбора, и въ урожайные годы брусники набирають, а затѣмъ намочивають и напаривають цѣлыя кадцы.—Клюквы-же нѣкоторыя семьи набирають по четверти и болѣе, часть ея продается прѣзжающимъ, нарочно для этого, скупщикамъ. Даже такія невкусныя, какъ напр. можжевеловыя и то заготавлиются по нѣскольку мѣръ. Въ продолженіе зимы изъ нихъ варятъ праздничный напитокъ, подъ названіемъ «вересоваго сусла или пива», который пьется всѣми съ удовольствіемъ, за немѣнѣемъ ничего лучшаго.

2. Странный обычай. Мѣстное названіе тещи: хоровина.—Въ первое воскресеніе великаго поста, или такъ, называемое здѣсь «хоровинное воскресеніе» зятя ѣдутъ за тещами и везутъ ихъ къ себѣ въ гости. Проѣзжая по деревнямъ ихъ встрѣчаютъ толпы подростковъ—мальчишекъ съ грудями вѣнковъ и начинаютъ съ криками хлестать вѣнками и бросать сѣгомъ. Конечно, нѣкоторые проѣзжающіе и не представляютъ вышеупомянутаго родства, но мальчишки въ каждой парѣ стараются видѣть тещу и бьютъ немилосердно. Таковъ ужъ обычай. Взрослые же не останавливаются ихъ и стоятъ, посмѣиваясь, около домовъ.—Вѣрно и въ деревнѣ тещи не пользуются особеннымъ почитаніемъ. Этотъ обычай наблюдается въ сѣверной части уѣзда.

3. Обычай «вытиранія огня»¹⁾. При общественныхъ бѣдствіяхъ въ деревнѣ наприм., во время повальныхъ болѣзней: горячки и др., или при падежѣ скота, для прекращенія болѣзни и предохраненія остальныхъ отъ заболѣванія «вытирають огонь».—Огонь этотъ считаютъ священнымъ, вѣроятно потому, что много нужно труда, чтобы получить его, и что къ самому акту «трени» приступаютъ въ молитвенномъ настроеніи. Добываютъ его по способу первобытныхъ людей сильнымъ треніемъ бревна о бревно. Въ назначенный для этого день печку топить, самовары грѣть, курить и вообще доставать огонь какимъ нибудь инымъ образомъ, по всеобщему соглашенію, запрещается. Съ восходомъ солнца, собираются жители всего селенія на улицу и приготовленными бревнами начинаютъ тренія по-очереди, чтобы всякій могъ потрудиться; къ полудню удастся достать огонь. Когда бревна задымятся, то прикладываютъ какіе нибудь сухіе предметы, раздувая, чтобы вспыхнулъ огонь. Затѣмъ раскладываютъ небольшой костеръ и сначала всѣ здоровые переходятъ черезъ огонь, потомъ уже переносятъ и больныхъ. Этимъ-же огнемъ затапливаютъ всѣ печи въ селеніи. Тутъ же даютъ общанія въ ближній праздникъ отслужить водосвятный молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ селенія и затѣмъ этотъ день праздновать ежегодно.—Отсюда берутъ начало старинныя т. н. «завѣтные праздники».—Такой случай былъ здѣсь въ одномъ селеніи (б. Островъ) въ маѣ мѣсяцѣ с. г. при эпидеміи горячки.

4. Если трудно, больной или умирающій лежитъ на пуховой перинѣ или подушкахъ, то ихъ отбирають и кладутъ больного на соломенный говоря: на пуху тяжело умирать.—(Отъ того, что пухъ худой проводникъ тепла и, удерживая его, болѣе расслабляетъ больного, дѣйствуютъ тутъ окружающіе безсознательно, стараясь облегчить больного; или сопоставленія легкаго предмета—пухъ съ тяжелою мыслию о смерти; или же боясь порчи перины отдѣленіями больного. А, можетъ, имѣють въ виду всѣ три вышеказанныя причины.

5. Когда корова «стелится» то «для очищенія удоевъ» окуривають её Богородской травой и даютъ хлѣба, намоченнаго въ святой водѣ.

6. При потерѣ жвачки у коровъ натирають во рту солью и привязываютъ родъ узды изъ липоваго лычка.

Герасимовъ.

¹⁾ См. Жив. Стар. готъ сельмой. Вып. II. Отд. II стр. 247—261

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА БОГОСЛОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ

(седьмой годъ изданія).

Въ 1898 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе Богословскаго Вѣстника ежемѣсячно книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати и болѣе листовъ, по прежней программѣ.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться переводы святоотеческихъ твореній, изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, обзорѣнія современныхъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ, критика и библиографія. Въ приложеніяхъ къ журналу будутъ продолжаться печатаніемъ автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіеп. Тверскаго (періодъ его общественной и служебной дѣятельности по окончаніи академическаго курса) и протоколы засѣданія Совѣта Академіи.

За минувшіе годы въ Богословскомъ Вѣстникѣ были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: В. Кудрявцева-Платонова. Регрессивная и прогрессивная теорія происхожденія міра. Е. Голубинскаго. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами Архим. Антонія. Два пути пастырства—латинскій и православный. А. Лебедева. Греко-восточная церковь подъ владычествомъ турокъ послѣ паденія Византійской имперіи. Гр. М. Тлстаго. Воспоминанія о жизни и ученіи въ Сергіевомъ посадѣ. В. Ключевскаго. Добрые люди въ древней Руси. Н. Каптерева. Господство грековъ въ іерусалимскомъ патриархатѣ въ XVI—XVIII столѣтіяхъ. Г. Воскресенскаго. Изъ ко церковной жизни православныхъ славянъ. В. Соколова. Іерархія англиканской епископальной церкви В. Кыпарисова. О церковной дисциплинѣ. И. Корсунскаго. Изъ церковной жизни православнаго Востока. Ген. А. Кирѣева. Третій международный конгрессъ старокатоликовъ. А. Бѣлаева. Когда наступитъ царствованіе антихриста? Н. Заверскаго. Что такое раскольникій бракъ? А. Шостыня. Личность въ іезуитизмѣ. Арх. Григорія. Объ эгоизмѣ и христіанской любви къ самому себѣ. А. Голубцева. Происхожденіе, назначеніе и устройство римскихъ катакомбъ. К. Попова. Чинъ священнаго коронованія. А. Введенскаго. Западная дѣятельность и русскіе идеалы (письма изъ за границы). В. Аппельротъ. Древне-греческая религіозная скульптура. С. Глаголева. Конецъ земли. В. Мышцына. Нуженъ-ли намъ греческій переводъ Библии при существованіи Еврейскаго подлинника? И. Попова. Критика ученія Канта объ основахъ нравственности. А. Мартынова. Разборъ и опроверженіе догматическихъ заблужденій пашковцевъ. Прот. Г. Смирнова-Платонова. Новое прозаведеніе гр. Л. Н. Толстаго. И. Громогласова. О сущности и причинахъ русскаго раскола такъ, называемаго старообрядства. П. Тихомирова. Къ вопросу о политическихъ національныхъ и религіозныхъ задачахъ Россіи. Е. Долганева. Современная Абиссинія. Н. Горецкаго. Нравственное значеніе страданій съ христіанской точки зрѣнія. С. Смирнова. Значеніе печерскаго монастыря въ рачальной исторіи русской церкви и общества. Архим. Сергія. На дальнемъ востокѣ. (Письма миссіонера). А. Папкова. Древне-русскій приходъ. Н. Писаревскаго. Полтора года въ Берлинѣ. Булла папы Льва XIII объ англиканскихъ рукоположеніяхъ и отвѣтъ на нее архіепископовъ Англіи и мн. др.—Переводились: слова Св. Астерія Амасійскаго. толкованія Св. Кирилла Александрійскаго на малыхъ пророковъ и толкованія Св. Апостола Павла и на Четвероевангеліе. Въ приложеніяхъ были, между прочимъ, напечатаны: Духовное завѣщаніе Св. Митрофана, Еп. Воронежскаго, изслѣдованіе іер. Григорія „Третье великое благовѣстническое вужество Св. Ап. Павла“ и курсы Прот. проф. Добротворскаго „Основное Богословіе“ и Догматическое Богословіе“.

Подписная цѣна на Богословскій Вѣстникъ за годъ: безъ пересылк. шесть рублей, съ пересылкою семь рублей, за границу восемь рублей.

Продолжается подписка на текущій 1898 годъ. Адресъ: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, редакція Богословскаго Вѣстника.

ОТЪ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ДЛЯ ВЕПОМОЩЕСТВОВАНІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ.

Давно знакомы русскимъ людямъ лишенія, которыя выпадаютъ на долю переселенцевъ. Скудость средствъ при оставленіи родины, долгій томительный путь, болѣзнь и смерть слабѣйшихъ членовъ семьи, трудность водворенія на новомъ мѣстѣ, многолѣтняя борьба съ условіями далекаго края — вотъ тѣ матеріальныя нужды, на которыя откликается благотворительность.

Но велика и духовная нужда переселяющихся въ просвѣщеніи и первой ступени къ нему—грамотности. Большая часть переселенцевъ идетъ изъ земскихъ губерній, гдѣ уже выросла и окрѣпла народная школа. Она вошла въ жизнь крестьянъ, населеніе сблизилось съ нею матеріальными пособіями на ея поддержаніе; оно сроднилось съ мыслью, что если дѣды и отцы прошли жизнь въ потемкахъ, то дѣтямъ доступна грамота и открытъ путь къ просвѣщенію. Кто не встрѣчалъ въ печати многочисленныхъ указаній на то, какъ тяготѣетъ деревня къ свѣту знанія!

Сибирь не можетъ отвѣтить на эту острую потребность. Населеніе рѣдко; десятки верстъ между деревнями; школъ мало, да и тѣ, которыя есть, бѣдны и учащими силами и учебными пособіями. Водворившись за Ураломъ, переселенецъ долженъ проститься съ отрадной надеждой, что школа приютитъ его дѣтей; онъ долженъ снова привыкнуть къ мысли, что дѣти останутся во тьмѣ, изъ которой пытались выйти еще отцы. А школа особенно нужна этому далекому краю; тамъ мало людей просвѣщенныхъ; въ сельскомъ хозяйствѣ еще нѣтъ навыковъ, которые даются многолѣтней осѣдлостью; природа еще не познана и еще не выработаны приемы, которые могли бы подчинить ее волѣ переселенца. И только школа способна облегчить эту задачу.

Стремясь удовлетворить эти нужды, Общество для вспоможенія нуждающимся переселенцамъ постановило образовать особый школьный фондъ, изъ котораго въ мѣстахъ водворенія переселенцевъ могли бы быть устраиваемы училища и выдаваемы пособия существующимъ школамъ. Общество твердо вѣритъ, что русскіе люди примутъ къ сердцу эту нужду и будутъ направлять свою лепту въ школьный фондъ. Пожертвованія просятъ направлять въ С.-Петербургъ, Поварской пер., д. 15, Обществу для вспоможенія нуждающимся переселенцамъ. въ школьный фондъ.

НОВОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ВѢСТНИКЪ СЛАВЯНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ

первый номеръ котораго появится въ теченіе 1898 года, подъ редакціей Д-ра Л. Нидерле.

Со времени Шафарика изученіе славянскихъ древностей значительно поднялось впередъ, но, несмотря на это, мы до сихъ поръ не имѣемъ изданія, посвященнаго этому отдѣлу славяновѣднія. Въ виду этого, мы задумали «ВѢСТНИКЪ СЛАВЯНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ», въ которомъ предполагаемъ давать обзоры всѣхъ работъ по славянской этнографіи, археологіи, языковѣднію и исторіи, поскольку эти работы разъясняютъ первобытную исторію Славянъ.

Вначалѣ «ВѢСТНИКЪ» будетъ заключать обзоры только главнѣйшихъ работъ, а также библиографію. «ВѢСТНИКЪ» будетъ издаваться подъ чешскимъ заглавіемъ «Věstník Slovanských Starozitostí» причѣмъ оглавленіе его будетъ печататься по-французски. Въ Вѣстникѣ будутъ помѣщаемы статьи на главнѣйшихъ европейскихъ, а также на всѣхъ славянскихъ языкахъ, такъ какъ предполагается, что всякому занимающемуся древностями Славянъ знакомы всѣ славянскіе языки.

«ВѢСТНИКЪ» будетъ появляться двумя книжками въ годъ, которыя составятъ томъ отъ 64 до 90 листовъ въ форматѣ 12^о.

Такъ какъ изданіе предпринимается на мой счетъ, то я прошу всѣхъ интересующихся славянскими древностями помочь мнѣ своими научными трудами. Въ особенности прошу не отказать мнѣ въ высылкѣ отписокъ своихъ работъ, отдѣльныхъ брошюръ, а также обзоровъ дѣятельности музеевъ и учебныхъ обществъ.

Др. Л. Нидерле.

Прага. Фигнерово намѣстѣе 1806/11.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 2 гульдена для Австріи, 3 м. 50 пф. для Германіи 5 гульд. или 2 рубля для всѣхъ странъ, принадлежащихъ къ почтовому союзу.

ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

„ЗАПИСКИ“

Кіевскаго Отдѣленія Император. Русскаго Техническ. Общества
ПО СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Программа «ЗАПИСОКЪ»: протоколы общихъ собраній засѣданій Отдѣленія, Совѣта Отдѣленія и назначаемыхъ Отдѣленіемъ комиссій, правительственные распоряженія, оригинальныя изслѣдованія, разныя статьи, замѣтки, извѣстія и корреспонденціи, касающіяся разныхъ сторонъ свеклосахарной промышленности, обзоръ литературы по тому же предмету. Кромѣ того, въ «ЗАПИСКАХЪ» будутъ печататься статистическія свѣдѣнія о свеклосахарной промышленности въ Россіи, составляемыя по отчетамъ обязательно доставляемымъ въ Департаментъ Неокладныхъ Сборовъ.

«ЗАПИСКИ» выходятъ два раза въ мѣсяцъ, 24 выпуска въ годъ.

Подписная цѣна «ЗАПИСОКЪ» для подписчиковъ внутри и внѣ Россіи 10 рублей въ годъ, а для гг. членовъ Отдѣленія—5 руб.

Подписка принимается въ Бюро Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (Кіевъ, Крещатикъ, домъ Оглоблина, № 60).

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1898 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ; біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету; обзорѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко.*

Симъ извѣщаю Гг. получившихъ Проспектъ II-го тома «Великокняжеской и Царской охоты на Руси», что выходъ его въ свѣтъ замедлится до осени 1898 года, по причинѣ распоряженія помѣститъ въ этомъ II-мъ томѣ особый видъ города Москвы XVII-го вѣка—заказанный двумъ художникамъ на конкурсъ.

Первый томъ «Великокняжеской и Царской охоты на Руси» съ 197 рисунками и 8 хромофотографіями въ нѣсколько красокъ—продается въ г. Гатчинѣ у издателя Полковника Н. И. Кутепова и въ магазинахъ г. Петербурга: Нового Времени, Невскій, 38 и у Фельтена, Невскій, 20.

Николай Кутеповъ.

26 Февраля 1898 года.

„МАЛО СЛОВЪ, НО МНОГО МЫСЛИ“—деви́зъ изданія.

Роскошное изданіе

съ дост. и перес.

Открыта подписка

Дешевое изданіе

безъ доставки

10 руб. за годъ

на **1898** г.

за годъ **5** руб.

на

„Журналъ Журналовъ

и

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новое иллюстрированное ежемѣсячное изданіе **безъ предварительной цензуры**, составленное отчасти по образцу иностранныхъ Review of Reviews (англійскаго и американскаго), Revue des Revues и друг.

Кромѣ оригинальныхъ статей, написанныхъ специально для журнала выдающимися учеными и мыслителями, какъ русскими, такъ и иностранными, журналъ помѣщаетъ извлеченія или экстракты изъ статей извѣстнѣйшихъ авторовъ и замѣчательнѣйшихъ статей, появляющихся въ русской или иностранной печати.

Въ программу журнала входятъ: науки естественныя, медицинскія, физико-математическія, исторія и общественныя науки, философія, метафизика и психологія, искусства и критика, обзорѣніе журналовъ, смѣсь и проч.

Отдѣлъ наукъ естественныхъ и медицинскихъ будетъ выходить при ближайшемъ сотрудничествѣ и подѣ наблюдениемъ Академика Князя **И. Р. ТАРХАНОВА.**

Отдѣлъ исторіи и общественныхъ наукъ—при оотрудничествѣ и подѣ наблюдениемъ **В. Ф. ГОЛОВАЧОВА.**

Подписная цѣна:

на роскошное изданіе за годъ съ доставкою и пересылкою **10** руб.

» дешевое » » » » » » **5** »

» » » » безъ доставки **5** »

(Разсрочка на дешевое изданіе съ пересылкою и доставкою допускается при ежемѣсячныхъ взносахъ по 2 рубля въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ).

Издатель-редакторъ **И. П. Кондыревъ.**

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ

въ Гороховая 13, (уг. В. Морской).

Продолжается подписка на 1898 годъ.

НА ЖУРНАЛЪ

«ДѢЯТЕЛЬ»

Въ качествѣ сотрудниковъ изъявили желаніе принять участіе профессора: А. И. Александровъ, Е. Ѳ. Будде, А. Ѳ. Гусевъ, Л. О. Даркшевичъ, И. М. Догель, Г. Ѳ. Доридоновъ, Н. П. Загоскинъ, В. Ф. Залѣскій, Н. А. Засѣкинъ, М. Я. Капустинъ, Н. Ѳ. Катановъ, Ѳ. Г. Мищенко, А. В. Поповъ, П. А. Никольскій, О. А. Рустинскій, И. Н. Смирновъ, Н. В. Сорокинъ, Е. П. Янишевскій, А. И. Подбѣльскій и, кромѣ того, А. В. Нечаевъ, В. Н. Агаѣоновъ, С. С. Бырдинъ, С. М. Капустина, Л. Ф. Мищенко, Я. Посадскій, Р. В. Ризположенскій, С. М. Смирновъ, А. Т. Соловьевъ, С. Н. Сорокина, М. С. Сегель, П. В. Траубенбергъ, свящ. В. А. Охотинъ, В. А. Ислентьевъ, М. В. Казавскій, М. Д. Закревская, М. А. Готвальдъ и В. А. Никитская.

Программа журнала слѣдующая:

1) Правительственныя распоряженія.	6) Изъ жизни и печати.
2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія.	7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учреждений.
3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія.	8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ.
4) Письма изъ провинціи.	9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ Трезвости въ Россіи и за границею.
5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни.	10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости.
	11) Критика и библіографія.
	12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ 2 рубля.

Адресъ редакціи: Казань, типографія Императорскаго Казанскаго Университета, Черноозерская улица, собствен. домъ.

Черезъ редакцію журнала «ДѢЯТЕЛЬ» можно пріобрѣтать слѣдующія книги:

Дѣятель журналъ за 1896 годъ безъ перваго №—2 руб.

Царь-Освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи Императоръ Александръ П. А. И. Александрова р. 40 к.
Отчего гибнутъ люди. За сотню. 1 р. — »
Всемирно должно удалаться отъ пьянства. Тихона Задовскаго. За сотню 1 » — »
Вино-ядъ. Защитникамъ умѣреннаго употребленія вина. Русскимъ матерямъ. За сотню. 1 » 50 »
Слова отца Іоанна Ильича Сергіева противъ пьянства. За сотню. 1 » — »
Вино для человѣка и его потомства—ядъ. За сотню 2 » — »
Въ защиту вина — » 20 »
Спиртные напитки, какъ располагающая причина къ разнаго рода заболѣванію человѣка. И. М. Догеля. (Одобрен. ученымъ комит.) — » 40 »

Редакторъ-издатель А. Соловьевъ.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ И „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“
съ приложеніемъ ПОЛНАГО СБОРНИКА ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

С.-Петербургская Духовная Академія, въ твердой рѣшимости и вырѣдъ служить по мѣрѣ силъ тому дѣлу, которому она служить до сихъ поръ посредствомъ своихъ журналовъ будетъ издавать въ 1898 году «Церковный Вѣстникъ» и «Христианское Чтеніе» по слѣдующей программѣ.

Въ «ЦЕРКОВНОМЪ ВѢСТНИКѢ» печатаются:

1) **Передовыя статьи**, имѣющія своимъ содержаниемъ обсужденіе богословскихъ и церковно истор. вопросовъ, какъ они выдвигаются запросами времени;

2) **Статьи церковно-общественнаго характера**, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ и общественныхъ явленій, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; въ этомъ отдѣлѣ редація даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ подписчиковъ и читателей, которые соглашались высказаться по тѣмъ или другимъ назрѣвающимъ вопросамъ церковно-общественной жизни;

3) **Мнѣнія и отзывы**—отдѣлъ, въ которомъ излагаются и подвергаются критическимъ замѣчаніямъ факты и явленія церковно-общественной жизни, какъ они отображаются въ текущей духовной и свѣтской печати;

4) **Въ области церковно-приходской практики**—отдѣлъ, въ которомъ редація даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики;

5) **Корреспонденціи** изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни;

6) **Обозрѣніе книгъ и духовныхъ (а равно и свѣтскихъ) журналовъ.**

7) **Постановленія и распоряженія правительства;**

8) **Лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи и за границей на пространствѣ всего земного шара;**

9) **Разныя извѣстія и замѣтки**, разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ.

Въ «ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ» входятъ самостоятельныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется и общедоступность изложенія, а также критическія замѣчанія о выдающихся новостяхъ отечественной и иностранной богословской литературы.

Примѣчаніе. Въ удовлетвореніе желаній многихъ подписчиковъ, «Христианское чтеніе» съ настоящаго 1897 года выходитъ **ежегодно** книжками отъ 10 до 12 печатн. листовъ, что даетъ возможность правильно слѣдить за всѣми выдающимися явленіями въ области богословской науки и церковно-общественной жизни. Такое расширение журнала, конечно, требуетъ увеличенныхъ усилій со стороны редакціи и крайняго напряженія ея матеріальныхъ средствъ. Не смотря на это, цѣна на журналъ, выписываемый отдѣльно, остается прежняя, т. е. 5 рублей въ годъ, и

только тѣ подписчики, которые выписываютъ его совместно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ», за дополнительныя шесть книжекъ приплачиваютъ **одинъ рубль**, т. е. вмѣсто двухъ рублей платятъ три рубля. Редація приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы интересомъ и разнообразіемъ статей съ избыткомъ покрывался этотъ неизбѣжный, хотя и незначительный расходъ.

Кромѣ того, съ 1895 года редація приступила къ изданію «ПОЛНАГО СБОРНИКА ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА» въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на **ОБА ЖУРНАЛА** получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1.000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта); вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за **ОДИНЪ РУБЛЬ**, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христианскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ приобрести полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцовъ церкви, собраніе которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую бібліотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1898 г. будетъ изданъ **ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ** въ двухъ книгахъ. Въ него войдутъ бѣсѣды св. Іоанна Златоуста на книгу Бытія.

Новые подписчики, желающіе получить и **ПЕРВЫЕ ТРИ ТОМА**, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ—Годовая цѣна въ Россіи:

а) **Отдѣльно** за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб. съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 руб. 50 коп.; въ **издачн. переплетѣ** 7 руб. за «Христианское чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 руб. 50 коп., въ **издачн. переплетѣ** 7 руб.

б) **За оба журнала** 8 (восемь) руб. съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА» 9 (девять) руб., въ **издачн. переплетѣ** 9 руб. 50 коп.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:
За оба журнала 10 (десять) р. съ приложеніемъ «Твореній св. Іоанна Златоуста»—12 р. 50 к.; за каждый **отдѣльно** 7 (семь) руб., съ приложеніемъ «Твореній св. Іоанна Златоуста»—9 (девять) руб.

Иногородніе подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христианскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

Подписывающіе въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр., 151, кв. 7), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отъ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 117—121
2. Отъ редактора 121

Отдѣлъ V.

С м ѣ с ь.

1. Изъ Череповецкаго уѣзда, Новгор. губ. Пословицы и поговорки, примѣты и обычаи 122—123

Объявленія.
